

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: АНАЛИТИКА И КРИТИКА

№ 1
2026

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2026 года
Периодичность выхода: два раза в год

Редакционная коллегия

Савин Андрей Иванович – главный редактор, кандидат исторических наук, заведующий сектором общественно политических наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН (Новосибирск)

Котюкова Татьяна Викторовна – заместитель главного редактора, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, старший научный сотрудник, ИВИ РАН (Москва)

Ильиных Ольга Владимировна – секретарь, младший научный сотрудник, Институт истории СО РАН (Новосибирск)

Абиль Еркин Аманжолулы, доктор исторических наук, профессор, депутат Мажилиса Парламента Республики Казахстан, член комитета по финансам и бюджету, сопредседатель совместной рабочей группы историков Казахстана и России

Аблажей Наталья Николаевна, заведующий сектором социально-экономического развития, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории СО РАН (Новосибирск)

Быков Андрей Юрьевич, доктор исторических наук, заведующий лабораторией современных Центральной Азии и Кавказа, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН (Москва)

Дженьчень Ли (Jingchen Li), PhD, руководитель Центра исследований России и Центральной Азии при Институте регионоведения и международной коммуникации Шэньчжэньского университета, ассоциированный профессор, Шэньчжэньский университет (Шэньчжэнь, КНР)

Джунушалиева Гульмира Дженишевна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина (Бишкек, Кыргызия)

Ишанходжаева Замира Райимовна, доктор исторических наук, профессор Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека (Ташкент, Республика Узбекистан)

Кожирова Светлана Басиевна, доктор политических наук, содиректор Центра исследования Китая и Центральной Азии Фуданьского Университета и МНК «Астана», руководитель Центра китайских и азиатских исследований

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт истории СО РАН, заведующий кафедрой истории России Оренбургского государственного педагогического университета (Оренбург)

Мурадов Руслана Гельдыевича, главный редактор Вестника МАЦАИ, международный Институт Центральноазиатских исследований (Самарканд, Республика Узбекистан)

Рышков Вадим Маркович, доктор исторических наук, директор, Институт истории СО РАН (Новосибирск)

СОДЕРЖАНИЕ

От главного редактора 3

ИСТОРИОГРАФИЯ

Алимова Д.А., Максудов Ф.А.
РЕФЛЕКСИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ. РЕАЛИИ
И ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ..... 4

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД

Дубовицкий В.В.
ХЛОПОК КАК ФАКТОР РОССИЙСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ
В СРЕДНЕЙ АЗИИ (XVIII-XX ВВ.) 26

Лысенко Ю.А., Егоренкова Е.Н.
ИСЛАМСКАЯ ТЕМАТИКА НА СТРАНИЦАХ «ЕПАРХИАЛЬНЫХ
ВЕДОМОСТЕЙ» СТЕПНОГО КРАЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX –
НАЧАЛО XX В.): ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ 34

Котюкова Т.В.
«ТУЗЕМНЫЕ ГАЗЕТЫ» ТУРКЕСТАНА КАК ИНСТРУМЕНТ
«МЯГКОЙ СИЛЫ» РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ГОДЫ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 41

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

Муминов И.Т.
ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ШАРАФА РАШИДОВА
(1955–1983): ПОДХОДЫ И ДИСКУРСЫ ИСТОРИОГРАФИИ
КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ. 51

РЕЦЕНЗИИ

Исаев В.И.
ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ СОВЕТСКОГО КАЗАХСТАНА:
РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ М.М. КОЗЫБАЕВОЙ «ИСТОРИЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО
КАЗАХСТАНА В 20-30-Х ГГ. XX ВЕКА», АЛМАТЫ: ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ И ЭТНОЛОГИИ ИМЕНИ Ч.Ч. ВАЛИХАНОВА, 2023. 232 С.;
И НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ «ИСТОРИЯ ГОРОДСКОЙ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА
В 1946–1991 ГОДЫ (С СЮЖЕТАМИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ
И СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ)» КАРАГАНДА, 2024. 456 С.,
ПОД РЕДАКЦИЕЙ З.Г. САКТАГАНОВОЙ 57

Романов Р.Е.
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГИ: КЫРГЫЗСТАН – ВЕХИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ:
ГОДЫ, ОПАЛЕННЫЕ ВОЙНОЙ (ПОСВЯЩАЕТСЯ 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ
СОВЕТСКОГО НАРОДА
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ). БИШКЕК: MAXPRINT,
2025. 624 С.; ОБОРОННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ КЫРГЫЗСТАНА.
1941–1945 ГГ. СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ. БИШКЕК:
«ДЭМИ», 2025. 180 С. 64

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ 68

Учредитель:

Институт истории
Сибирского отделения
Российской академии наук

Адрес редакции:

630090, г. Новосибирск,
ул. Николаева, 8
Тел.: (383) 330-13-49
Электронная почта:
director@history.nsc.ru

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, ин-
формационных технологий и
массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) 24.02.2026
ЭЛ № ФС 77-90976

Статьи, представленные
к публикации в журнале,
проходят независимое
рецензирование
и проверяются
на оригинальность.

При перепечатке
материалов из журнала
«Историческая наука
в Центральной Азии:
аналитика и критика.
Научный журнал»
ссылка на источник
обязательна.

Главный редактор
А.И. Савин
Компьютерная верстка
Т.В. Соболева

Подписано в печать 20.07.2026.
Дата выхода в свет 21.07.2026.
Формат 60×84/8.
Гарнитура Cambria.
Усл. печ. л. 8,5.

От главного редактора

Научный рецензируемый журнал «Историческая наука в Центральной Азии: аналитика и критика. Научный журнал» нацелен на формирование и долговременное продвижение в российской и зарубежной историографии объективных знаний об истории народов и государств Центрально-Азиатского региона и роли России в их развитии. Специализация издания: историографические обзоры, рефераты и дискуссионные статьи российских и зарубежных авторов, поступившие на рецензирование.

Журнал позволит формировать в сопредельных государствах взвешенную картину развития исторической науки, а также знакомить российских специалистов с новейшими изданиями, магистральными направлениями исследований и процессами в гуманитарной сфере государств Центральной Азии. Одновременно журнал будет информировать научное сообщество о результатах российских исследований истории стран Центрально-Азиатского региона.

Журнал дополнит немногочисленные российские журнальные издания по центральноазиатской проблематике и займет среди них важную и крайне востребованную нишу историографической аналитики, а также позволит создать тематическое поле для объединения специалистов из разных стран.

Статьи публикуются параллельно на русском и английском языках, что позволяет рассчитывать на включение журнала в наукометрические базы Российской Федерации, государств Центральной Азии и международные базы.

Периодичность выхода: два раза в год. Учредитель: Институт истории Сибирского отделения Российской Академии наук, г. Новосибирск. Главный редактор: канд. ист. наук А.И. Савин. Секретарь журнала: О.В. Ильиных.

УДК 930.1(575.1)"20"

Алимова Дилором Агзамовна,

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Национальный центр археологии АН Республики Узбекистан

ORCID: 0009-0000-1660-3023

Максудов Фарход Алижонович,

доктор исторических наук, профессор, директор Национального центра археологии АН Республики Узбекистан

ORCID: 0000-0002-8492-0634

РЕФЛЕКСИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ. РЕАЛИИ И ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В УЗБЕКИСТАНЕ

Аннотация. За годы независимости историческая наука в Узбекистане прошла путь от освобождения от идеологических схем советского периода до формирования собственной методологической базы и интеграции в международное научное пространство. Произошло существенное обновление исследовательских подходов, расширение тематического и источниковедческого поля, активное внедрение междисциплинарных методов. В археологии были достигнуты значительные результаты, позволившие пересмотреть хронологические рамки древней истории региона, выявить новые памятники и археологические культуры. Современные исследования охватывают широкий круг проблем – от становления государственности и цивилизационных процессов до истории ислама, джадидизма, советского периода и этногенеза узбекского народа. Вместе с тем сохраняются методологические и организационные трудности: преобладание политической истории над социальной, недостаточная трансдисциплинарность, слабая интеграция академической и вузовской науки, ограниченность международного научного обмена. Рефлексия исторического познания в Узбекистане показывает, что развитие историографии требует не только накопления фактов, но и переосмысления теоретико-методологических основ, активного участия в глобальном научном диалоге. Будущее исторической науки видится в сочетании национальной исследовательской традиции с мировыми академическими стандартами и в осознании истории Узбекистана как неотъемлемой части мировой цивилизации.

Ключевые слова: историческая наука, историография, рефлексия, методология истории, постсоветское пространство, Узбекистан, междисциплинарность, источниковедение, историческое знание, научное развитие.

За годы независимости историческая наука в Узбекистане претерпела кардинальные изменения: от отказа от идеологических схем советского периода до вхождения в международную науку. Что же случилось за это время, чего достигли историки Узбекистана, что ждет общество от их исследований? Несомненно, произошло обновление методологических подходов, включение в проблемное поле исторической науки ранее не исследованных тем и направлений. Усилилось изучение истории на междисциплинарной основе, историография пополнилась новым корпусом исследований по разным направлениям, появилось новое

поколение историков, которые получили возможность стажироваться в ведущих исторических центрах мира, были созданы новые учебники и учебные пособия. На современном этапе также наблюдается повышение роли исторического знания в духовно-культурном развитии общества. Какова же его динамика? Рассмотрим реалии развития исторической науки, ее достижения, недостатки и возможности на примере основных направлений историографии Узбекистана. За последние годы она пополнилась новыми источниками, археологическими данными, на основе которых были сделаны новые выводы. Это касает-

ся всех периодов истории Узбекистана, в частности, древнейшего.

Исследованные стоянки эпохи камня на территории Узбекистана позволили значительно удревнить появление человека. В результате проведения археологических исследований в пещере Оби-Рахмат в Ташкентской области обнаружены костные останки древнего человека, жившего здесь 70 тысяч лет назад. Анализ археологических материалов показал, что останки принадлежали самому древнему представителю человека современного типа в Центральной Азии. Таким образом, эта уникальная в мировом масштабе находка проливает свет на особенности эволюции человека. Обнаруженный узбекско-российской археологической экспедицией Оби-рахматский человек был назван в Российской академии наук «находкой года»¹. К 2010 г. в районе памятника Аякагытма эпохи неолита, расположенного в пустыне Кызылкум в Бухарской области, было обнаружено 10 новых неолитических памятников, что позволило удревнить кельтеминарскую культуру более чем на 3000 лет².

В результате многолетних исследований была разработана технология очистки древних петроглифов от современных надписей. На основе этой технологии очищены сотни древних изображений на памятнике Сармишсай, который является одним из самых уникальных памятников наскальных изображений не только в Узбекистане, но и в целом в Центральной Азии.

Одним из крупнейших открытий узбекской археологии за последние годы стало открытие памятника Куктепе близ города Челек Са-

маркандской области, являющегося руинами одного из древнейших городов Центральной Азии. На городище Куктепе был открыт древний монументальный храм площадью один гектар и величественный дворец. Позже, в период античности, на его разрушенной территории было устроено погребение так называемой «Сакской принцессы». Исследование памятника пролило свет на религиозные и светские взгляды древних народов, их культуру и архитектуру. На основе материальных источников было доказано, что городище Куктепе представляет собой руины древнего легендарного города Басилея – второй столицы Согдианы, упомянутой греческими историками³.

Во время раскопок на памятнике Хумбузтепа в Хорезмской области был обнаружен монументальный храм зоройстрийцев. В настоящее время данный храм, датированный VI в. до н.э., является самым древним храмом зорастрийской ойкумены. Здесь также реконструируется зоройстрийский погребальный ритуал VIII–IV вв. до н.э.⁴

При раскопках крепости Акчахан, расположенной в Республике Каракалпакстан, также был обнаружен храм. Во время раскопок его коридоров найдены настенные росписи, принадлежавшие неизвестной династии, управлявшей Хорезмом во II в. до н.э. – I в. н.э.⁵

На холме к северу от памятника Каратепа в Старом Термезе была раскопана и полностью исследована великолепная буддийская постройка – ступа, имевшая прямоугольную

¹ Деревянко А.П., Исламов У.И., Петрин В.Т., Сулейманов Р.Х., Алимов К., Кривошапкин А.И., Аношкин А.А., Милютин К.И., Сайфуллаев Б.К. Исследования грота Оби-Рахмат (Республика Узбекистан) в 1999 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Том 5. Материалы VII Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 1999 г. Новосибирск, 1999. С. 60–67.

² Khudzhazarov, M., Szymczak, K. The neolithic stove and the artefacts inside it from Ayakagytma "The Site" Kyzylkums, Central Asia // Multas per Gentes et multa per saecula. Amici Magistro et collagae sssuuuo Ioanni Christopho Kozlowski Deducant. Pawel Valde – Nowak, Krzysztof Sobczyk Marek Nowak, Jaroslaw Zralka (Editors). Krakow, 2018. P. 277–228.

³ Исамиддинов М.Х. Истоки городской культуры Самаркандского Согда. Ташкент, 2002; Рапен К., Исамиддинов М., Хасанов М. «Аристократическая» гробница кочевников на городище Коктепе близ Самарканда // Археология и история Центральной Азии в трудах французских ученых. Т. 1. Самарканд: МИЦАИ, 2014. С. 70–116; Истоки городской культуры Самаркандского Согда (проблемы взаимодействия культурных традиций в период раннежелезного века и античности). Ташкент, 2002.

⁴ Баратов С.Р. О проблеме истоков урбанизированной культуры Древнего Хорезма // Археология Узбекистана. 2017. № 2(15). С. 3–24.

⁵ Ягодин В.Н., Беттс А.Г., Искандерова А.Д., Амиров Ш.Ш. Результаты работ на памятнике Казаклы-Яткан (Акшахан-кала) в 2013 году // Археологические исследования в Узбекистане 2013–2014 годы. Самарканд, 2016. Вып.10. С. 340–345.

форму. Здесь также обнаружены фрагменты керамики с надписями на брахми и кхарошти⁶.

Во время крупномасштабных археологических раскопок на памятнике Байсаритепе в селении Сазаган Нурабадского района Самаркандской области, впервые обнаружены руины раннеантичного поселения на территории Согда. На памятнике найдена серебряная монета – тетрадрахма Селевка, отчеканенная в Экбатане⁷.

Археологическими изысканиями на городище Пайкенд – городе купцов Западного Согда, на территории цитадели города было обнаружено зороастрийское святилище, а также средневековая соборная мечеть с остатками минарета из сырцового кирпича, датируемые X в. н.э. Предполагается, что первое из этих архитектурных сооружений является руинами Пайкендского храма огнепоклонников, который был упомянут в «Шахнаме» Фирдауси, а второе – как «соборная мечеть с сияющим михрабом» в труде аль-Мукаддаси. Также в процессе раскопок был обнаружен богатый клад медных монет VII–VIII вв.⁸.

За десятилетие обширных археологических раскопок городища Кафиркал, расположенного на водной артерии Даргом в южной части Самарканда, найдено около 600 булл раннесредневекового периода. Исследования дают возможность локализовать здесь древний го-

род Ривдад – загородную резиденцию правителей Самарканда в период раннего средневековья. Здесь также найдено деревянное панно, на котором изображены 46 резных фигур. Уникальные композиции панно являются открытием мирового значения в археологии Согда⁹.

Не менее важным открытием было обнаружение на городище Афрасиаб дворца, украшенного целой галереей настенной живописи, относящейся к периоду правления Караханидов (XII в.) в Самарканде. Специалисты предполагают, что изображенный на троне царь является ханом Усманом из династии Караханидов¹⁰.

Археологами в результате исследований последних лет на городище Ахсикет – столице средневековой Ферганской долины – найдены образцы стали и стальные мечи. Они были признаны самой высококачественной сталью в X–XII веках, подобное оружие известно во всем мире под названием «Меч Дамаска».

В последние годы на основе археологических находок на территории Узбекистана были сделаны новые открытия в области истории производства текстиля и развития шелководства. В частности, возраст остатков ткани памятника Жаркутан бронзового века превышает 3200 лет, это самая древняя ткань из всех обнаруженных в Центральной Азии.

Современные методы изучения остатков шелка, полученных при раскопках Мунчак-тепа, показали, что производство шёлка в Ферганской долине уходит корнями к началу нашей эры, а в III–IV веках на территории Узбекистана сформировался один из центров шелководства¹¹.

В процессе археологических раскопок памятника Чилхуджра в Наманганской области было установлено, что в древности он пред-

⁶ Пидаев Ш.Р., К. Като, Т.К. Мкртычев. Каменный скульптурный декор на Каратепе (раскопки 1988-2000 гг.) // SCRIPTA ANTIQUA. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах. Т. 3. К юбилею Эдварда Васильевича Ртвеладзе. М., 2014. С. 574-613.

⁷ Бердимуратов А.Э., Раимкулов А.А., Холматов Н.У., Франческини Ф., Мантеллини С. Результаты исследования Узбекско-итальянской археологической экспедиции на Бойсаритепе в 2004-2005 годы // Археологические исследования в Узбекистане – 2003 год. Ташкент, 2004. Вып. 4. С. 65-73; Бердимуратов А.Э., Раимкулов А.А., Холматов Н.У., Франческини Ф. Раскопки Узбекско-итальянской экспедиции на Бойсаритепе в 2004-2005 гг. // Археологические исследования в Узбекистане 2004-2005 годы. Ташкент, 2006. Вып. 5. С. 65-73; Бердимуратов А.Э., Хасанов М., Франческини Ф. О работах на Бойсаритепе в 2007 году // Археологические исследования в Узбекистане 2006-2007 годы. Ташкент, 2009. Вып. 6. С. 57-65.

⁸ Мирзаахмедов Ж. и др. Отчёт о раскопках в Пайкенде в 2013-2014 г. // Материалы Бухарской археологической экспедиции. Вып. XIII. СПб., 2016; Мирзаахмедов Ж. и др. Отчёт о раскопках в Пайкенде в 2015-2016 годах. // Материалы Бухарской археологической экспедиции. Вып. XIV. СПб., 2018.

⁹ Бердимуратов А.Э., Богомолов Г.И., Уно Такао, Бегматов А. Буллы с буддийским сюжетом с городища // O'zbekiston arxeologiyasi. 2016. № 2 (13). С. 51-60; Бердимуратов А.Э., Богомолов Г.И., Уно Такао, Бегматов А. Кафиркала. Уникальные находки с городища Кафиркала // Фан ва турмуш. 2018. № 1-2.

¹⁰ Reutova M. La peinture des Ambassadeurs (VII s.) a Samarkand: une nouvelle presentation museographique. L'utilisation du cyclododecane pour la depose de peintures murales // Paris, 2017. P. 237-245.

¹¹ Matbabaev B., Feng Z., Yang Z., Meng L. Early medieval textiles and garments of Ferghana valley. Shanhai, 2010.

ставлял собой город площадью 10 га, а его возникновение относится к V в. до н. э. На высоте 2000 метров над уровнем моря были обнаружены останки двух древних металлургических городских поселений¹².

Таким образом, археология Узбекистана совершила большое количество открытий, которые позволяют внести существенные корректировки в историю Узбекистана, начиная с древности и до позднего средневековья. Эти открытия апробированы на международных конференциях и признаны мировой исторической наукой.

Узбекские археологи наряду с историками приняли активное участие в мероприятиях, касательно празднований юбилейных дат таких деятелей как Ахмад ал-Фергани, имам ал-Матуруди, имам ал-Бухари, Бурхониддин Маргинани, Амир Темура, Мирзо Улугбек, в изучении их научного наследия, а также в определении возраста таких древних городов, как Самарканд, Бухара, Карши, Шахрисабз, Хива, Термез, Ташкент, Маргилан.

Празднования этих юбилейных годовщин под эгидой ЮНЕСКО стало демонстрацией того, насколько масштабными и эффективными были исследования в области археологии и истории в Узбекистане за последние два с половиной десятилетия.

В настоящее время Институт археологических исследований Академии наук Республики Узбекистан (АН РУз) проводит большую работу по созданию карты и каталога более 8 тысяч археологических памятников. Будет создана информативная база для каждого из этих археологических объектов на основе современных технологий, а также будет систематизирована информация обо всех памятниках Узбекистана. Создание нового научного центра – Национального центра археологии АН РУз – позволило начать разработку новых направлений.

В годы независимости сформировалось новое научное направление – история государственности Узбекистана. Историками было определено, что ее зарождение приходится на вторую половину II тысячелетия до нашей эры, у ее истоков стояли древнеземледельческие цивилизации¹³.

На протяжении своей истории государственность Узбекистана знала периоды расцвета и подъема, воплотившиеся в Древнехорезмийском и Кушанском царствах, Кангюе, государстве Эфталитов, Тюркском каганате, государствах Саманидов, Караханидов, Хорезмшахов и особенно в эпоху Амира Темура, которая задала ход развития Среднего Востока и Индии. Ученые выяснили, что даже в период господства иноземной государственности, неизменной оставалась субстратная основа – корневой стержень государственности. Этому способствовало изучение того, какие принципы управления были приняты в регионе, когда он входил в состав чужеземных государств, какие местные особенности отвергались и запрещались, что было причиной национально-освободительной борьбы. Монографическое изучение по истории государственности Узбекистана, которое охватывает период со II тысячелетия до н.э. по III в. н.э. стало первым специальным трудом по данной теме¹⁴.

При изучении этой проблемы и в целом истории Узбекистана большое применение получила теория цивилизационного подхода. Результаты этого проявились в целом ряде исследований, касающихся особенностей развития цивилизации античного периода и раннего средневековья в различных регионах Центральной Азии (в Кушанской империи, государствах Кангюй, Давань, Хорезмийском царстве, Согде, Чаче, Эфталитском государстве, Тюркском Каганате, Фергане и др.). Правомерно рассмотрение их истории с точки зрения вклада регионов в мировую цивилизацию, так как государства нового типа были напрямую

¹² Максудов Ф., Фрачетти М., Пардаев М., и др. Археологические исследования Узбекско-Американской экспедиции на памятнике Ташбулак в Джизакской области в 2015 году // Ўзбекистонда археологик тадқиқотлар. 2015-2017 йиллар. 11 сон. Самарқанд, 2018; Spengler R.N., Maksudov F., Bullion E., Merkle A., Hermes T., Frachetti M. Arboreal crops on the medieval Silk Road: Archaeobotanical studies at Tashbulak. PLOS ONE DOI: 10.1371/journal.pone.0201409 August 14, 2018.

¹³ Ртвеладзе Э.В., Саидов А.Х., Абдуллаев Е.В. Очерки по истории цивилизации древнего Узбекистана: государственность и право. Ташкент, 2000. Очерки по истории государственности Узбекистана. Ташкент: Узбекистан, 2001; История государственности Узбекистана. Ташкент: Узбекистан, 2009. Т. I. 560 с.

¹⁴ История государственности Узбекистана. Ташкент: Узбекистан, 2009. Т. I. 560 с.

связаны с Китаем, Ираном, Византийской империей¹⁵.

Следует отметить, что этому контексту исследований способствовали и новые археологические и нумизматические данные, извлеченные ведущими специалистами Узбекистана¹⁶. Одно из главных мест в исследовании цивилизаций, развивавшихся на территории Центральной Азии, занимает изучение роли Великого Шелкового пути, формирование и начало функционирования которого приходится на конец II в. до н.э.¹⁷

Великий шелковый путь, как система трансконтинентальных и местных торговых связей, находившийся под защитой крупнейших ан-

тичных государств, вызвал позитивные изменения в роли городов в жизни народов Центральной Азии и трансформацию городской структуры. Это способствовало формированию владений Хорезма, Согды, а также Уструшаны, Чача, Ферганы и Тохаристана в составе государств Кангюй, созданию новых ценностей восточной цивилизации земледельцев и скотоводов в Государстве Эфталитов и Тюркском каганате. Исследования ученых в этой области позволили говорить о взаимодействии и синкретизме культур и вкладе народов, населяющих двуречье между Амударьей и Сырдарьей в цивилизацию Центральной Азии и в мировую цивилизацию¹⁸.

Следующий исторический период, определенный вхождением региона в систему Арабского халифата, освещен недостаточно. Тема находит отражение лишь в учебниках и некоторых книгах, связанных с историей ислама¹⁹. Арабоязычные источники этого периода использованы только в изучении исторической географии частей региона²⁰. Своих исследователей ждут проблемы социально-экономического положения региона. Известно, что несмотря на присутствие чужеземного правления Омеядского и Аббасидского халифатов, в регионе уже в конце VIII в. начинается процесс выдвижения местной знати и династий как ведущих сил в управлении (Бармакиды, Тахириды, Сафарины, Саманиды). Эти серьезные процессы также нуждаются в специальном изучении.

¹⁵ Ртвеладзе Э.В. Цивилизации, государства, культуры Центральной Азии. Изд-е 2-е, доп. Ташкент, 2008. 300 с.; Ртвеладзе Э.В. Великий индийский путь: из истории важнейших торговых дорог Евразии. СПб., 2012; Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. Проблема цивилизации Узбекистана VII в. до н.э. – VII в. н.э. Самарканд – Ташкент, 2000; Шайдуллаев Ш.Б. Северная Бактрия в эпоху раннего железного века. Ташкент, 2000; Атаходжаев А. Тюрко-согдийские отношения в политических, социально-экономических и этнокультурных процессах в раннем средневековье. Автореф. дисс.... докт. ист. наук. Ташкент, 2011. 59 с.; Бабаяров Г. Чач в эпоху Тюркского каганата (по нумизматическим данным) // Ўзбекистон тарихи моддий маданият ва ёзма манбаларда. Ташкент, 2005. С. 197-208.

¹⁶ Бабаяров Г., Кубатин А. Древнетюркские монеты Чачского оазиса (VI – VIII вв.). Ташкент, 2007; Babayar G. Köktürk Kağanlığı sikkeleri Kataloğu The Catalogue of coins of Turkic Qaghanate. Ankara, 2007; Кубатин А.В. Система титулов Тюркского каганата: генезис и преемственность. Ташкент, 2016; Лившиц В.А. Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. СПб.: Фил. фак. СПбГУ, 2008; Маликов А.М. Тюрки в среднеазиатском Междуречье в VI–VIII вв. Самарканд. 2000; Массон В.М. Культурогенез древней Центральной Азии. СПб, 2006; Мусакаева А.А. Туранские монеты VI – VIII вв. Ташкент, 2013; Ртвеладзе Э.В. Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана. Т. 1. Ташкент, 2002; Ртвеладзе Э.В. История и нумизматика Чача (вторая половина III–середина VIII в. н.э.). Ташкент, 2006; Бабаяров Г. Государственный строй Западно-Тюркского каганата: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 2012. 55 с.; Бабаяров Г., Кубатин А. К вопросу монетного чекана Западно-Тюркского каганата (на основе нумизматических материалов Ташкентского оазиса) // Тюркология. Туркестан. 2005. № 6. С. 97-105.

¹⁷ Буряков Ю.Ф. Бухара на караванных путях Хорасана и Мавераннахра // ОНУ. 1997. № 9-10. С. 45-52; Buryakov Y.F., Vaipakov K.M., Taschboeva K., Yakubov Y. The Citesand Routes of the Great Silk Road. Tashkent: Scharq, 1999. 128 p.; Буряков Ю., Грицина А. Мавераннахр на Великом Шелковом пути. Самарканд – Бишкек, 2006. 206 с.; Ходжаев А. Китайский фактор в Центральной Азии. Ташкент: Фан, 2004. 172 с.; Ходжаев А. Великий Шелковый путь. Ташкент, 2018 и др.

¹⁸ Кобзева О.П. История изучения Великого Шелкового пути во второй половине XIX – начале XX вв. Ташкент: «Zar Qalam», 2006. 161 с.; Кобзева О.П., Джалилов О.З. Страницы истории Великого Шелкового пути: шелк, специи и чай. Ташкент, 2013. 140 с.; Кобзева О.П., Джалилов О.З. Узбекистан и Китай на возрождающемся Шелковом пути. Ташкент, 2015. 103 с.; Хансен В. Великий Шелковый путь. Портовые маршруты через Среднюю Азию. Китай-Согдиана-Персия-Левант. М.: Центрполиграф, 2014. 477 с.

¹⁹ Ҳасанов А., Комилов Н., Уватов У., Азимов А., Раҳимжонов Д., Зоҳидов Қ. Ислом тарихи [История ислама]. Тошкент: «Тошкент ислом университети» нашриёти-матбаа бирлашмаси, 2008; Марказий Осиё динлари тарихи. (Муаллифлар жамоаси) [История религий Центральной Азии. (Коллектив авторов)]. Тошкент, 2006.

²⁰ Камалиддинов Ш.С. Историческая география южного Согда и Тохаристана по арабоязычным источникам IX – начала XIII вв. Ташкент: Ўзбекистон, 1996.

Одной из самых разработанных тем является вхождение и распространение ислама в Центральной Азии²¹. В исследованиях делается особый акцент на то, что ислам, распространившийся на этой территории, уже имевшей богатейшие культурные традиции, способствовал рождению новой философии и нового образца цивилизации, получившей в западной историографии название «мусульманского ренессанса».

Обстоятельно были изучены фактически все интеллектуальные сферы периода IX–XI веков. В центре внимания исследователей оказалось развитие науки и образования, формирование «Академии Мамуна» и ее роль в духовном развитии общества. Вклад ученых и просветителей Узбекистана (Аль-Хорезмий, Ибн Сино, Беруний, Фергани и др.) в мировую науку, их роль в формировании интеллектуального потенциала страны, а также значение медресе как образовательных учреждений высшего уровня было охарактеризовано на основе источников, хранящихся в фонде Института востоковедения АН РУз и других учреждений²². Немалый вклад в эти исследова-

ния внесла археология, показавшая приоритетную роль городов как экономических, культурных и научных центров эпохи. Много было сделано в изучении исламского наследия, трудов известных мусульманских теологов (аль-Бухорий, ат-Термизий, Мотурудий, Маргиноний и др.)²³.

Однако эти публикации не заполняют лакуны в исследовании истории периода вхождения Центральной Азии в состав Арабского халифата. Еще не изученными остаются такие вопросы, как становление и внедрение нового типа государственности, дальнейшее вытеснение его местными формами управления, состояние экономики, социальное положение населения, народно-освободительное движение.

Напротив, интенсивное развитие за два последних десятилетия получили исследования

²¹ Исламизация и сакральные родословные в Центральной Азии. Наследие Исхак Баба в нарративной и генеалогической традициях. Том I / Исследование, составление текстов, переводы на русский и английский языки, комментарии и указатели: Зиядов Ш.Ю. и др. Алматы-Блумингтон: Дайк-Пресс, 2013. 638 с.; Қориев О. Ал-мажмӯъ ал-Усмоний. Илмий-танқидий матн ва таржима [Аль-Маджмӯъ аль-Усмани (Сборник Османа). Научно-критический текст и перевод]. Тошкент: “Мовароуннахр”, 2014. 170. (хаммуаллифликда) [в соавторстве].

²² Хоразм Маъмун академияси [Хорезмская академия Маъмуна]. Фотоальбом. Тошкент: Шарқ, 2006. 168 б.; Аҳмедов А. Муҳаммад ал-Хоразмий [Мухаммад аль-Хорезми]. Тошкент: Ўзбекистон, 2011. 55 б.; Абу Али ибн Сино. Тиб қонунлари. I-жилд [Канон врачебной науки. Том I] / Нашрга тайёрловчилар: М. Ҳасаний, С.У. Каримова. Тошкент: Муҳаррир, 2013. 688 б.; Абу Али ибн Сино. Тиб қонунлари. II-жилд [Канон врачебной науки. Том II] / Нашрга тайёрловчилар: М. Ҳасаний, С.У. Каримова. Тошкент: “Navroʻz”, 2014. 773 б.; Абу Али ибн Сино. Тиб қонунлари. III (1) китоб. [Канон врачебной науки. Книга III (1)] / Учинчи нашрни тайёрловчилар: М. Ҳасаний, С. Каримова. Тошкент: Turonzamin ziyo, 2015. 750 б.; Баходиров Р.М. Сочинение ал-Хорезми «Мафатиҳ ал-улум» как источник по классификации наук / Известия национального центра археологии и источниковедения. Астана, 2011. № 1. С. 62-74; Баходиров Р.М. Абу Абдуллоҳ ал-Хоразмийнинг фалсафий қарашлари ва унинг илмлар таснифи масаласига ёндашуви [Философские взгляды Абу Абдуллы аль-Хорезми и его подход к классификации наук] / Ўзбекистонда ижтимоий-фалсафий фикри тари-

хида илмий-маърифий ғоялар. Тошкент, 2011. Б. 98-129; Ўрта аср Шарқининг буюк олим ва мутафаккирлари. Китоб-альбом. [Великие ученые и мыслители средневекового Востока. Книга-альбом] Тошкент: Ўзбекистон, 2014. 156 б.; Ғулом Каримий. Лангар фожиаси [Лангарская трагедия]. Тошкент: Шарқ, 2014. 440 б.; Ходжаев А. Фарғона тарихига оид маълумотлар (қадимий ва илк ўрта аср Хитой манбаларидан таржималар ва уларга шарҳлар) [Сведения по истории Ферганы (переводы и комментарии к древним и раннесредневековым китайским источникам)]. Тошкент, 2013. 186 б.; Абу Райхан Беруни. Памятники минувших поколений (Хронология) / Перевод М. Салье. Дополнения, исправления, подготовка к печати, а также вводная статья и комментарии Ашрафа Ахмедова. Ташкент: Фан, 2014. 800 с.; Муҳаммадризо Мироб Огаҳий “Зубдат ат-таворих” [Зубдат ат-таварих («Сливки истории»)] / Нашрга тайёрловчи Ҳилола Назирова. Тошкент-Самарқанд, 2015. 306 б.; Бўриев О. Марказий Осиё тарихий географиясидан лавҳалар (ёзма манбалар тадқиқи ва таржималар). Ўқув қўлланма [Очерки исторической географии Центральной Азии (исследование письменных источников и переводы). (Учебное пособие)]. Тошкент, 2015. 196 б.

²³ Қориев О. Бурҳонуддин Маргиноний. [Бурхануддин Маргинани] Тошкент: Ўзбекистон, 2011. 38 б.; Ал-Ҳаким ат-Термизий. “Ҳаж ва унинг сирлари” [“Хадж и его тайны”] / Араб тилидан илмий изоҳли таржима.Таржимон ва изоҳлар муаллифи Ж.Ҳамроқулов. Тошкент: Мовароуннахр, 2015. 160 б.; Ал-Ҳаким ат-Термизий. “Инсон одоби” / Араб тилидан илмий изоҳли таржима. Таржимон ва изоҳлар муаллифи К. Раҳимов [“Этикет человека”. Научный перевод с арабского языка с комментариями. Перевод и комментарии К. Рахимова]. Тошкент, 2015. 120 б.; Усмонов И. Ҳаким Термизийнинг (ваф. 932 й.) “Наводир ал-усул” асаридан [Ҳаким Термизи (ум. 932 г.) из произведения “Наводир аль-усуль”] // Исломда кексалар қадри. Тошкент: “Тошкент ислом университети” нашриёт матбаа-бирлашмаси, 2015. 104 б.

эпохи Амира Темура и Темуридов²⁴. На новый уровень вышло источниковедение: более десятка основных источников, таких как «Зафарнома» Шами, «Зафарнома» Йазди, труды Ибн Арабшаха, Абдураззака Самарканди, Хафизи Аbru, Натанзий, Хондамира, «Тузуки Темур» и др. были подвергнуты новому анализу и переведены на узбекский и русский языки²⁵.

²⁴ Амир Темур в мировой истории. Ташкент: Шарк, 1996. 1-е изд-е; 2-е изд-е, значительно дополненное. Ташкент, 2001. 302 с.; Темур ва Улугбек даври тарихи. Тошкент: Комуслар Бош тахририяти [История периода Тимура и Улугбека], 1996. 263 б.; Буриев О. Темурийлар даври ёзма манбаларда Марказий Осиё (тарихий-географик лавҳалар) [Центральная Азия в письменных источниках эпохи Тимуридов (историко-географические очерки)]. Тошкент: Ўзбекистон, 1997. 186 б.; Собрание восточных рукописей ИВ Академии наук Узбекистана. История / Сост. Д. Юсупова, Р. Джалилова. Ташкент: Фан, 1998; Ахмедов Б.А, Мукминова Р.Г., Пугаченкова Г.А. Амир Темур. Ташкент: Фан, 1999. 263 с.; Ахмедов А., Ртвеладзе Э.В. Государство Амира Темура и механизм его управления // Очерки по истории государственности Узбекистана. Ташкент: Шарк, 2001. С. 84-95; Хабибуллаев А. Амир Темур ва Ибн Халдун [Амир Темур и Ибн Халдун]. Тошкент, 2004; Юсупова Д.Ю. Жизнь и труды Хондамира. Ташкент: Фан, 2006. 323 с.; Абиджанова Д.С. Маверауннахр эпохи правления Амира Темура в англоязычной историографии 60-90 годов XX в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2001; Шамукарова Ф.Ш. Жизнь и творчество Мирзо Улугбека в историографии XX века. Ташкент: Yangi nashr, 2012. 256 с. (на рус., узб. яз.).

²⁵ Низомиддин Шомий. Зафарнома [Зафар-наме («Книга побед»)] / Форс тилидан ўгирувчи Ю.Ҳакимжонов. Таржимани қайта ишлаб, нашрга тайёрловчи ва масъул муҳаррир А.Ўринбоев. Тошкент: Ўзбекистон, 1996. 528 б.; Абдураззоқ Самарқандий. Матлаи саъдайн ва мажмаи баҳрайн [«Матлаъ ас-саъдайн ва маджмаъ ал-баҳрайн» («Место восхода двух счастливых звезд и место слияния двух морей»)] / Форс тилидан таржима ва изоҳлар муаллифи А.Ўринбоев. II жилд. Биринчи қисм. Тошкент, 2008. 632 б.; II жилд. Иккинчи ва учинчи қисмлар [Том II. Вторая и третья части]. Тошкент, 2008. 832 б.; Абу-Тохирходжа Самарқандий. Самария / Форсчадан А.Сатторий таржимаси. Тошкент: Мерос, 1991; Ибн Арабшоҳ. Амир Темур тарихи. Ажойиб ал-мақдур фи тарихи Таймур (Темур тарихида тақдир ажойиботлари) [История Амира Темура. Аджайб аль-мақдур фи тарихи Таймур (Чудеса судьбы в истории Тимура)] / Сўз боши, араб тилидан таржима ва изоҳларни У. Уватов тайёрлаган. Масъул муҳаррир А.Ўринбоев. 1-китоб. Тошкент: Мехнат, 1992. 328 б.; 2-китоб. 192 б.; Клавихонинг Самарқандга саёхати [Путешествие Клавихо в Самарканд] / Рус тилидан таржима, кириш суз ва изоҳлар О. Буриев. Тошкент: Адолат, 2004; Мирза Мухаммад Хайдар. Та'рих-и Рашиди [Тарих-и Рашиди (История Рашиди)] / Введение, перевод с персид. А. Урунбаева, Р.П. Джалиловой, Л.М. Епифановой. Примечания и указатели Р.П. Джалиловой и Л.М. Епифановой. Ташкент: Фан, 1996. 728 с.; Муиниддин Натанзий. Мунтахаб ут-таворихи муиний [Мунтахаб ат-таварих-и Муъини («Муъиновские избранные истории»)] / Форс тили-

В эти же годы были переведены и изданы труды Мирзо Улугбека «Зиджи Гурагони» и «Тарихи арба улус»²⁶.

Все это способствовало тому, что в исторической науке Узбекистана произошел фундаментальный поворот от прежних достаточно односторонних трактовок истории периода и личности Амира Темура и его потомков к глубокому и многоаспектному ее осмыслению, что выразилось, помимо специальных исследований, в появлении большого количества диссертационных работ. Практически в это время зародилась отдельная отрасль исторической науки – «темуроведение», включающая в том числе историографию Франции, Англии, Германии, США, Ирана, Турции, Японии и стран СНГ²⁷.

дан таржима, сўз боши ва изоҳлар муаллифи: Ғ.Каримий. Тошкент: Ўзбекистон, 2011; Темур тузуқлари [«Уложение Темура»] / Форсчадан Алихон Соғуний ва Ҳабибулло Караматов таржимаси. Тошкент, 1991. 110 б.; Уложение Темура / Перевод Х. Кароматова. Предисловие, примечания и комментарии Б. Ахмедова. Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Г. Гуляма, 1999. 352 с.; Хофизи Аbru. «Зубдат ат-таворих»дан: «Хазрат Сохибқироннинг мутабар насл-насаби хакида» [Из «Зубдат ат-таварих»: «О почитаемой родословной Его Величества Сахибқирона»]. (перевод О. Буриев) // Сборник: Амир Темур ва Улугбек замондошлари хотирасида. Тошкент, 1996. Б. 289-310; Шарафуддин Али Йазди. Зафар-наме. Ташкент, 1992; Шарафиддин Али Язидий. Зафарнома. Мовароуннахр воқеалари. 1360-1370 [«Зафар-наме. События Мавераннахра. 1360–1370»] / Махсус муҳаррир, сўз боши муаллифи ва нашрга тайёрловчи А. Уринбоев, Б. Бўриев. Тошкент: Камалак, 1994. 290 с.; Шарафиддин Али Йазидий. Зафарнома [Зафар-наме («Книга побед»)]. Тошкент: Шарк, 1997. 254 б.; Шараф ад-Дин Али Йазди. Зафар-наме / Предисловие, перевод со староузбекского, комментарии, указатели и карта А. Ахмедова. Ташкент, 2008. 485 с.

²⁶ Улугбек Мухаммад Тарагай. Зиджи джаиди Гурагони. Зидж. Новые Гурагановы астрономические таблицы / Вступительная статья, перевод, комментарии и указатели А.А. Ахмедова. Ташкент, 1994. 457 с.; Мирзо Улугбек. Тўрт улус тарихи [История четырех улусов] / Форс тилидан Б. Ахмедов, Н. Норқулов ва М. Ҳасанийлар таржимаси. Маъсул муҳаррир. Кириш сузи ва изоҳлар муаллифи Б. Ахмедов. Тошкент, 1994. 352 б.

²⁷ Jurgen P. Forming a Faction. Paper Presented to the Timurid-Turkman Symposium. Toronto / Canada, November 1989; Bodin J. Les six livres de la Republique, un abrege du texte de l'edition de Paris de 1583. Paris, 1993; The Cambridge History of Islam. Calligraphers and Copyist of the Timurid Early Safavid Periods" – ed. P. Jackson, Cambridge, 1968; Rhandamir, tras., Wheeler M. Thackston. Habibu's siyar, Tome three. Sources of Oriental Languages and literatures. No. 24 Cambridge, Mass. USA, 1994; Devin De Weese. Islamization and Native religion in the Golden Horde. 1994; Babur-Nama

Историками, в частности, дана обоснованная характеристика государства Амира Темура – как нового типа централизованного государственного объединения, вышедшего за географические пределы Центральной Азии. Впервые выявлена специфика судебной и военной систем тимуридов. Много было сделано в изучении культурного ренессанса данного периода, развития градостроительства, науки и образования²⁸. Важным событием стало академическое издание капитального труда по истории Узбекистана эпохи Амира Темура²⁹. Однако тема военных походов, оказавших негативное влияние на население завоеванных территорий, на их экономику, также как вопросы социальной структуры, этнических

процессов и взаимоотношений народностей империи тимуридов остаются слабо исследованными.

Одним из самых изучаемых периодов истории Узбекистана стал в последние десятилетия период XVI – XIX веков. Этому способствовало издание целого ряда новых источников, на основе которых были написаны монографии и диссертации. Раскрыты как система административного управления, военное положение и международные связи, так и вопросы социально-экономического и культурного развития в Бухарском, Хивинском и Кокандском ханствах. Внесены новые коррективы в такие вопросы, как система управления, военное дело, этнический состав населения, приход к власти династий, введение апанажной системы правления, легитимация власти, проблемы взаимоотношений и связей оседлого и кочевого населения, симбиоз культур и др.³⁰ В монографии «Кокандское ханство: власть, политика, религия» впервые рассматриваются вопросы роли исламской религии и предпринимается попытка реконструкции социально-политической и духовной жизни Кокандского ханства³¹.

Заметным явлением в историографии стал обобщающий монографический труд «История Узбекистана XVI – первая половина XIX вв.». Его основное достижение заключается в анализе цивилизационного развития с раскрытием объективных и субъективных причин кризисных явлений в контексте общемирового процесса³². Опровергнуто устоявшееся в науке представление об исключительно регрессивном состоянии и глубокой стагна-

(Vaqayi) Critical Edition based Upon Four Chaghatay Texts with Introduction and Notes / by Eiji Mano. Kyoto: Syokado, 1995; Babur-Nama (Vaqayi) Concordance and Classified Indexes / by Eiji Mano Kyoto: Syokado, 1996; Wheeler Thackston The Baburnama. Memories of Babur, Prince and Emperor. Translated, edited and annotated by Wheeler M. Thackston. New York. Oxford 1996; Spuler Bertold. Temur // The mongol period. History of the Muslim World. – Leide / E.J. Brill 1960, copyright, 1969, 1994; Central Asia: the last three centuries of the independency // Last Great Muslim Empires History of the Muslim World / – Leiden 1960, copyright, 1969, 1996; Aubin Jean. Tamerlan a Bagdad // Arabica, 1962. i / 3, P. 303–309; Power, Politics and religion in Timurid Iran. B. Manz., Cambridge University Press, USA, 2007.

²⁸ Ҳабибуллаев Н.Н. Ўрта Осиёда қоғоз ишлаб чиқариш тарихи [История производства бумаги в Средней Азии]. Тошкент: Фан, 1992; Бобоев Ҳ. Ўзбекистонда XIV–XVI асрларда сиёсий ва ҳуқуқий таълимотлар [Политические и правовые учения в Узбекистане XIV–XVI вв]: Юрид. фан. докт. ... дисс. Тошкент, 1993. 48 б.; Темур ва Улуғбек даври тарихи [История периода Тимура и Улугбека]. Тошкент: Қомуслар Бош таҳририяти, 1996; Мукминова Р. Ремесленное производство и торговля в эпоху Амира Темура. Ташкент, 1996; Тўхтиев И. Темурийлар сулоласининг тангалари [Монеты династии Тимуридов]. Тошкент, 1996; Норқулов Н. Темурийлар даври маданияти тарихидан лавҳалар [Сцены из истории культуры эпохи Тимуридов]. Урганч.: Хоразм, 1996; Юсупова Д. Вопросы науки и культуры эпохи Темуридов в трудах Хондамира // Материалы международной научной конференции «Расцвет науки, культуры эпохи Темуридов». Ташкент–Париж, 1996. С. 28–36; Ўролов А., Хожихонов М. Темурийлар маънавияти ва маданияти [Духовность и культура Тимуридов]. Самарқанд: Сўғдиёна, 1996; Зоҳидов П. Темур даврининг меъморий қаҳқашони [Архитектурный расцвет эпохи Тимура]. Тошкент: Шарқ, 1996; Пугаченкова Г.А. Архитектурное наследие Темура. (На рус и фр. языках). Тошкент: Қомус, 1996. 128 б.; Ахмедов Б., Мукминова Р., Пугаченкова Г. Амир Темур. Ташкент: Университет, 1999. 263 с.

²⁹ История Узбекистана. Эпоха Амира Темура и Темуридов. 2017. 535 с.

³⁰ Султонова Г.Н. XVI аср иккинчи ярмида Бухоро хонлигининг Қозоқ ва Ёрқент хонликлари билан алоқалари [Отношения Бухарского ханства с Казахским и Яркендским ханствами во второй половине XVI века]: Тарих фан. номзоди. дисс. Тошкент, 2005. 152 б.; Муқимов З. Шайбонийлар давлати ва ҳуқуқи [Государство и право Шейбанидов]. Тошкент: Адолат, 2007. 164 б.; Вахидов Ш.Х. Развитие историографии в Кокандском ханстве в XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1998; Масалиева О. История Бухарского, Хивинского и Кокандского ханства в англо-американской историографии XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1999. 31 с.

³¹ Бабаджанов Б. Кокандское ханство: власть, политика, религия. Токио–Ташкент, 2010. 744 с.

³² История Узбекистана. XVI – первая половина XIX века. Ташкент: Фан, 2012. 776 с.

ции узбекских ханств, оторванности их от внешнего мира. Этот вывод подтверждается исследованиями зарубежных ученых³³. Среди малоисследованных следует назвать такие темы как институты государственности, междоусобные войны и внутренние конфликты, экономика, социальная структура и др.

История Узбекистана XIX века по праву считается одной из самых разработанных исследователями. В годы независимости она получила объективную оценку, кардинально отличающуюся от характеристик советской историографии. В центре внимания работ как узбекских, так и российских историков, начиная от диссертаций и кончая монографическими изданиями, оказались вопросы завоевания среднеазиатских ханств Российской империей и его причины, в том числе геополитические, имперская судебная система и система управления, социально-экономическая и национальная политика царского правительства в Туркестане, зависимое положение Бухарского эмирата и Хивинского ханства³⁴.

³³ См., напр.: Bregel Y. The Role of Central Asia in the History of the Muslim East. Institute of Asian and African Affairs. The Hebrew University of Jerusalem. Occasional Paper № 20. New York, 1980; Schwarz Florian. Ohne Scheich kein Reich – Scheibaniden und Naqsbandidis in der Darstellung von Mahmud ibn Wali // Annäherung an das Fremde: Akten des 26. Deutschen Orientalistentages. Stuttgart: Franz Steiner, 1998, pp. 259-267; Кюгельген фон Анке. Легитимизация среднеазиатской династии мангитов в произведениях их историков (XVIII – XIX вв.). Алматы, 2004. С. 20; Levi Scott. India, Russia and the Eighteenth-Century Transformation of Central Asian Caravan Trade.

³⁴ Алымбаев Ж.Б. Историография завоевания Туркестана Россией XIX – начало XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2001. 31 с.; Ураков Д.Ж. Официальные отчеты российской администрации в Туркестане как исторический источник (конец XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2005. 26 с.; Пуговкина О.Г. История Туркестана в наследии российской историографии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2006. 30 с.; Гаффоров Ш. Тарих ва тақдир: Россия империясидан Туркистонга кўчирилганлар (XIX асрнинг иккинчи ярми – XX аср бошлари) [История и судьба: переселенцы из Российской империи в Туркестан (вторая половина XIX – начало XX века)]. Ташкент: Фан, 2006. 224 б.; Махкамова Н. Роль ислама в жизни среднеазиатского общества (вторая половина XIX – начало XX века.) Ташкент: Aloqachi, 2007. 48 с.; Тиллабоев С. Туркистон ўлкасининг маъмурий бошқарув тизимида маҳаллий аҳоли вакилларининг иштироки [Участие представителей местного населения в системе административного управления Туркестанского края]. Ташкент: Фан, 2008. 104 б.; Шадманова С. Вопросы социально-экономического и культурного положения Туркестана на страницах периодической печати (1870-1917 гг.):

Более широкое изучение приобрела история региона в контексте превращения его в сырьевую базу метрополии, банковского капитала и формирования промышленности, налоговой политики, торговых отношений, начала монополии хлопка, вахфного хозяйства и др.³⁵

автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 2011. 61 с.; Брусина О.И. Славяне в Средней Азии. М.: Восточная литература РАН, 2001; Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX в.). М., 2004. 287 с.; Центральная Азия в составе Российской империи. Окраины Российской империи. Москва: Новое литературное обозрение, 2008. 464 с.; Глущенко Е.А. Россия в Средней Азии: завоевания и преобразование. М.: Центрполиграф, 2010. 573 с.; Васильев Д.В. Время империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 638 с.

³⁵ Мамазайтова Ю.Х. Сельское хозяйство Узбекистана в отечественной исторической литературе (от завоевания до независимости): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1995; Ташматов Ш.Х. Ўзбекистонда банк тизимининг шаклланиши ва ривожланиши тарихи [История становления и развития банковской системы в Узбекистане]: Иқтисод фан. докт. ... дисс. Тошкент, 2006. 314 б.; Сафаров Т.Г. XIX асрнинг иккинчи ярми – XX аср бошларида Ўрта Осиё савдо йўлари [Среднеазиатские торговые пути во второй половине XIX – начале XX века]: Тарих фан. ном. ... дисс. Тошкент, 2009. 181 б.; Курахмедов А. XIX аср иккинчи ярми – XX аср бошларида Самарқанднинг иқтисодий ва маданий ҳаёти [Экономическая и культурная жизнь Самарканда во второй половине XIX – начале XX вв.]. Тошкент: Фан, 2009. 117 б.; Шадманова С. Вопросы социально-экономического и культурного положения Туркестана на страницах периодической печати (1870-1917 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 2011. 61 с.; Фурсов К.А. Имперская экономическая политика в Русском Туркестане и Британской Индии: сходства и различия // Восток (Oriens). 2010. № 6. С. 28-44; Тухтабеков К.А. Чор Россиясининг Биринчи жаҳон уруши йилларида Туркистон ўлкасида ўтказган иқтисодий сиёсатининг мустамлакачилик моҳияти [Колониальная сущность экономической политики царской России в Туркестанском крае в годы Первой мировой войны]: Тарих фан. ном. ... дисс. Тошкент, 2011. 156 б.; Тайронов Ё.Р. Общественно-политическая деятельность туркестанских предпринимателей в начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2011. 27 с.; Потапова Н.Ю. История предпринимательства в Туркестане (вторая половина XIX – начало XX вв.). Ташкент, 2011; Очерки истории формирования и развития предпринимательства в Узбекистане. Ташкент, 2011. 145 с.; Жумаев У.Х. Россия империясининг Туркистондаги солиқ сиёсатининг шаклланиши: асосий босқичлари ва тараққиёти [Формирование налоговой политики Российской империи в Туркестане: основные этапы и развитие]: Тарих фан. ном. ... дисс. Тошкент, 2012. 165 б.; Абдурашулов Х. Базары городов Туркестана: попытки реформирования и регулирования деятельности базаров колониальной властью (вторая половина XIX – начало XX века) // O'zbekiston tarixi. 2015. № 4. С. 21-28.

Социально-культурная сфера изучалась в ракурсе городской культуры, социального состава населения, истории медицины и интеллектуального наследия. Особое внимание получили восстания 1868 и 1916 годов в Туркестане³⁶.

Малоизученными остались детальная история присоединения региона к России, его включение в экономическую систему империи. Ряд исследований игнорирует положительные результаты в народном хозяйстве Туркестана после включения в Российскую империю, делая акцент на политических коллизиях. Практически не вводится в научный оборот архивный материал, содержащийся в архивах России, который мог бы внести ясность во взаимоотношения Туркестанского генерал-губернаторства и центральных властей.

Наибольшее количество научных публикаций в годы независимости посвящено теме истории просветительского движения национальных прогрессистов Туркестана, Бухары и Хивы (джадидизм) и его роли в продвижении общества к обновлению, прогрессу и строительству национальной государственности нового типа³⁷.

³⁶ Зияева Д.Х. Национально-освободительное движение в Туркестане в историографии XX века (проблемы изучения восстания 1916 года и движения «истиклолчилик» 1918-1924 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 1999. 61 с.; Зияева Д. Туркистон миллий озодлик ҳаракати (Мустабид тузумга қарши 1916 йил ва 1918-1924 йиллардаги халқ курашлари тарихшунослиги) [Туркестанское национально-освободительное движение (историография народной борьбы против тоталитарного режима 1916 и 1918-1924 гг.)]. Тошкент: Фафур Фулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти, 2000. 174 б. и др.

³⁷ Агзамходжаев С.С. История Туркестанской Автономии (Туркистон Мухторияти). Ташкент: Тошкент ислом университети, 2006. 268 с.; Алимова Д.А. Религиозная толерантность и гуманистические идеи прогрессивной национальной интеллигенции Туркестана // Ўзбекистоннинг ислом цивилизацияси ривожига қўшган хиссаси. Таълим, фан ва маданият бўйича ислом ташкилоти – ISESCO томонидан Тошкент шаҳрининг 2007 йилдаги Ислам маданияти пойтахти деб эълон қилинишига бағишланган халқаро конференцияга йўналган маърузалар ва табриklar тезислар тўплами [Вклад Узбекистана в развитие исламской цивилизации. Сборник тезисов докладов и приветственных обращений, представленных на международную конференцию, посвящённую провозглашению города Ташкента столицей исламской культуры 2007 года Организацией исламского образования, науки и культуры (ISESCO)]. Тошкент-Самарқанд, 2007. С. 361-363; Кенжаев Д.М. Исламские ценности в воззрениях

Также кардинально трансформировалось видение советского периода истории Узбекистана. Пристальному вниманию историков подверглись 1920 – 1930-е годы с их противоречивым развитием экономики и культуры. Особенно часто анализируются процессы, связанные с организацией национальными прогрессистами первой суверенной республики «Туркистон мухторияти» и ее ликвидации большевиками³⁸. Много внимания уделено вооруженному движению против Советской власти и Красной Армии, т.н. «басмачеству». Следует отметить, что здесь нередко допускается неоправданное возвеличивание руководителей этого движения, отсутствует анализ их внутренних распрей и междоусобной борьбы за власть, присутствия в движении криминальных группировок, не учитывается разное отношение населения к «басмачеству»³⁹.

Широкому исследованию подверглась политика советской власти в области народного хозяйства, образование Узбекской ССР. Тем не менее, до сих пор наблюдается дефицит работ,

джадидов и их концепция духовного реформирования общества: Автореф. дис...канд. ист. наук. Ташкент, 2007. 30 с.; Турсунов Р.Н. Воззрения национальных прогрессистов на социально-экономические процессы в Туркестане в начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2008. 29 с.; Мадьярова С. Мухтор Бакир ва унинг ижтимоий сиёсий қарашлари [Мухтар Бакир и его социально-политические взгляды] // *Ozbekiston tarixi*. 2009. № 2. Б. 54-68; Алимова Д.А. История как история, история как наука. Т. 2. Феномен джадидизма. Ташкент, 2009. 170 с.; XIX аср охири XX аср бошларида Бухородаги сиёсий ҳаракатлар ва курашлар [Политические движения и борьба в Бухаре в конце XIX – начале XX вв.]. Бухоро, 2009. 116 с.; История общественно-культурного реформаторства на Кавказе и в Центральной Азии (XIX – начало XX века). Самарканд: МИЦАИ, 2012. 335 с.

³⁸ Аъзамхўжаев С. Туркистон мухторияти [Туркестанская автономия]. Тошкент: Фан, 1996. 60 б.; Туркистон мустақиллиги ва бирлиги учун кураш саҳифаларидан [Из страниц борьбы за независимость и единство Туркестана]. Тошкент: Фан, 1996. 82 б.; Агзамходжаев С.С. История Туркестанской Автономии (Туркистон Мухторияти). Ташкент: Тошкент ислом университети, 2006. 268 с.

³⁹ Ражабов Қ. Мустақил Туркистон фикри учун мужодалалар (1917-1935 йиллар) [Борьба за идею независимого Туркестана. (1917-1935)]. Тошкент: Ўзбекистон, 2000. 32 б.; Ражабов К. Вооруженное движение в Туркестанском крае против советского режима (1918-24 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 2005. 64 с.; Ражабов Қ. Фарғона водийсида истиқлолчилик ҳаракати: моҳияти ва асосий ривожланиш босқичлари (1918-1924 йиллар) [Движение за независимость в Ферганской долине: сущность и основные этапы развития (1918-1924 гг.)]. Тошкент: Yangi nashr, 2015. 240 б.

в которых предпринимается анализ процессов национально-территориального размежевания Средней Азии, а также национальной политики большевиков.

Интенсивно изучаются сталинские репрессии в Узбекистане, ликвидация «бывших», в том числе представителей национальных элит, массовые операции НКВД, последствия коллективизации сельского хозяйства, в первую очередь выселение из Узбекистана «раскулаченных», внедрение советской идеологии. Были опубликованы монографические издания по общей истории Узбекистана советского периода. В частности, речь идет об «Истории Узбекистана. II том», а также монографии, посвященной начальному периоду советской истории⁴⁰.

Большое внимание уделялось проблемам культуры, этническим и межэтническим процессам, интеллектуальной истории, в частности, роли Академии наук, интеллигенции Узбекистана, судебным политическим процессам 1920–1950-х годов, проблемам экологии⁴¹.

⁴⁰ Ўзбекистоннинг янги тарихи. 2-китоб. Ўзбекистон совет мустамлакачилиги даврида [Новая история Узбекистана. Книга 2. Узбекистан в период советской колонизации]. Тошкент: Шарқ, 2000. 688 б.; Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. Ташкент: Шарқ, 2000. 672 с.; Ўзбекистон тарихи (191–1991 йиллари). Т.1. Т.2 [История Узбекистана (191–1991 гг.). Т. 1. Т. 2]. Ташкент: Узбекистон, 2019.

⁴¹ Маврулов А. Ҳозирги босқичда Ўзбекистон маданияти: ҳолати, муаммолар. Тараққиёт йўналишлари (70-йил ўрталари – 90-йиллар) [Культура Узбекистана на современном этапе: состояние, проблемы. Направления развития (середина 70-х – 90-е годы)]: Тарих фан. докт. ... дис. Тошкент, 1993 40 б.; Эргашева Ю. Культура Узбекистана: состояние, тенденции и проблемы развития. Ташкент, 1997; Хасанов Б. Национальная интеллигенция Узбекистана и исторические процессы 1917 – начала 50-х годов. Ташкент, 2000. 202 с.; Мустақил Ўзбекистон тараққиётининг ғоявий асослари [Идейные основы развития независимого Узбекистана]. Тошкент: Шарқ, 2001. 192 б.; Тарих шохидлиги ва сабоқлари: чоризм ва совет мустамлакачилиги даврида Ўзбекистон миллий бойликларининг ўзлаштирилиши [Исторические свидетельства и уроки: освоение национальных богатств Узбекистана в период царского и советского колониализма]. Тошкент: Шарқ, 2001. 464 б.; Ўзбекистон этнологияси: янгича қарашлар ва ёндашувлар [Этнология Узбекистана: новые взгляды и подходы] / ЎзР ФА академиги Карим Шониёзов таваллудининг 80 йиллигига бағишланган халқаро илмий анжуман материаллари. Тошкент, 2004. 254 б.; Дониёров А. Этнографические исследования в Узбекистане в XX веке. Ташкент: Янги аср авлоди, 2005. 332 с.; Аширов А. Ўзбек халқининг қадимий эътиқод ва маросимлари [Древние верования и обряды

В начальной стадии исследования находятся вопросы развития экономики Узбекистана в 1970-е – 1980-е годы, причины стагнации, по-

узбекского народа]. Тошкент: Алишер Навоий номидаги Ўзбекистон Миллий кутубхона, 2007. 275 б.; Этнокультурные процессы в современном полиэтническом городе. Ташкент, 2011. 168 с.; XX асрда Ўзбекистонда маданият ҳаёт тарихидан очерклар: анъаналар, инновациялар ва муаммолар [Очерки по истории культурной жизни в Узбекистане в XX веке: традиции, инновации и проблемы]. Тошкент, 2010; Ўзбекистон ҳудудида анъанавий этносларо жараёнлар (XIX аср охири – XX аср бошлари) [Традиционные межэтнические процессы на территории Узбекистана (конец XIX – начало XX вв.)]. Тошкент: Янги нашр, 2011. 152 б.; Ўрта Осиё халқларининг этник тарихи ва минтақада юз берган демографик жараёнларнинг манбаларда экс этиши (XVI – XIX аср биринчи ярми) [Этническая история народов Средней Азии и отражение демографических процессов в регионе в источниках (XVI – первая половина XIX века)]. Тошкент: Янги нашр, 2011. 120 б.; Алимова Д.А. Краткая история народного образования в Узбекистане (с конца XIX в. по настоящее время). Ташкент, 2012. 60 с.; История и историография Узбекистана в XX столетии. Ташкент: NAVRO'Z, 2014; Ўзбекистонда таълимнинг ривожланиш тарихи ва тарихшунослиги. Очерклар. I-китоб [История и историография развития образования в Узбекистане. Очерки. Книга I]. Тошкент: Tafakkur qanoti, 2016; Ўзбекистонда таълимнинг ривожланиш тарихи ва тарихшунослиги. Очерклар. II-китоб [История и историография развития образования в Узбекистане. Очерки. Книга II]. Тошкент, 2017; Альмеев Р. Музеи Узбекистана и социально-культурные перспективы их развития Ташкент: Издательство имени Гафура Гуляма, 2007. 224 с.; Ҳайитов Ш. Ўзбек муҳожирлиги тарихи (1917–1991 йиллар) [История узбекской эмиграции (1917–1991)]. Тошкент: Abu matbyot-konsalt, 2008. 208 б.; Махкамова Н. Социальная структура общества на территории Узбекистана: традиции и трансформации (конец XIX в. – 30-е годы XX в.) Ташкент: Aloqachi, 2009. 236 с.; XX асрда Ўзбекистонда маданият ҳаёт тарихидан очерклар: анъаналар, инновациялар ва муаммолар [Очерки по истории культурной жизни в Узбекистане в XX веке: традиции, инновации и проблемы]. Тошкент, 2010. 110 б.; Давлетов С. Ўзбекистондаги экологик вазият ва унинг ижтимоий муаммолари (XX асрнинг иккинчи ярми – XXI аср боши) [Экологическая ситуация в Узбекистане и ее социальные проблемы (вторая половина XX – начало XXI века)]. Тошкент: Фан, 2012. 288 б.; Академия наук в интеллектуальной истории Узбекистана. Ташкент: Янги нашр, 2012. 224 с.; Историческая наука в контексте интеллектуального развития Центральной Азии. Ташкент, 2014. 367 с.; Мустафаева Н. XX асрда Ўзбекистонда маданият ва тафаккур. Тарихшунослик таҳлили [Культура и мысль в Узбекистане в XX веке. Историографический анализ]. Тошкент: Наврўз, 2014. 334 б.; Ўзбекистонда таълимнинг ривожланиш тарихи ва тарихшунослиги [История и историография развития образования в Узбекистане]. Тошкент: Tafakkur qanoti, 2015. 380 б.; Зиёмухаммедов Б. Экология: тарих, назария ва ҳозирги замон [Экология: история, теория и современность]. Тошкент: Меҳнат, 1990. 79 б.; Мамашакиров С. Урбанизированная экология или экологизированная урбанизация. Ташкент: Фан, 1991. 157 с.

следствия хлопковой монохозяйства, политический кризис конца 1980-х годов, перестройка.

Следует отметить, что до недавнего времени существовала тенденция рассматривать историю Узбекистана советского периода исключительно в негативном ключе. Существовало противоречие между обширным фактологическим материалом и взвешенным академическим подходом. Тенденция объективной оценки как негативных, так и позитивных процессов, происходивших в советский период в Узбекистане в большей степени свойственна последним современным исследованиям.

За последние два десятилетия интенсивные исследования велись также в области этнологии. Одной из главных тем историографии стали этногенез и этническая история узбеков. Начало исследованиям в этой сфере было положено монографией «Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни»⁴². Как крупное достижение следует охарактеризовать издание коллективного историко-этнологического труда «Узбеки», а также монографии, посвященной этногенезу и этнической истории⁴³, опубликованном в том числе на русском языке⁴⁴. Наряду с этим велись исследования в области исторической и современной этнографии узбеков, а также диаспорологии и межэтнических отношений.

На базе новых методов обработки полевого материала успешно осуществлялось изучение религиозных верований и материальной культуре узбеков⁴⁵. Сделаны первые

шаги в осваивании междисциплинарных подходов⁴⁶.

Тем не менее, современной отечественной этнологии присущи определенные недостатки. Достаточно серьезным из них является ограниченность предметного поля. Исследования в своем большинстве посвящены традиционному образу жизни, материальной и духовной культуре узбеков, их семейной обрядности, верованиям и этническому быту. Есть работы, посвященные и изучению других народов, населяющих Узбекистан, написанные в этнографическом контексте. Однако практически нет пока исследований по теории и методологии этнологии. Можно констатировать, что этнология как таковая еще не вступила в полосу полноценного развития, мало междисциплинарных работ, в систематическом изучении нуждаются проблемы национальных групп, антропология узбеков, андеграундная культура, этнические стереотипы. Назрела необходимость изучения ритуальной экономики узбеков, необходимо развитие исследований идентичности.

Еще одна из самых крупных проблем современной узбекской историографии задается узостью и ограниченностью территориальных рамок исследований. Изучая определенную тему, молодой исследователь как правило рассматривает ее не только в узких хронологических рамках, но и территориальных границах определенного региона Узбекистана, нескольких городов, одной или двух областей. В результате нет места компаративному анализу. Между тем зарубежная историография за последние десятилетия пополнилась большим количеством публикаций, посвященных истории Центральной Азии, в том числе Узбекистана⁴⁷.

⁴² Шониёзов К. Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни [Процесс формирования узбекского народа]. Тошкент: Шарқ, 2001. 464 б.

⁴³ Узбеки. М.: Наука, 2011. 688 с.; Аскарлов А. Ўзбек халқининг келиб чиқиш тарихи [История происхождения узбекского народа]. Тошкент: Ўзбекистон, 2015. 680 б.

⁴⁴ Аскарлов А. История происхождения узбекского народа. Ташкент, 2018.

⁴⁵ Аширов А. «Авесто»дан мерос маросимлар [Ритуалы, унаследованные от «Авесты»]. Тошкент: Абдулла Қодирий номидаги халқ мероси нашриёти, 2001. 32 б.; Арифханова З., Зунунова Г. Обрядово-ритуальная жизнь узбеков Ташкента в условиях независимости. Ташкент, 2006. 92 с.; Аширов А. Ўзбек халқининг қадимий эътиқод ва маросимлари [Древние верования и обряды узбекского народа]. Тошкент: Алишер Навоий номидаги Ўзбекистон Миллий кутубхонаси, 2007. 275 б.; Зунунова Г. Материальная культура узбеков Ташкента: трансформация традиций. Ташкент: Extremum press, 2013. 300 с.

⁴⁶ Этнокультурные процессы в современном полиэтническом городе. Ташкент, 2011. 168 с.; Ўзбекистон ҳудудида анъанавий этнослараро жараёнлар (XIX аср охири – XX аср бошлари) [Традиционные межэтнические процессы на территории Узбекистана (конец XIX – начало XX вв.)]. Тошкент: Yangi nashr, 2011. 152 б.; Миндон ва миндонликлар [Миндон и миндонцы]. Тошкент: Yangi nashr, 2015. 252 б.

⁴⁷ Brower, D. *Turkestan and the Fate of the Russian Empire*. London and New York: Routledge Curzon, 2002; Crews, Robert, *For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2006; Erkinov A. *“The Andijan Uprising of 1998 and its Lead-*

Выводы

Историографический анализ показывает, что в исторической науке современного Узбекистана, наряду с заметными достижениями, признанными в международной исторической науке, существует ряд нерешенных проблем. В первую очередь это касается древней истории, о которой позволяют судить преимущественно данные археологии. Несмотря на крупные успехи в интерпретации артефактов, узбекские археологи не смогли отойти от теоретических подходов, согласно которым археологические культуры зачастую отождествляются с определенными этнокультурными группами эпохи древности. Для выделения археологических культур используется метод сравнительной типологии артефактов, в результате чего исследования в большей части ограничиваются описанием с последующей типологией и классификацией находок. Таким образом, в отечественной археологии доминирует «сухое вещеведение», где описание арте-

фактов зачастую заменяет глобальные исторические выводы по истории социальной жизни и адаптации человека и общества к постоянно менявшейся природной, социально-экономической и культурной ситуации. В настоящее время роль специалистов по древней истории играют археологи. Поэтому очень важно, чтобы их работа не завершалась археологическими результатами, а служила целям конструирования картины исторических событий.

К слабым местам исторической науки Узбекистана относится неразвитость социальной истории, приоритет по-прежнему остается за изучением политических процессов. Это можно отнести на счет советской историографической традиции, где изучение социальной истории было чревато отступлением от принятых идеологических схем.

Следует также отметить, что историками недостаточно используются данные смежных наук и отсутствует трансдисциплинарность. Не приходится говорить о наличии в работах серьезного историко-экономического анализа, очень редки исследования, реализованные в сравнительной перспективе. Слабо разрабатываются проблемы народонаселения, исторической демографии. Отсутствуют работы по исторической географии, истории военного дела, фискальной службы, права как составной части государственности. История Узбекистана не персонализирована, мало исследований биографического жанра. По-прежнему актуальным остается создание обобщающих фундаментальных трудов, посвященных политической, социальной и культурной истории народов Центральной Азии, которые могли бы показать не только динамичность и вариативность процессов во времени, но и их региональные особенности, причины подъема и регрессов. Насущной задачей историков Узбекистана является фундаментальное исследование, воссоздающее масштабную картину культурного прошлого.

Что касается новейшей истории Узбекистана, здесь одной из насущных проблем является историческое объяснение вопросов религиозного терроризма, исламского фундаментализма и других негативных процессов современной реальности. В детальном исследова-

er Dukchi-Ishan Described by Contemporary Poets / TIAS Central Eurasian Research Series. – Tokyo: University of Tokyo, 2009. – No 3 (Foreword: B. Babadjanov); Praying For and Against the Tsar: Prayers and Sermons in Russian Dominated Khiva and Tsarist Turkestan, Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 2004 (=ANOR 16); Burbank J. 'Empire without Imperialism? Ambiguities of Colonization in Tsarist Russia', AI, 2 (June 2003) Beyond the Borders: Political and Economic Migrations, Internal and External Exile; Kappeler, A. The Russian Empire: A Multiethnic History. London: Longmans, 2001; Komatsu H. 'Dar al-Islam under Russian Rule as Understood by Turkestan Muslim Intellectuals' // Tomohiko Uyama (ed.), Empire, Islam, and Politics in Central Eurasia (Slavic Research Centre, Hokkaido University, 2007), P. 3–21; Dudoignon, Stephane (eds.), Islam and Politics in Russia and Central Asia (Early Eighteenth to Late Twentieth Centuries). London: Kegan Paul, 2001; Khalid A. Culture and Power in Colonial Turkestan // Cahiers d'Asie Centrale 17/18, 2009. Le Turkestan russe: une colonie comme les autres? P. 413–447; Marshall A. The Russian General Staff and Asia, 1800–1917. London: Routledge, 2006; Morrison A. Russian Rule in Samarkand, 1868–1910: A Comparison with British India. Oxford: Oxford University Press, 2008; Morrison A. 2012. Sufism, Panislamism, and Information Panic. Nil Sergeevich Lykoshin and the aftermath of the Andijan Uprising. Past & Present 214. P. 255–304; Sahadeo J.F. 'Epidemic and Empire: Ethnicity, Class and Civilisation in the 1892 Tashkent Cholera Riot', Slavic Review, 64: 1 (Spring 2005), pp. 117–39; Sahadeo J.F. Russian Colonial Society in Tashkent 1865–1923. Indiana University Press, Bloomington. 2007. 316 p.; Keller Sh. To Moscow, not Mecca: The Soviet Campaign against Islam in Central Asia. 1917–1941. Westport, Conn.: Greenwood Press, 2001; Everett-Heath, Tom (ed.), Central Asia. Aspects of Transition. London: Routledge Curzon, 2003.

нии нуждаются проблемы перехода от одного политического строя к другому с использованием данных социологии.

Достаточно актуальным и необходимым на сегодняшний день является развитие собственно историографии. Историографические изыскания, как известно, требуют свободы аналитической мысли, отсутствия запретных тем и имен, глубокой эрудиции, максимально-го знания и критического восприятия вопросов литературы с ее достоинствами и недостатками, учета и сопоставления различных взглядов, мнений, концепций ученых-историков, умения выявлять самое существенное, дающее ключ к наиболее адекватному освещению изучаемой проблемы. Историки Узбекистана должны в полной мере использовать все имеющиеся возможности для развития данной отрасли исторической науки.

Следует отметить также наличие организационных проблем. В их числе слабая интеграция между исторической наукой и историческим образованием, что приводит к существенной разнице в качестве исследований вузовской и академической науки. Удручающим обстоятельством является необеспеченность библиотек новейшей научной литературой, что ведет студенческую молодежь к увлечению литературой, содержащей искаженный взгляд на историю.

Как видим, обновление исторической науки нуждается в планомерном решении большого круга проблем. Среди них одной из главных является использование международного опыта и интеграция исторической науки Узбекистана в мировое пространство, расширение международных связей, осуществление совместных исследований узбекистанских историков с зарубежными партнерами, создание системы обмена кадров. К сожалению, в Узбекистане большинство историков не ставят себе конкретной цели рассматривать историю

в международном контексте, ограничиваясь внутренними историческими проблемами, хотя эти проблемы выходят далеко за пределы региона. Редкость общих конференций и симпозиумов приводит к тому, что зарубежные коллеги не знают, что происходит в исторической науке Центральной Азии, зачастую незнакомы с исторической литературой, издаваемой в этом регионе, основанной на детальном изучении местных источников и этим весьма ценных. А что же говорить о соседних республиках? Последние десятилетия в регионе не было крупных конференций, которые объединяли бы историков региона. За это время не появилось ни одной совместной коллективной работы.

Отечественная историческая мысль не должна «вариться в собственном соку». Для этого нужны специалисты, способные к интерактивному диалогу с внешним миром без языкового барьера. Для достижения этого необходимо на исторических факультетах вузов Узбекистана ввести курс лекций на иностранных языках, и открыть специальные отделения с обучением на английском языке. Совершенствование исторической информатики, системы доступа к научной продукции зарубежных научных центров, изучающих историю Узбекистана, обогащение ими библиотек также способствовало бы делу развития изучения истории.

Таким образом, чтобы улучшить состояние исторической науки в Узбекистане, учитывая, что его история – это часть глобального исторического процесса, развивавшаяся в тесном взаимодействии с цивилизациями других регионов Евразии, надо объединять усилия в ее дальнейшем совместном изучении, основываясь на известной максиме Марка Блока о том, что в одиночку каждый из специалистов сможет постигнуть истину лишь наполовину.

Список использованной литературы

На русском языке

1. Абдурасулов Х. Базары городов Туркестана: попытки реформирования и регулирования деятельности базаров колониальной властью (вторая половина XIX – начало XX века) // O'zbekiston tarixi. 2015. № 4. С. 21-28.
2. Абиджанова Д.С. Маверауннахр эпохи правления Амира Темура в англоязычной историографии 60-90 годов XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2001.

3. Абу Райхан Беруни. Памятники минувших поколений (Хронология) / Перевод М. Салье. Дополнения, исправления, подготовка к печати, а также вводная статья и комментарии Ашрафа Ахмедова. Ташкент: Фан, 2014. 800 с.
4. Агзамходжаев С.С. История Туркестанской Автономии (Туркистон Мухторияти). Ташкент: Тошкент ислом университети, 2006. 268 с.
5. Академия наук в интеллектуальной истории Узбекистана. Ташкент: Янги нашр, 2012. 224 с.
6. Алимова Д.А. История как история, история как наука. Т. 2. Феномен джадидизма. Ташкент, 2009. 170 с.
7. Алимова Д.А. Краткая история народного образования в Узбекистане (с конца XIX в. по настоящее время). Ташкент, 2012. 60 с.
8. Алимова Д.А. Религиозная толерантность и гуманистические идеи прогрессивной национальной интеллигенции Туркестана // Ўзбекистоннинг ислом цивилизацияси ривожига қўшган хиссаси. Таълим, фан ва маданият бўйича ислом ташкilotи – ISESCO томонидан Тошкент шаҳрининг 2007 йилдаги Ислом маданияти пойтахти деб эълон қилинишига бағишланган халқаро конференцияга йўналган маърузалар ва табриklar тезислар тўплами [Вклад Узбекистана в развитие исламской цивилизации. Сборник тезисов докладов и приветственных обращений, представленных на международной конференции, посвящённой провозглашению города Ташкента столицей исламской культуры 2007 года Организацией исламского образования, науки и культуры (ISESCO)]. Тошкент-Самарқанд, 2007. С. 361-363.
9. Алымбаев Ж.Б. Историография завоевания Туркестана Россией XIX – начало XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2001. 31 с.
10. Альмеев Р. Музеи Узбекистана и социально-культурные перспективы их развития Ташкент: Издательство имени Гафура Гуляма, 2007. 224 с.
11. Амир Темур в мировой истории. Ташкент: Шарк, 1996. 1-е изд-е; 2-е изд-е., значительно дополненное. Ташкент, 2001. 302 с.
12. Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX в.). М., 2004. 287 с.
13. Арифханова З., Зунунова Г. Обрядово-ритуальная жизнь узбеков Ташкента в условиях независимости. Ташкент, 2006. 92 с.
14. Аскарлов А. История происхождения узбекского народа. Ташкент, 2018.
15. Атаходжаев А. Тюрко-согдийские отношения в политических, социально-экономических и этнокультурных процессах в раннем средневековье. Автореф. дисс.... докт. ист. наук. Ташкент, 2011. 59 с.
16. Ахмедов А., Ртвеладзе Э.В. Государство Амира Темура и механизм его управления // Очерки по истории государственности Узбекистана. Ташкент: Шарк, 2001. С. 84-95.
17. Ахмедов Б., Мукминова Р., Пугаченкова Г. Амир Темур. Ташкент: Университет, 1999. 263 с.
18. Ахмедов Б.А., Мукминова Р.Г., Пугаченкова Г.А. Амир Темур. Ташкент: Фан, 1999. 263 с.
19. Бабаджанов Б. Кокандское ханство: власть, политика, религия. Токио-Ташкент, 2010. 744 с.
20. Бабаяр Г., Кубатин А. Древнетюркские монеты Чачского оазиса (VI – VIII вв.). Ташкент, 2007.
21. Бабаяр Г., Кубатин А. К вопросу монетного чекана Западно-Тюркского каганата (на основе нумизматических материалов Ташкентского оазиса) // Тюркология. Туркестан. 2005. № 6. С. 97-105.
22. Бабаяров Г. Государственный строй Западно-Тюркского каганата: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 2012. 55 с.
23. Бабаяров Г. Чач в эпоху Тюркского каганата (по нумизматическим данным) // Ўзбекистон тарихи моддий маданият ва ёзма манбаларда [История Узбекистана в материальной культуре и письменных источниках]. Ташкент, 2005. С. 197-208.
24. Баратов С.Р. О проблеме истоков урбанизированной культуры Древнего Хорезма // Археология Узбекистана. 2017. № 2(15). С. 3-24.
25. Баходиров Р.М. Сочинение ал-Хорезми «Мафатих ал-улум» как источник по классификации наук / Известия национального центра археологии и источниковедения. Астана, 2011. № 1. С. 62-74.
26. Бердимуратов А.Э., Богомолов Г.И., Уно Такао, Бегматов А. Буллы с буддийским сюжетом с городища // O'zbekiston arxeologiyasi. 2016. № 2 (13). С. 51-60.
27. Бердимуратов А.Э., Раимкулов А.А., Холматов Н.У., Франческини Ф. Раскопки Узбекско-итальянской экспедиции на Бойсаритепа в 2004-2005 гг. // Археологические исследования в Узбекистане 2004-2005 годы. Ташкент, 2006. Вып. 5. С. 65-73.
28. Бердимуратов А.Э., Хасанов М., Франческини Ф. О работах на Бойсаритепа в 2007 году // Археологические исследования в Узбекистане 2006-2007 годы. Ташкент, 2009. Вып. 6. С. 57-65.
29. Бердимуратов А.Э., Богомолов Г.И., Уно Такао, Бегматов А. Кафиркала. Уникальные находки с городища Кафиркала // Фаналь ва турмуш. 2018. № 1-2.
30. Бердимуратов А.Э., Раимкулов А.А., Холматов Н.У., Франческини Ф., Мантеллини С. Результаты исследования Узбекско-итальянской археологической экспедиции на Бойсаритепа в 2004-2005 годы // Археологические исследования в Узбекистане – 2003 год. Ташкент, 2004. Вып. 4. С. 65-73;

31. Бруси́на О.И. Славяне в Средней Азии. М.: Восточная литература РАН, 2001.
32. Буры́ков Ю., Гри́цина А. Мавераннахр на Великом Шелковом пути. Самарканд – Бишкек, 2006. 206 с.
33. Буры́ков Ю.Ф. Бухара на караванных путях Хорасана и Мавераннахра // ОНУ. 1997. № 9-10. С. 45-52.
34. Васильев Д.В. Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 638 с.
35. Вахидов Ш.Х. Развитие историографии в Кокандском ханстве в XIX – начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1998.
36. Глу́щенко Е.А. Россия в Средней Азии: завоевания и преобразования. М.: Центрполиграф, 2010. 573 с.
37. Деревя́нко А.П., Исламов У.И., Петрин В.Т., Сулейманов Р.Х., Алимов К., Кривошапкин А.И., Анойкин А.А., Милютин К.И., Сайфуллаев Б.К. Исследования грота Оби Рахмат (Республика Узбекистан) в 1999 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Том 5. Материалы VII Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 1999 г. Новосибирск, 1999. С. 60-67.
38. Дониёров А. Этнографические исследования в Узбекистане в XX веке. Ташкент: Янги аср авлоди, 2005. 332 с.
39. Зияева Д.Х. Национально-освободительное движение в Туркестане в историографии XX века (проблемы изучения восстания 1916 года и движения “истиклолчилик” 1918-1924 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 1999. 61 с.
40. Зунунова Г. Материальная культура узбеков Ташкента: трансформация традиций. Ташкент: Extremum press, 2013. 300 с.
41. Исамиддинов М.Х. Истоки городской культуры Самаркандского Согда. Ташкент, 2002.
42. Исламизация и сакральные родословные в Центральной Азии. Наследие Исхак Баба в нарративной и генеалогической традициях. Том I. / Исследование, составление текстов, переводы на русский и английский языки, комментарии и указатели: Зиядов Ш.Ю. и др. Алматы-Блумингтон: Дайк-Пресс, 2013. 638 с.
43. Истоки городской культуры Самаркандского Согда (проблемы взаимодействия культурных традиций в период раннежелезного века и античности). Ташкент, 2002.
44. Историческая наука в контексте интеллектуального развития Центральной Азии. Ташкент, 2014. 367 с.
45. История государственности Узбекистана. Ташкент: Узбекистан, 2009. Т. I. 560 с.
46. История и историки Узбекистана в XX столетии. Ташкент: NAVRO'Z, 2014.
47. История общественно-культурного реформаторства на Кавказе и в Центральной Азии (XIX – начало XX века). Самарканд: МИЦАИ, 2012. 335 с.
48. История Узбекистана. XVI – первая половина XIX века. Ташкент: Фан, 2012. 776 с.
49. История Узбекистана. Эпоха Амира Темура и Темуридов. 2017. 535 с.
50. Камалиддинов Ш.С. Историческая география южного Согда и Тохаристана по арабоязычным источникам IX – начала XIII вв. Ташкент: Ўзбекистон, 1996.
51. Кенжаев Д.М. Исламские ценности в воззрениях джадидов и их концепция духовного реформирования общества: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2007. 30 с.
52. Кобзева О.П. История изучения Великого Шелкового пути во второй половине XIX – начале XX вв. Ташкент: Zar Qalam, 2006. 161 с.
53. Кобзева О.П., Джалилов О.З. Страницы истории Великого Шелкового пути: шелк, специй и чай. Ташкент, 2013. 140 с.
54. Кобзева О.П., Джалилов О.З. Узбекистан и Китай на возрождающемся Шелковом пути. Ташкент, 2015. 103 с.
55. Кубатин А.В. Система титулов Тюркского каганата: генезис и преемственность. Ташкент, 2016.
56. Кюгельген фон Анке. Легитимизация среднеазиатской династии мангитов в произведениях их историков (XVIII – XIX вв.). Алматы, 2004. С. 20.
57. Лившиц В.А. Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. СПб.: Фил. фак. СПбГУ, 2008;
58. Максудов Ф., М. Фрачетти, М. Пардаев, и др. Археологические исследования Узбекско-Американской экспедиции на памятнике Ташбулак в Джизакской области в 2015 году // Ўзбекистонда археологик тадқиқотлар. 2015-2017 йиллар. 11 сон. Самарканд, 2018.
59. Маликов А.М. Тюрки в среднеазиатском Междуречье в VI–VIII вв. Самарканд. 2000.
60. Мамазайтова Ю.Х. Сельское хозяйство Узбекистана в отечественной исторической литературе (от завоевания до независимости): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1995.
61. Мамашакиров С. Урбанизированная экология или экологизированная урбанизация. Ташкент: Фан, 1991. 157 с.
62. Масалиева О. История Бухарского, Хивинского и Кокандского ханства в англо-американской историографии XX века: Автореф. дис.... канд. ист. наук. Ташкент, 1999. 31 с.
63. Массон В.М. Культурогенез древней Центральной Азии. СПб, 2006.

64. Махкамова Н. Роль ислама в жизни среднеазиатского общества (вторая половина XIX- начало XX века.) Ташкент: Aloqachi, 2007. 48 с.
65. Махкамова Н. Социальная структура общества на территории Узбекистана: традиции и трансформации (конец XIX в. – 30-е годы XX в.) Ташкент: Aloqachi, 2009. 236 с.
66. Мирза Мухаммад Хайдар. Та`рих-и Рашиди [(История Рашиди)] / Введение, перевод с персид. А. Урунбаева, Р.П. Джалиловой, Л.М. Епифановой. Примечания и указатели Р.П. Джалиловой и Л.М. Епифановой. Ташкент: Фан, 1996. 728 с.
67. Мирзаахмедов Ж. и др. Отчёт о раскопках в Пайкенде в 2013-2014 г. // Материалы Бухарской археологической экспедиции. Вып. XIII. СПб., 2016.
68. Мирзаахмедов Ж. и др. Отчёт о раскопках в Пайкенде в 2015-2016 годах. // Материалы Бухарской археологической экспедиции. Вып. XIV. СПб., 2018.
69. Мукминова Р. Ремесленное производство и торговля в эпоху Амира Темура. Ташкент, 1996.
70. Мусакаева А.А. Туранские монеты VI – VIII вв. Ташкент, 2013.
71. Очерки по истории государственности Узбекистана. Ташкент: Узбекистан, 2001.
72. Пидяев Ш.Р., К. Като, Т.К. Мкртычев. Каменный скульптурный декор на Каратепа (раскопки 1988-2000 гг.) // SCRIPTA ANTIQUA. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах. Т. 3. К юбилею Эдварда Васильевича Ртвеладзе. М., 2014. С. 574-613.
73. Потапова Н.Ю. История предпринимательства в Туркестане (вторая половина XIX – начало XX вв.). Ташкент, 2011; Очерки истории формирования и развития предпринимательства в Узбекистане. Ташкент, 2011. 145 с.
74. Пугаченкова Г.А. Архитектурное наследие Темура. (На рус и франц. языках). Тошкент: Қомус, 1996. 128 б.
75. Пуговкина О.Г. История Туркестана в наследии российской историографии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2006. 30 с.
76. Раджабов К. Вооруженное движение в Туркестанском крае против советского режима (1918-24 гг.): Автореф. дисс.... докт. ист. наук. Ташкент, 2005. 64 с.
77. Рапен К., Исомиддинов М., Хасанов М. «Аристократическая» гробница кочевников на городище Коктепе близ Самарканда // Археология и история Центральной Азии в трудах французских ученых. Т. 1. Самарканд: МИЦАИ, 2014. С. 70-116.
78. Ртвеладзе Э.В. Великий индийский путь: из истории важнейших торговых дорог Евразии. СПб., 2012.
79. Ртвеладзе Э.В. Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана. Т. 1. Ташкент, 2002.
80. Ртвеладзе Э.В. История и нумизматика Чача (вторая половина III–середина VIII в. н.э.). Ташкент, 2006.
81. Ртвеладзе Э.В. Цивилизации, государства, культуры Центральной Азии. Изд-е 2-е, доп. Ташкент, 2008. 300 с.
82. Ртвеладзе Э.В., Саидов А.Х., Абдуллаев Е.В. Очерки по истории цивилизации древнего Узбекистана: государственность и право. Ташкент, 2000.
83. Собрание восточных рукописей ИВ Академии наук Узбекистана. История / Сост. Д. Юсупова, Р. Джалилова. Ташкент: Фан, 1998.
84. Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. Проблема цивилизации Узбекистана VII в. до н.э. – VII в. н.э. Самарканд – Ташкент, 2000.
85. Тайронов Ё.Р. Общественно-политическая деятельность туркестанских предпринимателей в начале XX века: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2011. 27 с.
86. Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. Ташкент: Шарк, 2000. 672 с.
87. Турсунов Р.Н. Воззрения национальных прогрессистов на социально-экономические процессы в Туркестане в начале XX века: Автореф. дис...канд. ист. наук. Ташкент, 2008. 29 с.
88. Узбеки. М.: Наука, 2011. 688 с.
89. Уложение Темура / Перевод Х. Кароматова. Предисловие, примечания и комментарии Б. Ахмедова. Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Г. Гуляма, 1999. 352 с.
90. Улугбек Мухаммад Тарагай. Зиджи джадиди Гурагони [«Зидж-и Джадид-и Гургани» («Новые Гураганские астрономические таблицы»)]. Новые Гурагановы астрономические таблицы / Вступительная статья, перевод, комментарии и указатели А.А. Ахмедова. Ташкент, 1994. 457 с.
91. Ураков Д.Ж. Официальные отчёты российской администрации в Туркестане как исторический источник (конец XIX – начало XX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2005. 26 с.
92. Фурсов К.А. Имперская экономическая политика в Русском Туркестане и Британской Индии: сходства и различия // Восток (Oriens). 2010. № 6. С. 28-44.
93. Хансен В. Великий Шелковый путь. Портовые маршруты через Среднюю Азию. Китай-Согдиана-Персия-Левант. М.: Центрполиграф, 2014. 477 с.

94. Хасанов Б. Национальная интеллигенция Узбекистана и исторические процессы 1917 – начала 50-х годов. Ташкент, 2000. 202 с.
95. Ходжаев А. Великий Шелковый путь. Ташкент, 2018.
96. Ходжаев А. Китайский фактор в Центральной Азии. Ташкент: Фан, 2004. 172 с.
97. Центральная Азия в составе Российской империи. Окраины Российской империи. Москва: Новое литературное обозрение, 2008. 464 с.
98. Шадманова С. Вопросы социально-экономического и культурного положения Туркестана на страницах периодической печати (1870-1917 гг.). Автореф. дис... докт. ист. наук. Ташкент, 2011. 61 с.
99. Шайдуллаев Ш.Б. Северная Бактрия в эпоху раннего железного века. Ташкент, 2000.
100. Шамукарамова Ф.Ш. Жизнь и творчество Мирзо Улугбека в историографии XX века. Ташкент: Yangi nashr, 2012. 256 с. (на рус., узб. яз.).
101. Шараф ад-Дин Али Йазди. Зафар-наме / Предисловие, перевод со староузбекского, комментарии, указатели и карта А. Ахмедова. Ташкент, 2008. 485 с.
102. Эргашева Ю. Культура Узбекистана: состояние, тенденции и проблемы развития. Ташкент, 1997.
103. Этнокультурные процессы в современном полиэтническом городе. Ташкент, 2011. 168 с.
104. Юсупова Д. Вопросы науки и культуры эпохи Темуридов в трудах Хондамира // Материалы международной научной конференции «Расцвет науки, культуры эпохи Темуридов». Ташкент-Париж, 1996. С. 28–36.
105. Юсупова Д.Ю. Жизнь и труды Хондамира. Ташкент: Фан, 2006. 323 с.
106. Ягодин В.Н., Беттс А.Г., Искандерова А.Д., Амиров Ш.Ш. Результаты работ на памятнике Казаклы-Яткан (Акшахан-кала) в 2013 году // Археологические исследования в Узбекистане 2013-2014 годы. Самарканд, 2016. Вып.10. С. 340-345.

На узбекском языке

107. Абдураззоқ Самарқандий. Матлаи саъдайн ва мажмаи баҳрайн [«Матлаъ ас-саъдайн ва маджмаъ ал-баҳрайн» («Место восхода двух счастливых звезд и место слияния двух морей»)] / Форс тилидан таржима ва изоҳлар муаллифи А. Ёринбоев. II жилд. Биринчи қисм. Тошкент, 2008. 632 б.; II жилд. Иккинчи ва учинчи қисмлар [Том II. Вторая и третья части]. Тошкент, 2008. 832 б.
108. Абу Али ибн Сино. Тиб қонунлари. III (1) китоб. [Канон врачебной науки. Книга III (1)] / Учинчи нашрни тайёрловчилар: М. Ҳасаний, С. Каримова. Тошкент: Turonzamin ziyo, 2015. 750 б.
109. Абу Али ибн Сино. Тиб қонунлари. II-жилд [Канон врачебной науки. Том II] / Нашрга тайёрловчилар: М. Ҳасаний, С.У. Каримова. Тошкент: "Navro'z", 2014. 773 б.
110. Абу Али ибн Сино. Тиб қонунлари. I-жилд [Канон врачебной науки. Том I] / Нашрга тайёрловчилар: М. Ҳасаний, С.У. Каримова. Тошкент: Муҳаррир, 2013. 688 б.
111. Абу-Тохирходжа Самарқандий. Самария / Форсчадан А.Сатторий таржимаси. Тошкент: Мерос, 1991.
112. Ал-Ҳаким ат-Термизий. "Ҳаж ва унинг сирлари" ["Хадж и его тайны"] / Араб тилидан илмий изоҳли таржима. Таржимон ва изоҳлар муаллифи Ж.Ҳамроқулов. Тошкент: Мовароуннаҳр, 2015. 160 б.
113. Ал-Ҳаким ат-Термизий. "Инсон одоби" / Араб тилидан илмий изоҳли таржима. Таржимон ва изоҳлар муаллифи К.Раҳимов ["Этикет человека". Научный перевод с арабского языка с комментариями. Перевод и комментарии К. Рахимова]. Тошкент, 2015. 120 б.
114. Аҳмедов А. Муҳаммад ал-Хоразмий [Мухаммад аль-Хорезми]. Тошкент: Ўзбекистон, 2011. 55 б.
115. Аширов А. "Авесто"дан мерос маросимлар [Ритуалы, унаследованные от "Авесты"]. Тошкент: Абдулла Қодирий номидаги халқ мероси нашриёти, 2001. 32 б.
116. Аширов А. Ўзбек халқининг қадимий этиқод ва маросимлари [Древние верования и обряды узбекского народа]. Тошкент: Алишер Навоий номидаги Ўзбекистон Миллий кутубхона, 2007. 275 б.
117. Аъзамхўжаев С. Туркистон мухторияти [Туркестанская автономия]. Тошкент: Фан, 1996. 60 б.
118. Баҳодиров Р.М. Абу Абдуллоҳ ал-Хоразмийнинг фалсафий қарашлари ва унинг илмлар таснифи масаласига ёндашуви [Философские взгляды Абу Абдуллы аль-Хорезми и его подход к классификации наук] / Ўзбекистонда ижтимоий-фалсафий фикри тарихида илмий-маърифий ғоялар. Тошкент, 2011. Б. 98-129.
119. Бобоев Ҳ. Ўзбекистонда XIV-XVI асрларда сиёсий ва ҳуқуқий таълимотлар [Политические и правовые учения в Узбекистане XIV-XVI вв.]: Юрид. фан. докт. ... дисс. Тошкент, 1993. 48 б.
120. Бўриев О. Марказий Осиё тарихий географиясидан лавҳалар (ёзма манбалар тадқиқи ва таржималар). Ўқув қўлланма [Очерки исторической географии Центральной Азии (исследование письменных источников и переводы)]. (Учебное пособие)]. Тошкент, 2015. 196 б.
121. Буриев О. Темурийлар даври ёзма манбаларда Марказий Осиё (тарихий-географик лавҳалар) [Центральная Азия в письменных источниках эпохи Тимуридов (историко-географические очерки)]. Тошкент: Ўзбекистон, 1997. 186 б.
122. Ғаффоров Ш. Тарих ва тақдир: Россия империясидан Туркистонга кўчирилганлар (XIX асрнинг иккинчи ярми – XX аср бошлари) [История и судьба: переселенцы из Российской империи в Туркестан (вторая половина XIX – начало XX века)]. Тошкент: Фан, 2006. 224 б.

123. Ғулом Каримий. Лангар фожиаси [Лангарская трагедия]. Тошкент: Шарқ, 2014. 440 б.
124. Давлетов С. Ўзбекистондаги экологик вазият ва унинг ижтимоий мауммолари (XX асрнинг иккинчи ярми – XXI аср боши) [Экологическая ситуация в Узбекистане и ее социальные проблемы (вторая половина XX – начало XXI века)]. Тошкент: Фан, 2012. 288 б.
125. Жумаев У.Х. Россия империясининг Туркистондаги солиқ сиёсатининг шаклланиши: асосий босқичлари ва тараққиёти [Формирование налоговой политики Российской империи в Туркестане: основные этапы и развитие]: Тарих фан. ном. ... дисс. Тошкент, 2012. 165 б.
126. Зиёева Д. Туркистон миллий озодлик ҳаракати (Мустабид тузумга қарши 1916 йил ва 1918-1924 йиллардаги халқ курашлари тарихшунослиги) [Национально-освободительное движение Туркестана (историография народной борьбы против тоталитарного режима 1916 и 1918-1924 гг.)]. Тошкент: Ғафур Ғулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти, 2000. 174 б.
127. Зиёмухаммедов Б. Экология: тарих, назария ва ҳозирги замон [Экология: история, теория и современность]. Тошкент: Мехнат, 1990. 79 б.
128. Зоҳидов П. Темур даврининг меъморий қаҳқашони [Архитектурный расцвет эпохи Тимура]. Тошкент: Шарқ, 1996.
129. Ибн Арабшоҳ. Амир Темур тарихи. Ажойиб ал-мақдур фи тарихи Таймур (Темур тарихида тақдир ажойиботлари) [История Амира Темура. Аджайб аль-мақдур фи тарихи Таймур (Чудеса судьбы в истории Тимура)] / Сўз боши, араб тилидан таржима ва изоҳларни У. Уватов тайёрлаган. Масъул муҳаррир А. Ўринбоев. 1-китоб. Тошкент: Мехнат, 1992. 328 б.; 2-китоб. 192 б.
130. Клавихонинг Самарқандга саёхати [Путешествие Клавихо в Самарканд] / Рус тилидан таржима, кириш суз ва изоҳлар О. Буриев. Тошкент: Адолат, 2004.
131. Курахмедов А. XIX аср иккинчи ярми – XX аср бошларида Самарқанднинг иқтисодий ва маданий ҳаёти [Экономическая и культурная жизнь Самарканда во второй половине XIX – начале XX вв.]. Тошкент: Фан, 2009. 117 б.
132. Қориев О. Ал-мажмӯъ ал-Усманий. Илмий-танқидий матн ва таржима [Аль-Маджмӯъ аль-Усманий (Сборник Османа). Научно-критический текст и перевод]. Тошкент: “Мовароуннаҳр”, 2014. 170. (ҳаммуаллифликда) [в соавторстве].
133. Қориев О. Бурҳонуддин Марғиноний. [Бурхануддин Маргинани] Тошкент: Ўзбекистон, 2011. 38 б.
134. Маврулов А. Ҳозирги босқичда Ўзбекистон маданияти: ҳолати, муаммолар. Тараққиёт йўналишлари (70-йил ўрталари – 90-йиллар) [Культура Узбекистана на современном этапе: состояние, проблемы. Направления развития (середина 70-х – 90-е годы)]: Тарих фан. докт. ... дис. Тошкент, 1993. 40 б.
135. Мадъарова С. Мухтор Бакир ва унинг ижтимоий сиёсий қарашлари [Мухтар Бакир и его социально-политические взгляды] // Ozbekiston tarixi. 2009. № 2. Б. 54-68.
136. Марказий Осиё динлари тарихи. (Муаллифлар жамоаси) [История религий Центральной Азии. (Коллектив авторов)]. Тошкент, 2006.
137. Миндон ва миндонликлар [Миндон и миндонцы]. Тошкент: Yangi nashr, 2015. 252 б.
138. Мирзо Улуғбек. Тўрт улус тарихи [История четырёх улусов] / Форс тилидан Б.Аҳмедов, Н.Норқулов ва М. Ҳасанийлар таржимаси. Маъсул муҳаррир. Кириш сузи ва изоҳлар муаллифи Б. Аҳмедов [Перевод с фарси Б. Ахмедова, Н. Норкулова и М. Хасаний. Вступительное слово и примечания Б. Ахмедова]. Тошкент, 1994. 352 б.
139. Муиниддин Натанзий. Мунтахаб ут-таворихи муиний [Мунтахаб ат-таварих-и Муъини («Муъиновские избранные истории»)] / Форс тилидан таржима, сўз боши ва изоҳлар муаллифи: Ғ.Каримий [Перевод с фарси, вступительное слово и примечания Ғ.Каримий]. Тошкент: Ўзбекистон, 2011.
140. Муқимов З. Шайбонийлар давлати ва ҳуқуқи [Государство и право Шейбанидов]. Тошкент: Адолат, 2007. 164 б.
141. Мустақил Ўзбекистон тараққиётининг ғоявий асослари [Идейные основы развития независимого Узбекистана]. Тошкент: Шарқ, 2001. 192 б.
142. Мустафаева Н. XX асрда Ўзбекистонда маданият ва тафаккур. Тарихшунослик таҳлили [Культура и мысль в Узбекистане в XX веке. Историографический анализ]. Тошкент: Наврўз, 2014. 334 б.
143. Муҳаммадризо Мироб Огаҳий “Зубдат ат-таворих” / Нашрга тайёрловчи Ҳилола Назирова [Зубдат ат-таварих («Сливки истории»). Подготовлено к печати Х. Назировой]. Тошкент-Самарқанд, 2015. 306 б.
144. Низомиддин Шомий. Зафарнома [Зафар-наме («Книга побед»)] / Форс тилидан ўғирувчи Ю.Ҳакимжонов. Таржимани қайта ишлаб, нашрга тайёрловчи ва масъул муҳаррир А.Ўринбоев [Перевод переработан и подготовлен к публикации; ответственный редактор А. Уринбоев]. Тошкент: Ўзбекистон, 1996. 528 б.
145. Норқулов Н. Темурийлар даври маданияти тарихидан лавҳалар [Сцены из истории культуры эпохи Тимуридов]. Урганч: Хоразм, 1996.
146. Ражабов Қ. Мустақил Туркистон фикри учун мужодалалар (1917-1935 йиллар) [Борьба за идею независимого Туркестана. (1917-1935)] . Тошкент: Ўзбекистон, 2000. 32 б.

147. Ражабов Қ. Фарғона водийсида истиқлолчилик ҳаракати: моҳияти ва асосий ривожланиш босқичлари (1918-1924 йиллар) [Движение за независимость в Ферганской долине: сущность и основные этапы развития (1918-1924 гг.)]. Тошкент: Yangi nashr, 2015. 240 б.
148. Сафаров Т.Т. XIX асрнинг иккинчи ярми – XX аср бошларида Ўрта Осиё савдо йўлари [Среднеазиатские торговые пути во второй половине XIX – начале XX века]: Тарих фан. ном. ... дисс. Тошкент, 2009. 181 б.
149. Султонова Г.Н. XVI аср иккинчи ярмида Бухоро хонлигининг Қозоқ ва Ёрқент хонликлари билан алоқалари [Отношения Бухарского ханства с Казахским и Яркендским ханствами во второй половине XVI века]: Тарих фан. номзоди. дисс. Тошкент, 2005. 152 б.
150. Тарих шохидлиги ва сабоқлари: чоризм ва совет мустамлакачилиги даврида Ўзбекистон миллий бой-ликларининг ўзлаштирилиши [Исторические свидетельства и уроки: освоение национальных богатств Узбекистана в период царского и советского колониализма]. Тошкент: Шарқ, 2001. 464 б.
151. Ташматов Ш.Х. Ўзбекистонда банк тизимининг шаклланиши ва ривожланиши тарихи [История становления и развития банковской системы в Узбекистане]: Иқтисод фан. докт. ... дисс. Тошкент, 2006. 314 б.
152. Темур ва Улуғбек даври тарихи [История периода Тимура и Улугбека]. Тошкент: Қомуслар Бош таҳририяти, 1996. 263.
153. Темур тузуклари / Форсчадан Алихон Соғуний ва Ҳабибулло Караматов таржимаси [«Уложения Темура». Перевод с фарси Хабибуллы Караматова и Алихана Соғуний]. Тошкент, 1991. 110 б.
154. Тиллабоев С. Туркистон ўлкасининг маъмурий бошқарув тизимида маҳаллий аҳоли вакилларининг иштироки [Участие представителей местного населения в системе административного управления Туркестанского края]. Тошкент: Фан, 2008. 104 б.
155. Туркистон мустақиллиги ва бирлиги учун кураш саҳифаларидан [Из страниц борьбы за независимость и единство Туркестана]. Тошкент: Фан, 1996. 82 б.
156. Тухтабеков К.А. Чор Россиясининг Биринчи жаҳон уруши йилларида Туркистон ўлкасида ўтказган иқтисодий сиёсатининг мустамлакачилик моҳияти [Колониальная сущность экономической политики царской России в Туркестанском крае в годы Первой мировой войны]: Тарих фан. ном. ... дисс. Тошкент, 2011. 156 б.
157. Тўхтиев И. Темурийлар сулоласининг тангалари [Монеты династии Тимуридов]. Тошкент, 1996.
158. Асқаров А. Ўзбек халқининг келиб чиқиш тарихи [История происхождения узбекского народа]. Тошкент: Ўзбекистон, 2015. 680 б.
159. Ўзбекистон тарихи (191-1991 йиллари). Т.1. Т. 2 [История Узбекистана (191-1991 гг.). Т.1. Т. 2.]. Ташкент: Ўзбекистон, 2019.
160. Ўзбекистон ҳудудида анъанавий этнослараро жараёнлар (XIX аср охири – XX аср бошлари) [Традиционные межэтнические процессы на территории Узбекистана (конец XIX – начало XX вв.)]. Тошкент: Янги нашр, 2011. 152 б.
161. Ўзбекистон этнологияси: янгича қарашлар ва ёндашувлар / ЎЗР ФА академиги Карим Шониезов таваллудининг 80 йиллигига бағишланган халқаро илмий анжуман материаллари [Этнология Узбекистана: новые взгляды и подходы. Материалы международной научной конференции, посвященной 80-ти летию Карима Шониязова]. Тошкент, 2004. 254 б.
162. Ўзбекистонда таълимнинг ривожланиш тарихи ва тарихшунослиги [История и историография развития образования в Узбекистане]. Тошкент: Tafakkur qanoti, 2015. 380 б.
163. Ўзбекистонда таълимнинг ривожланиш тарихи ва тарихшунослиги. Очерклар. I-китоб [История и историография развития образования в Узбекистане. Очерки. Книга I]. Тошкент: Tafakkur qanoti, 2016.
164. Ўзбекистонда таълимнинг ривожланиш тарихи ва тарихшунослиги. Очерклар. II-китоб [История и историография развития образования в Узбекистане. Очерки. Книга II]. Тошкент, 2017.
165. Ўзбекистоннинг янги тарихи. 2-китоб. Ўзбекистон совет мустамлакачилиги даврида [Новая история Узбекистана. Книга 2. Узбекистан в период советской колонизации]. Тошкент: Шарқ, 2000. 688 б.
166. Ўролов А, Хожихонов М. Темурийлар маънавияти ва маданияти [Духовность и культура Тимуридов]. Самарқанд: Сўғдиёна, 1996.
167. Ўрта аср Шарқининг буюк олим ва мутафаккирлари. Китоб-альбом. [Великие ученые и мыслители средневекового Востока. Книга-альбом] Тошкент: Ўзбекистон, 2014. 156 б.
168. Ўрта Осиё халқларининг этник тарихи ва минтақада юз берган демографик жараёнларнинг манбаларда экс этиши (XVI – XIX аср биринчи ярми) [Этническая история народов Средней Азии и отражение демографических процессов в регионе в источниках (XVI – первая половина XIX века)]. Тошкент: Янги нашр, 2011. 120 б.
169. Усмонов И. Ҳаким Термизийнинг (ваф. 932 й.) “Наводир ал-усул” асаридан // Исломда кексалар қадри [Хаким Термизи (ум. 932 г.) из произведения “Наводир аль-усуль” / Почитание пожилых людей в исламе]. Тошкент: “Тошкент ислом университети” нашриёт матбаа-бирлашмаси, 2015. 104 б.
170. Хабибуллаев А. Амир Темур ва Ибн Халдун [Амир Темур и Ибн Халдун]. Тошкент, 2004.

171. Ходжаев А. Фарғона тарихига оид маълумотлар (қадимий ва илк ўрта аср Хитой манбаларидан таржималар ва уларга шарҳлар) [Сведения по истории Ферганы (переводы и комментарии к древним и раннесредневековым китайским источникам)]. Тошкент, 2013. 186 б.
172. Хоразм Маъмун академияси [Хорезмская академия Маъмуна]. Фотоальбом. Тошкент: Шарқ, 2006. 168 б.
173. Хофиз Абду. «Зубдат ат-таворих»дан: «Хазрат Сохибқироннинг мутабар насл-насаби хакида» // Амир Темур ва Улугбек замондошлари хотирасида [Из «Зубдат ат-таварих»: «О почитаемой родословной Его Величества Сахибқирана» // Амир Темур и Улугбек в воспоминаниях современников] (перевод О. Буриев). Тошкент, 1996. Б. 289-310.
174. XX асрда Ўзбекистонда маданий ҳаёт тарихидан очерклар: анъаналар, инновациялар ва муаммолар [Очерки по истории культурной жизни в Узбекистане в XX веке: традиции, инновации и проблемы]. Тошкент, 2010. 110 б.
175. Ҳабибуллаев Н.Н. Ўрта Осиёда қоғоз ишлаб чиқариш тарихи [История производства бумаги в Средней Азии]. Тошкент: Фан, 1992.
176. Ҳайитов Ш. Ўзбек муҳожирилиги тарихи (1917-1991 йиллар) [История узбекской эмиграции (1917-1991)]. Тошкент: Aby matbyot-konsalt, 2008. 208 б.
177. Ҳасанов А., Комилов Н., Уватов У., Азимов А., Раҳимжонов Д., Зоҳидов Қ. Ислом тарихи [История ислама]. Тошкент: «Тошкент ислом университети» нашриёти-матбаа бирлашмаси, 2008.
178. Шарафиддин Али Яздий. Зафарнома. Мовароуннаҳр воқеалари. 1360-1370 / Махсус муҳаррир, сўз боши муаллифи ва нашрга тайёрловчи А. Уринбоев, Б. Бўриев [«Зафар-наме. События Мавераннахра. 1360–1370». Главные редакторы, авторы предисловия и подготовка к печати – А. Уринбоев, Б. Буриев.]. Тошкент: Камалак, 1994. 290 с.
179. Шарофиддин Али Яздий. Зафарнома [Зафар-наме («Книга побед»)]. Тошкент: Шарқ, 1997. 254 б.
180. Шониезов К. Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни [Процесс формирования узбекского народа]. Тошкент: Шарқ, 2001. 464 б.
181. XIX аср охири XX аср бошларида Бухородаги сиёсий ҳаракатлар ва курашлар [Политические движения и борьба в Бухаре в конце XIX – начале XX вв.]. Бухоро, 2009. 116 с.

На иностранных языках

182. Aubin J. Tamerlan a Bagdad // Arabica, 1962. i / 3, P. 303–309; Power, Politics and religion in Timurid Iran. B. Manz., Cambridge University Press, USA, 2007.
183. Babayar G. Köktürk Kağanlığı sikkeleri Kataloğu The Catalogue of coins of Turkic Qaghanate. Ankara, 2007.
184. Babur-Nama (Vaqayi) Critical Edition based Upon Four Chaghatay Texts with Introduction and Notes / by Eiji Mano. Kyoto: Syokado, 1995.
185. Babur-Nama (Vaqayi) Concordance and Classified Indexes / by Eiji Mano. Kyoto: Syokado, 1996.
186. Berdimuradov A.E., Raimkulov A.A., Kholmatov N.U., Franceschini F., Mantellini S. The Uzbek-Italian archaeological expedition to Boisaritepa in 2004-2005: Study Results // Arkheologicheskie issledovaniya v Uzbekistane – 2003 god. Tashkent, 2004. Issue 4. pp. 65-73.
187. Bodin J. Les six livres de la Republique, un abrege du texte de l'edition de Paris de 1583. Paris, 1993.
188. Bregel Y. The Role of Central Asia in the History of the Muslim East. Institute of Asian and African Affairs. The Hebrew University of Jerusalem. Occasional Paper № 20. New York, 1980.
189. Brower, D. Turkestan and the Fate of the Russian Empire. London and New York: Routledge Curzon, 2002.
190. Burbank, J. 'Empire without Imperialism? Ambiguities of Colonization in Tsarist Russia', AI, 2 (June 2003) Beyond the Borders: Political and Economic Migrations, Internal and External Exile.
191. Buryakov Y.F., Baipakov K.M., Taschboeva K., Yakubov Y. The Cities and Routes of the Great Silk Road. Tashkent: Scharq, 1999. 128 p.
192. Central Asia: the last three centuries of the independency // Last Great Muslim Empires History of the Muslim World / Leiden 1960, copyright, 1969, 1996.
193. Crews, R. For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2006.
194. Dudoignon, Stephane (eds.). Islam and Politics in Russia and Central Asia (Early Eighteenth to Late Twentieth Centuries). London: Kegan Paul, 2001.
195. Erkinov A. "The Andijan Uprising of 1998 and its Leader Dukchi-Ishan Described by Contemporary Poets / TIAS Central Eurasian Research Series. Tokyo: University of Tokyo, 2009. No 3 (Foreword: B. Babadjanov).
196. Everett-Heath, T. (ed.) Central Asia. Aspects of Transition. London: Routledge Curzon, 2003.
197. De Weese, D. Islamization and Native religion in the Golden Horde. Pennsylvania State University Press, 1994.
198. Jurgen, P. Forming a Faction. Paper Presented to the Timurid-Turkman Symposium. Toronto / Canada, November, 1989.
199. Kappeler, A. The Russian Empire: A Multiethnic History. London: Longmans, 2001.

200. Keller Sh. *To Moscow, not Mecca: The Soviet Campaign against Islam in Central Asia. 1917–1941.* Westport, Conn.: Greenwood Press, 2001.
201. Khalid A. Culture and Power in Colonial Turkestan // *Cahiers d'Asie Centrale* 17/18, 2009. Le Turkestan russe: une colonie comme les autres? P. 413-447.
202. Komatsu H. 'Dar al-Islam under Russian Rule as Understood by Turkestani Muslim Intellectuals' // Tomohiko Uyama (ed.), *Empire, Islam, and Politics in Central Eurasia* (Slavic Research Centre, Hokkaido University, 2007). P. 3–21.
203. Marshall A. *The Russian General Staff and Asia, 1800–1917.* London: Routledge, 2006.
204. Matbabaev Bokijon, Feng Zhao, Yang Zhou, Meng Li. *Early medieval textiles and garments of Ferghana valley.* Shanhay. 2010.
205. Morrison A. 2012. Sufism, Panislamism, and Information Panic. Nil Sergeevich Lykoshin and the aftermath of the Andijan Uprising. *Past & Present* 214. P. 255–304
206. Morrison A. *Russian Rule in Samarkand, 1868–1910: A Comparison with British India.* Oxford: Oxford University Press, 2008.
207. *Praying For and Against the Tsar: Prayers and Sermons in Russian Dominated Khiva and Tsarist Turkestan,* Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 2004 (=ANOR 16).
208. Reutova M. La peinture des Ambassadeurs (VII s.) a Samarkand: une nouvelle presentation museographique. L utilisation du cyclododecane pour la depose de peintures murals // Paris, 2017. P. 237-245.
209. Robert N. Spengler, Farhod Maksudov, Elissa Bullion, Ann Merkle, Taylor Hermes, Michael Frachetti. *Arboreal crops on the medieval Silk Road: Archaeobotanical studies at Tashbulak.* PLOS ONE <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0201409> August 14, 2018.
210. Sahadeo J.F. 'Epidemic and Empire: Ethnicity, Class and Civilization in the 1892 Tashkent Cholera Riot', *Slavic Review*, 64: 1 (Spring 2005), pp. 117–39.
211. Sahadeo J.F. *Russian Colonial Society in Tashkent 1865-1923.* Indiana University Press, Bloomington. 2007. 316 p.
212. Schwarz Florian. Ohne Scheich kein Reich – Scheibaniden und Naqsbandis in der Darstellung von Mahmud ibn Wali // *Annäherung an das Fremde: Akten des 26. Deutschen Orientalistentages.* Stuttgart: Franz Steiner, 1998, pp.259-267.
213. Spuler Bertold. *Temur* // *The mongol period. History of the Muslim World.* – Leide / E. J. Brill 1960, copyright, 1969, 1994.
214. *The Cambridge History of Islam. Calligraphers and Copyist of the Timurid Early Safavid Periods* – ed. P. Jackson, Cambridge, 1968.
215. *The Babur-Nama. Memories of Babur, Prince and Emperor.* Translated, edited and annotated by Wheeler M. Thanckston. New York. Oxford, 1996.

Дубовицкий Виктор Васильевич,

доктор исторических наук, независимый исследователь, Россия

ХЛОПОК КАК ФАКТОР РОССИЙСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ (XVIII–XX ВВ.)

Аннотация. В статье представлен критический анализ роли хлопка в российской геополитике Центральной Азии в имперский и советский периоды. Автор оспаривает устоявшийся в советской историографии тезис о том, что главной причиной экспансии России в регион в XIX веке были экономические интересы, прежде всего потребность российской текстильной промышленности в собственном хлопковом сырье. На основе анализа документов Министерства иностранных дел и Военного управления Российской империи середины XIX века, включая переписку с Оренбургской губернаторской губернией, статья демонстрирует, что основными мотивами экспансии в Центральную Азию в 1860-х годах были военно-стратегические и геополитические факторы. К ним относятся обеспечение безопасности границ, прекращение набегов, вытеснение британского влияния и установление контроля над нестабильной степной зоной. Экономические интересы, связанные с хлопком, в этот период были второстепенными и выражались в основном в жалобах торговцев на качество сырья и торговые барьеры, которые они пытались разрешить дипломатическими и экономическими мерами, а не военной силой. Только после образования Туркестанской Губернаторской губернии началось систематическое превращение региона в хлопковую базу империи. Потребовалось около 30 лет (до 1895 года), чтобы регион стал экономически жизнеспособным благодаря масштабному внедрению американских сортов хлопка. К началу XX века Центральная Азия обеспечивала примерно половину потребностей России в хлопке.

Ключевые слова: хлопок, Центральная Азия, Российская империя, Туркестанская Губернаторская губерния, геополитика, аннексия, экономические мотивы, военно-стратегические интересы.

Одной из давних спорных проблем отечественной историографии остается комплекс вопросов о мотивах и характере присоединения к Российскому государству новых территорий. В данной работе автор касается сравнительно короткого этапа в истории Российской Империи – времени активного присоединения Средней Азии, длившегося тридцать один год (1864–1895 гг.), а также периода существования СССР (1922–1991 гг.) в контексте роли, которую играло в геополитике такое важное стратегическое сырье как хлопок.

Анализ данной проблемы уместно проводить в рамках ландшафтно-географического фактора. Говоря о геополитической методологии, необходимо отметить, что ландшафтно-географический фактор в продвижении России в Среднюю Азию всегда играл огромную, а подчас и решающую роль. Однако за редким исключением, это не учитывается при анализе исторических событий. Так, необходимость

обеспечивать гражданский мир и контролировать безопасность путей в Среднюю Азию в XVIII – нач. XIX вв., привела Россию к переходу от политики опосредованного контроля над киргиз–кайсацкими жузами через систему выборных султанов и летучих отрядов, к выдвиганию в степь крепостей и опорных пунктов соединения их в «линии», «дистанции» с целью выведения беспокойного политического элемента в тыл страны, равно как для прекращения доступа к нему политических сил, Россией не контролируемых – хивинцев, кокандцев, английской агентуры. Такая концепция в русской среднеазиатской политике становится преобладающей в 1842–1853 гг. и на оренбургском направлении персонифицируется с генералом В.А. Обручевым, сменившим в 1842 г. генерал-адъютанта В.А. Перовского на посту Оренбургского генерал-губернатора. 1864 г. знаменует новый этап в российской геополитике в Средней Азии. С этого времени

началась короткая, но интенсивная и обширная по охвату военная кампания, завершившаяся присоединением к России территории Средней Азии общей площадью более чем 4000 кв. км и создания на этой территории Туркестанского генерал-губернаторства. Это событие знаменует собой начало качественно нового периода во взаимоотношениях России и среднеазиатских народов.

Однако историография советского периода, следуя марксистско-ленинской концепции развития производительных сил и производственных отношений, упорно настаивала на приоритете экономических причин присоединения Средней Азии к России. В качестве основы для такого утверждения использовался факт ускоренного развития легкой промышленности страны в первой половине XIX, с целью быстрого накопления капитала. Методологическим подтверждением являлась концепция В.И. Ленина о развитии капитализма вглубь и вширь, т.е. распространение его господства на новые территории: «капитализм не может существовать и развиваться без постоянного расширения сферы своего господства, без колонизации новых стран», - отмечал он. - «Фабрикантам нужен рынок немедленно, и если отсталость других сторон народного хозяйства суживает рынок в старом районе, то они будут искать рынка в другом районе или в других странах»¹. Даже соперничество с Англией в регионе рассматривалось только в рамках торговой конкуренции. Главным «камнем преткновения» с англичанами в регионе, по мнению советских исследователей, была торговля текстилем².

Однако основные документы МИД и военного министерства России середины 1850-1860 гг. относительно масштабного продвижения в Среднюю Азию не содержат упоминаний занятия территорий оазисов с целью обеспечения «хлопковой независимости» отечественной текстильной промышленности³. То

же самое утверждение справедливо в отношении документов оперативного характера времен продвижения российских войск в 1864-1868 гг. с целью присоединения главных оазисов региона (Чимкентского, Ташкентского, Среднего и Нижнего Зеравшана) и позже - в период присоединения центральной и восточной части Ферганской долины⁴.

В числе экономических причин обладания той или иной территорией встречаются лишь упоминания их роли в деле продовольственного снабжения войск: «Окрестности Чимкента, по плодородию своему и развитию хлебопашества, имеют также значение для правого фланга передовой линии, как Алатауский округ для левой ее оконечности. Это две житницы, одинаково необходимые для продовольствия гарнизонов вновь приобретенного края, и, пока Чимкент не будет в наших руках, нельзя рассчитывать на безопасность сообщений между Аулиэзата и Туркестаном»⁵.

Каково было мнение МИД на обладание именно хлопкосеющими районами Средней Азии? Реакция Азиатского департамента МИД на планы военных кругов по установлению новой линии границы была однозначной и находилась в русле общей политики России, определенной этим министерством: «Если мы будем расширять наши пределы только потому, что будем желать присоединять к себе каждое воинственное кочевое племя, могущее делать набеги, то вряд ли удастся нам когда-либо остановить свое движение на юг, и кажется, было бы выгодно или оградить границу укрепленной линией, или карать хищников подвижными колоннами [...] Едва ли может входить в виды правительства распоряжаться судьбами всей Средней Азии, проникая даже до Бухары; подобные замыслы еще не входили, да и вряд ли должны входить, в нашу политическую программу, потому что ни в коем случае не оправдывались бы ни требованиями нашей торговли, ни общим политическим соображением, а между тем вовлекли бы нас в неизбежные затруднения»⁶. Таким обра-

¹ Ленин В.И. Сочинения. Т. 3: Развитие капитализма в России. 4-е изд. М, 1946. С. 522, 520.

² Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии (1847-1868). М., 1968. С. 28-31.

³ Серебрянников А.Г. Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края 1864 г. Ч. 1. Т. 17. Ташкент, 1914. С. 201-202.

⁴ Там же. С. 117, 267.

⁵ Там же. С. 124.

⁶ Серебрянников А.Г. Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. 1865. Часть 2. Т. 20. Ташкент, 1914. С. 7.

зом, рассматривая геополитические мотивы военных кампаний России 1865–1867 гг. в Средней Азии нельзя не задаться вопросом о справедливости неизменных указаний советской историографией экономических соображений в качестве главных причин присоединения региона.

Мотивы действий как различных структур власти России, так и отдельных должностных лиц, представляющих сферу коммерции, наиболее полно выражены порой в малозаметных и часто незаслуженно забытых историками документах. Причиной тому, как правило, служило идеологическое несоответствие таких документов официальной линии советской исторической науки, исходившей из примата материализма. Так, например, обычные для историографии советского периода ссылки на потребности российской текстильной промышленности в хлопковом сырье как главном мотиве присоединения Средней Азии, подтверждаются лишь временными трудностями Ивановских, Ярославских и Нарвских фабрик в связи с отсутствием высококачественного американского тонковолокнистого хлопка, перебои с которым начались в связи с Гражданской войной в США 1861–1865 гг.

Названный довод не выдерживает серьезной критики, во-первых, потому, что американский хлопок был с успехом заменен равноценным, закупавшимся в Египте и в Британской Индии; и, во-вторых, потому, что промышленные круги пореформенной России не обладали достаточным влиянием на правительственную элиту, состоящую из дворянства, чтобы вызвать масштабные длительные военные действия в своих интересах. Влияние гражданской войны в США в качестве причины экспансии империи в Средней Азии отрицали также современники – исследователи экономического развития России⁷.

Документы первой половины XIX в., периода активного присоединения Средней Азии к России до 1864 г., в которых прослеживаются интересы названной категории русских промышленников, указывают лишь на слабые попытки нормализовать торговлю хлопком с Бу-

харой методами вполне экономическими. А именно речь шла об организации торгового товарищества; открытии постоянного торгового представительства в Бухарском ханстве; понижении или снятии пошлин на транзит зарубежных текстильных товаров. Характерным в этом плане документом можно считать «Заметку о поездке в Бухару московского 2-й гильдии купеческого сына Ивана Андреева Быковского в 1861 г.», где И.А. Быковский сообщал, что «подвергся следующим не благоприятствующим в торговых делах поступкам со стороны местного начальства»: с него, несмотря на межгосударственную договоренность 1858 г., достигнутую посольством полковника Н. Игнатьева, была взята 10% пошлина вместо положенной 5%. Подобные же действия были предприняты бухарскими властями и в отношении еще трех других русских купцов. Попытки разрешения этого вопроса Быковским с бухарскими властями успехом не увенчались, и он обратился с жалобой к Оренбургскому генерал-губернатору. Он предложил следующее: «Если бухарские торговцы постоянно увеличивают круг своих торговых дел с Россией, то ясно, что находят в том выгоды; а русским делают возможные препятствия, желая избежать их соперничества. Дабы охранить, как личность так и капиталы русских подданных, желающих на будущее время производить торговлю в Бухаре, осмелюсь предложить следующее: не благоугодно ли Вашему Высокопревосходительству пригласить бухарских купцов и караванбаши из прибывших ныне в Оренбург, сделать им замечание о поступке их со мною и другими русскими, а на будущее время предложить им оказывать русским торговцам такой же благоприятный прием, каким они сами пользуются в России; или в противном случае, ожидать, что и они в России будут лишены таких прав и покровительства, которыми они до сего времени постоянно пользуются»⁸.

Несколькими годами позже группа русских купцов, в числе которых был и И.А. Быковский, вновь обратила внимание Оренбургского генерал-губернатора А.П. Безака на трудности в

⁷ Безобразов В.П. Очерки Нижегородской ярмарки. М., 1865. С. 34.

⁸ Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф. 6. Оп. 10. Д. 7736. Л. 54-55.

торговле среднеазиатским хлопком. На этот раз они были связаны с низким качеством сырья, и купцы просили о содействии в приобретении сырья на месте в Бухаре. С этой целью Председатель Московского отделения Мануфактурного и коммерческого советов А. Хлудов отправил в Бухару своего сына Михаила Хлудова⁹. В своей докладной записке «Препятствия, встречающиеся русскими купцами в Бухаре для свободной торговли», датированной 3 июля 1864 г., Хлудов указал на ряд затруднений в торговле для русского купечества: отсутствие выбора места жительства и места складирования товаров; ограниченность свободы распоряжаться своим капиталом и свободы почтовой связи; отсутствие свободы передвижения по г. Бухаре, и меры по их устранению, которые включали в себя чисто дипломатические шаги¹⁰.

Как указывалось в «Записке о бухарском хлопке», поданной московскими текстильщиками Оренбургскому генерал-губернатору в 1863 г., «недоброкачественность товара, происходящая не от природного недостатка хлопчатника, но от неочистки его от семян и сора, а равно и по причине дурной упаковки, снижают его цену еще на 40 процентов. В настоящее время проявляется желание некоторых господ бумагопрядильщиков купить товар на месте, в Бухаре, и доставить в Россию на свои заведения правильно обработанным. Выгоды этого дела всем понятны. В настоящее время остается только желать привести в исполнение это полезное для России дело: оно может иметь удачу еще вернее, через взаимное объяснение г.г. бумагопрядильщиков [...] Время не ждет: должно заказать машины для очистки и упаковки хлопка заблаговременно, дабы они могли быть в Оренбурге не позже сентября, для дальнейшего отправления в Бухару. Если же мы пропустим еще один год, то заплатим миллионы на пример настоящего времени»¹¹.

Беспокойство российских текстильщиков наконец было выражено МИД России, в частности министерство сообщило Оренбургскому генерал-губернатору 8 апреля 1864 г., что: «г. министр финансов сообщил министерству

иностраннных дел жалобу Московских бумагопрядильных фабрикантов на то, что Бухарские торговцы, пользуясь недостатком в России хлопка, стали привозить с 1862 года товар этот на половину смешанный с семенами хлопчатника, а также подкладывают в кипы камни, старые одеяла и разный сор, так что пуд Бухарского хлопка давал иногда едва 15 фунтов годных к употреблению. В видах развития нашей торговли с Бухарской, статс-секретарь Рейтерн обратил внимание на необходимость принятия мер к предупреждению этих подлогов, которые должны обратиться во вред самых Бухарских торговцев, уроняя цены на их хлопок и уменьшая сбыт их товара в России»¹².

Здесь необходимо обратить внимание, что данное письмо МИДа было прислано в Оренбург в то время, когда в районе г. Туркестана уже шли боевые действия, т.е. началась военная компания против Кокандского ханства, ставшая началом широкомасштабного присоединения Средней Азии. В документе нет ни малейших упоминаний об обеспечении интересов русской текстильной промышленности с помощью военной силы, что было бы весьма уместно в случае начавшихся боевых действий.

Таким образом, анализ исторических источников не подтверждает приоритет экономических мотивов в присоединении территории Средней Азии к России. Судя по всему, появление версии о доминировании именно этих мотивов относится к советскому периоду, для которого характерно рассмотрение истории через призму развития производительных сил и производственных отношений. Однако, на наш взгляд, хотя экономические интересы в овладении регионом, конечно же, присутствовали, главными мотивами все тридцать с лишним лет в этом процессе оставались геополитические причины, выраженные во вполне конкретной геостратегии Русской императорской армии.

Включение в состав Российской империи среднеазиатского региона требовало определенных усилий по развитию экономики данных территорий. Однако военно-политиче-

⁹ Там же. Д. 7878, Л. 5

¹⁰ Там же. Л. 10-11.

¹¹ Там же. Л. 1.

¹² Там же. Л. 4.

ское значение новых территориальных приобретений долго доминировало над экономической целесообразностью: только в 1895 г., т. е. через тридцать один год после начала военной кампании в регионе, Русский Туркестан перестал быть экономически убыточным. Во многом это произошло благодаря расширению и развитию культуры хлопчатника¹³.

Качество произрастающего здесь хлопка было весьма низким. Короткое и грубое волокно, малая крепость и эластичность нити не удовлетворяли российских предпринимателей. В результате с 1860-х годов в крае появились опытные плантации, засеваемые американскими и египетскими сортами. Генерал-губернатор Туркестана К.П. Кауфман направил в Северную Америку специалистов для изучения способов выращивания высококачественного хлопка, что дало положительные результаты. В связи с этим в 1870-х годах были приняты попытки заменить коротковолокнистые малоурожайные местные сорта хлопчатника – гузы (*Gossypium herbaceum*) – сортами длиноволокнистого южноамериканского приморского хлопчатника Си-Айленд (*Gossypium barbadense*)¹⁴. Однако вследствие большой позднеспелости этого хлопчатника попытки замены оказались неудачными и были прекращены. В 1880-х годах они возобновились, но уже со скороспелыми сортами мексиканского хлопчатника типа упланд (вид *Gossypium hirsutum*). Результаты оказались удачными.

К концу 1880-х годов большая часть площади в Туркестане засеивалась американскими семенами хлопчатника. За пять лет (с 1886 по 1890 г.) посевные площади под хлопчатник увеличились почти в пять раз¹⁵. С 1888 г. по 1913 г. посевы хлопчатника выросли в Ферганской области с 37,8 тыс. га. до 304 тыс. га, в

Самаркандской области – с 8,7 тыс. га. до 34,5 тыс. га, в Сырдарьинской области – с 28,2 тыс. га до 68,3 тыс. га. Общая площадь посевов хлопчатника в Средней Азии выросла с 195 тыс. га в 1902 г., до 385 тыс. га в 1912 г. В 1913 г. в регионе было произведено 684,7 тыс. т (ок. 42,8 млн пудов) хлопка-сырца. В целом же валовой сбор хлопка в Средней Азии в течение 1890–1914 гг. вырос почти в семь раз. Основная часть этого хлопка вывозилась в Россию: в 1902 г. – 6 млн пудов (96 тыс. т), в 1912 г. – 14 млн пудов (224 тыс. т). Общая стоимость вывозимого перед войной хлопка оценивалась в 138 млн рублей¹⁶.

Туркестанский хлопок уже в 1900 г. обеспечивал треть российского потребления, а в 1910 г. – 43 % (годовое потребление хлопка-волокна текстильной промышленности России к 1914–1915 гг. достигло 24,64 млн пудов (394 тыс. т). В 1910-е гг. в среднем половина российской потребности в хлопке удовлетворялось поставками из-за границы, половина – внутренним, в основном среднеазиатским, производством. Сезон 1914–1915 гг. оказался достаточно благоприятным, обеспечив 70 % российских потребностей: из Средней Азии вывезли 15,57 млн пудов (249 тыс. т) хлопкового волокна, из Закавказья – 1,75 млн пудов¹⁷.

Главным производителем среднеазиатского хлопка стала Ферганская долина, которая в 1913 г. дала 62 % всего отгруженного в Россию хлопка. Для сравнения: Сырдарьинская и Самаркандская области дали вместе только 21,4 %. Благодаря налаживанию масштабного производства и первичной переработке хлопка, Ферганская область по уровню развития промышленности оказалась сопоставима с Харьковской и Нижегородской губерниями: здесь находились две трети хлопкозаводов Туркестана¹⁸.

Наряду с российским Туркестаном, интенсивное развитие хлопкового производства

¹³ Peterson, Maya K. White Gold Fever: The Quest to Grow Cotton in Central Asia. Annual meeting of the American Historical Association, Chicago, IL, January 7, 2012. URL: https://www.researchgate.net/publication/267531279_White_Gold_Fever_The_Quest_to_Grow_Cotton_in_Central_Asia

¹⁴ Хотамов Н.Б. Начало сева американского сорта хлопка в Средней Азии и роль российских банков для его развития // Историк (Муаррих), 2023. № 1 (33). С. 21–34.

¹⁵ Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии (1847–1868). М., 1968. С. 28–31.

¹⁶ Арапов А.В. Российский хлопковый проект в Туркестане. Начало XX века. URL: <https://memoryoffuture.blogspot.com/2011/03/xx.html>

¹⁷ Конотопов М.В., Лемберский М.Н. Развитие хлопчатобумажной промышленности России 1900–1917 гг. // Инновации и инвестиции. 2016. № 2. С. 69–75.

¹⁸ Арапов А.В. Российский хлопковый проект в Туркестане. Начало XX века.

происходило также в Бухарском и Хивинском ханствах. Так, в Бухаре и Хиве в 1914 г. хлопком было занято 140,2 тыс. га, а в 1915 г. – уже 152,6 тыс. га. Перед войной доля Бухары в поставках хлопка в Россию, обеспечиваемых в основном бухаро-еврейским купечеством, составляла около 13 %¹⁹. В Хиве в 1909 г. около 16 % всех посевных площадей было занято хлопком. К началу Первой мировой войны 2/3 хивинских хлопковых полей засеивались американскими сортами. Если в 1909 г. из хивинского оазиса, включая и Амударьинский отдел, вывезли в Россию 500 тыс. пудов (8 тыс. т) хлопка-волокна, то в 1915 г. из Хивинского ханства в Россию отправили уже 900 тыс. пудов (14,4 тыс. т) хлопка-волокна²⁰.

К 1890-м годам Средняя Азия стала основным поставщиком хлопка для России. Вместе с тем, расширение посевов хлопчатника вело к сокращению площадей, занятых продовольственными культурами, что вызывало рост цен на хлеб и отрицательно сказалось на материальном положении местного населения. Однако российские чиновники в Средней Азии, хотя и указывали Петербургу на этот перекося в экономике края, сами не принимали мер к его сглаживанию, исходя из концепции единого экономического комплекса Российской Империи, позволявшего перераспределять труд и товары по всей ее территории²¹.

Особенно сильно негативные последствия монокультурного развития региона проявились уже в XX в. Важно учитывать, что рост посевов хлопчатника в Средней Азии в значительной степени осуществлялся за счет земель дехкан, ранее ориентированных на производство продуктов питания, в том числе на выращивание зерна. В итоге Туркестан стал в

растущих объемах импортировать зерно: в 1907 г. – 4 млн пудов (64 тыс. т), в 1914 г. – 12,5 млн пудов (200 тыс. т). Причем основным потребителем зерна закономерно стала Ферганская долина²².

С началом Первой мировой войны сократились поставки хлопка в Россию из-за рубежа, из-за чего вырос спрос на туркестанский хлопок и, соответственно, повысилась цена пуда среднеазиатского хлопка-волокна: если в 1913 г. она составляла 24 руб., то в 1915 г. достигла 32 руб. (+33 %), а в 1916 г. – 36 руб. (+50 %). Это обстоятельство побудило население еще больше расширить посевы хлопчатника. Если в 1914 г. площади под хлопчатником занимали в Туркестане 502 тыс. га, то в 1915 г. – 570,7 тыс. га (по другим данным – 524 тыс. га), а в 1916 г. – 582,1 тыс. га, что составило 16 % всей возделываемой земли Туркестана. Однако дальнейшего роста производства туркестанского хлопка в ходе войны не произошло²³.

Серьезной проблемой, связанной с войной и болезненно отразившейся на положении большинства населения в Центральной Азии, стало существенное сокращение ввоза из России хлеба и промышленных товаров народного потребления, что было связано с сокращением их производства из-за массового призыва в 1914–1916 гг. российских крестьян и рабочих на фронт. В результате цена на хлеб росла быстрее, чем цена на хлопок: в 1915 г. она выросла на 100 %, а в 1916 г. – на 400 %. Катастрофический дефицит хлеба был усугублен нехваткой сахара и тканей. Сокращение хлебных поставок и нормированные цены на хлопок вели к сокращению посевов хлопка. В итоге, начиная с 1916–1917 г., выращивание хлопчатника стало свертываться (в 1916 г. весенние посевы хлопчатника были максимальными, но, из-за начавшегося призыва местного населения на тыловые работы и связанных с этим волнений, реальный осенний сбор хлопка оказался ниже предыдущих лет). В Бухаре и Хиве в 1917 г. площади посевов хлопка сокра-

¹⁹ Cohoon W. Russian Nationalists' Misconception of the Turkestan Cotton Industry, 1911. *Anthos*: 2013. Vol. 5: Iss. 1, Article 3. <https://doi.org/10.15760/anthos.2013.5>

²⁰ Арапов А.В. Дореволюционный Туркестан. Хлопковая отрасль под контролем иностранного капитала. URL: <http://memoryoffuture.blogspot.com/2011/03/xx.html>

²¹ Мамадалиев И. А. Экономический кризис как фактор социальной дестабилизации: Туркестан в конце XIX начале XX века // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. 2013. № 2 (54). С. 213-224.

²² Там же.

²³ Арапов А.В. Российский хлопковый проект в Туркестане. Начало XX века.

тилась с имевших место в 1916 г. 147 тыс. га. до 86, 5тыс. га²⁴.

С конца 1917–нач.1918 гг. вопросы экономической политики в Туркестане перешли в компетенцию Советской власти. С учетом стратегического значения в центре хозяйственных забот советского правительства Туркестана была хлопковая отрасль. 28 февраля 1918 г. Совнарком Туркестана издал декрет о национализации государством всех запасов хлопка. Поскольку это вызвало тревогу у дехкан, то через несколько дней последовало дополнительное распоряжение о том, что это не касается запасов хлопка у трудящихся. Затем 5 марта 1918 г. вышел декрет о национализации предприятий хлопковой и связанной с ней промышленности, как-то: «маслобойного производства, мыловаренного и ватного, а равно и предприятий торговых по скупке сырья и фабрикатов». Тогда же были национализированы, в частности, 296 хлопкоочистительных заводов и 5 ватных фабрик²⁵.

Национализация хлопковой отрасли была начата спустя несколько недель после разгрома Кокандской автономии. Оба этих события политически ликвидировали крупный бизнес хлопковых магнатов Туркестана, вынуждая их искать пути эмиграции и перевода капиталов за пределы России. Значительная часть их хлопковых запасов была к тому времени укрыта в том числе в самой России, Туркестане, а также Бухаре²⁶. Из-за ухудшения военно-политической обстановки в центре России, а также блокады связи с Туркестаном через Оренбург и Красноводск хлопок из Средней Азии в 1918 г. в достаточных масштабах отгружать не удалось, что привело к остановке текстильного производства в России. По тем же причинам зеркально в Среднюю Азию не поступало остро необходимое зерно. Об этом свидетельствуют не только исследования экономистов, но и воспоминания местных жителей²⁷.

Советский Союз, являясь геополитическим приемником Российской империи, продолжил сельскохозяйственную политику своей предшественницы, еще более усиливая перекося в производстве культур в пользу хлопка. В 1920-1950-х гг. это было связано не только с получением сырья для текстильной промышленности, но и с необходимостью выработки высококачественных сортов пороха для стрелкового оружия и ракетного топлива²⁸. Однако уже в 1960-х гг. такая необходимость для оборонной промышленности отпала в связи с изменением технологии. Тем не менее, к моменту начала «перестройки» сборы хлопка-сырца достигали 6 млн т только в Узбекистане и 1 млн т в Таджикистане. Практически все пахотные земли среднеазиатских оазисов были заняты под хлопчатник. С развалом СССР такая диспропорция пагубно сказалась на продовольственном снабжении стран среднеазиатского региона.

После распада СССР зона хлопководства оказалась за границей России, которая оказалась без собственного хлопка и была вынуждена закупать его за рубежом, главным образом в бывших советских республиках – Узбекистане (45 %), Туркмении (7 %), Казахстане (5 %), и Таджикистане (4 %), а также в Китае (15 %). В настоящее время, хотя закупки хлопка в Средней Азии для России не являются жизненно важными, тем не менее встает вопрос о бесперебойной поставке этого сырья для нужд отечественной текстильной промышленности²⁹. Закупки среднеазиатского хлопка для России в нужном объеме сейчас невозможны как из-за резкого сокращения его производства на местах (в Таджикистане — на две трети от объема 1988 г.), так и вследствие ухудшения качества хлопка-волокна из-за

²⁴ Там же.

²⁵ Декрет Совета Народных Комиссаров Туркестанского края о национализации хлопковой промышленности. 5 марта 1918 г. // Наша газета. 1918. № 43. 7 марта.

²⁶ Арапов А.В. Российский хлопковый проект в Туркестане. Начало XX века.

²⁷ Дубовицкий В.В. Андрей Евлампиевич Маджи. Полвека научных исследований в Центральной Азии. Душанбе, 2018. С. 29-32.

²⁸ Исаев А. В. Производство пороха и боеприпасов как «узкое место» советской военной экономики и его влияние на вооруженную борьбу в 1941–1945 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2025. Т. 30, № 2. С. 21–30. DOI: 10.15688/jvolsu4.2025.2.2

²⁹ Shiotani M. Russian Preference for Red Printed Cotton from Central Asia and Industrialization. The Asian review of World Histories. 2020. 9(1), 4-23. DOI: 10.1163/22879811-12340083

прекращения семеноводческой работы на местах³⁰.

Одним из направлений в поиске новых источников получения хлопка-волокна может стать выращивание культуры хлопчатника на юге России. 31 января 2018 г. на Всероссийском агрономическом совещании Минсельхоз заявил, что уже в текущем году Россия начнет промышленное возделывание и получит свой первый урожай хлопка специального селекционного «северного» сорта. На сегодняшний день, чтобы полностью обеспечить потребности России, необходимо около 250 тыс. т во-

локна хлопчатника. Чтобы получить такой объем, конечно, необходимы большие площади – около 300 тыс. га³¹.

В заключение можно констатировать, что роль хлопка в геополитике России в отношении Средней Азии никогда не была решающей. Обладание этим регионом или контроль над ним были вызваны военно-политическими целями на Среднем Востоке. Аберрация в оценке причин продвижения Российской империи в регион произошла в советской историографии именно в тот период, когда регион действительно играл для страны ключевую роль в обеспечении этим сырьем.

³⁰ Хлопковая проблема в России: причины и последствия до и после распада СССР // Интернет журнал Военно-политическая аналитика. URL: <https://vroanalytics.com/vooruzhenie-i-tekhnika/khlopkovaya-problema-v-rossii-prichiny-i-posledstviya-do-i-posle-raspada-sssr/>

³¹ Россия получит отечественный хлопок уже в этом году // Ведомости. 31 января 2018. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2018/01/31/749543-hlopk>

Список использованной литературы

1. Арапов А.В. Дореволюционный Туркестан. Хлопковая отрасль под контролем иностранного капитала. Эл. ресурс: <http://memoryoffuture.blogspot.com/2011/03/xx.html>
2. Арапов А.В. Российский хлопковый проект в Туркестане. Начало XX века. Эл. ресурс: <https://memoryoffuture.blogspot.com/2011/03/xx.html>
3. Балиев А. Хлопковая проблема в России: причины и последствия до и после распада СССР // Интернет журнал Военно-политическая аналитика. URL: <https://vroanalytics.com/vooruzhenie-i-tekhnika/khlopkovaya-problema-v-rossii-prichiny-i-posledstviya-do-i-posle-raspada-sssr/>
4. Безобразов В.П. Очерки Нижегородской ярмарки. М., 1865. 173 с.
5. Дубовицкий В.В. Андрей Евлампиевич Маджи. Полвека научных исследований в Центральной Азии. Душанбе, 2018. 216 с.
6. Исаев А.В. Производство пороха и боеприпасов как «узкое место» советской военной экономики и его влияние на вооруженную борьбу в 1941–1945 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2025. Т. 30, № 2. С. 21–30.
7. Конотопов М.В., Лемберский М.Н. Развитие хлопчатобумажной промышленности России 1900–1917 гг. // Инновации и инвестиции. 2016. № 2. С. 69–75.
8. Мамадалиев И. А. Экономический кризис как фактор социальной дестабилизации: Туркестан в конце XIX начале XX века // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. 2013. № 2 (54). С. 213–224.
9. Ленин В.И. Сочинения. Т. 3: Развитие капитализма в России. 4-е изд. М, 1946. 591 с.
10. Серебрянников А.Г. Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края 1864 г. Ч. 1. Т. 17. Ташкент, 1914. 266 с.
11. Серебрянников А.Г. Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. 1865. Ч. 2. Т. 20. Ташкент, 1914. 275 с.
12. Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии (1847–1868). М., 1968. 272 с.
13. Хотамов Н.Б. Начало сева американского сорта хлопка в Средней Азии и роль российских банков для его развития // Историк (Муаррих), 2023. № 1 (33). С. 21–34.
14. Cohoon W. Russian Nationalists' Misconception of the Turkestan Cotton Industry, 1911 // *Anthós*. 2013. Vol. 5: Iss. 1, Article 3.
15. Peterson M.K. White Gold Fever: The Quest to Grow Cotton in Central Asia. Annual meeting of the American Historical Association, Chicago, IL, January 7, 2012.
16. Shiotani M. Russian Preference for Red Printed Cotton from Central Asia and Industrialization // *The Asian review of World Histories*, 2020. 9(1), P. 4–23.

УДК 930.2

Лысенко Юлия Александровна,*доктор исторических наук, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,***Егоренкова Елена Николаевна,***Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова,**Усть-Каменогорск, Казахстан*

ИСЛАМСКАЯ ТЕМАТИКА НА СТРАНИЦАХ «ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ» СТЕПНОГО КРАЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.): ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Аннотация. Статья исследует специфику исламской тематики на страницах «Епархиальных ведомостей» – печатных органов Оренбургской и Омской епархий в Степном крае в конце XIX – начале XX века. Автор рассматривает эти публикации как инструмент реализации имперской религиозной политики, а также как часть обширной православно-миссионерской литературы, направленной на ограничение влияния ислама. Анализ показывает эволюцию содержания и тональности публикаций. В 1880–1890-е гг. они носили характер этнографических заметок и отчетов миссионеров, стремившихся доказать поверхностный характер исламизации казахов и сохранить их для потенциальной христианизации. Основным методом заключался в критике «языческих» пережитков в среде кочевников-мусульман. С началом XX века, в связи с ростом общероссийского мусульманского движения, характер публикаций резко меняется. Они приобретают форму тенденциозных статей, целью которых становится прямая дискредитация ислама. В фокус критики попадают личность Мухаммеда, содержание Корана, догматы и социальные нормы ислама. Публикации были призваны сформировать у православной паствы устойчивые негативные стереотипы и фобии. Автор также отмечает разницу в подходах двух епархий: более жесткий и идеологизированный характер «Оренбургских епархиальных ведомостей», обусловленный близостью к Казани, и более либеральную и практическую направленность «Омских епархиальных ведомостей», где акцент смещался на борьбу с расколом внутри самого православия.

Ключевые слова: Российская империя, религиозная политика, «Епархиальные ведомости», Степной край, ислам, православные миссии, антиисламская пропаганда, казахи, миссионерство.

Процессы активного институционального развития Русской православной церкви в Степном крае были связаны с крестьянской миграцией из Европейской России в азиатскую часть и увеличением, в связи с этим, численности православного населения в регионе. Именно в 1880–1890-е гг. XIX в. завершилось епархиально-территориальное, церковно-приходское деление Степного края, была создана сеть монастырских, школьных, религиозно-просветительских, религиозно-благотворительных и миссионерских структур¹. В рус-

ле общероссийских церковных тенденций, обязательным элементом деятельности Оренбургской и Омской епархий Степного края являлось издание «Епархиальных ведомостей» – официальных журналов с периодичностью выхода 2–4 раза в месяц.

Тематическая рубрикация оренбургских и омских «Епархиальных ведомостей» была достаточно разнообразной. Помимо вопросов собственно епархиального развития, на их страницах находили отражение сюжеты, связанные с общественно-политической, культурной, экономической жизнью Степного края. Значительное внимание редакции «Епархиальных ведомостей» уделяли ислам-

¹ Подробнее см.: Лысенко Ю.А. Очерки истории Русской православной церкви в Казахстане (XVIII – начало XX в). Барнаул, 2011. 155 с.

ской тематике, что было связано с особенностями этнорелигиозной ситуации в регионе. Несмотря на массовую миграцию православного восточнославянского населения в Тургайскую, Акмолинскую, Семипалатинскую и Семиреченскую области, большую часть населения здесь продолжали составлять казахи-мусульмане. В русле реализации задач имперской религиозной политики, направленной на сокращение сферы влияния ислама в границах казахской степи и распространения среди ее жителей христианства, в Оренбургской и Омской епархиях была организована деятельность Киргизских православных/антиисламских миссий².

Публикации на исламскую тематику в «Епархиальных ведомостях» являлись составной частью обширной исламоведческой литературы, которая создавалась в Российской империи на протяжении всего XIX в. Она была представлена как отдельными специализированными «миссионерскими противомусульманскими сборниками», издававшимися Казанской духовной академией, так и крупнейшей православно-церковной периодикой: «Православным собеседником», «Трудами Киевской духовной академии», «Душеполезным чтением», «Руководством для сельских пастырей», «Православным благовестником», «Богословским вестником», «Церковно-приходской школой», «Кормчим», «Миссионерским обозрением».

Появление исламской тематики на страницах «Епархиальных ведомостей» было непосредственно связано с началом деятельности Киргизских православных миссий в казахской степи. Поскольку первая такая миссия была создана на территории Алтайского горного округа в начале 1880-х гг. XIX в. и подчинялась Томской епархии, именно ее «Епархиальные ведомости» первыми предоставили свои страницы для публикаций на антиисламскую тематику. Затем эстафету подхватили Оренбургская и Омская епархии. Публикации по данной проблеме были представлены официальными отчетами о деятельности Киргизских миссий, Епархиальных комите-

тов Православного миссионерского общества, а также «Записками» отдельных миссионеров, которые представляли собой личные наблюдения процессов исламизации казахского социума, роли ислама в общественной жизни кочевников.

Анализ публикаций исламской тематики на страницах «Епархиальных ведомостей» Степного края позволяет определить ее особенности и круг дискутируемых проблем. В 1880–1890-е гг. главной целью публикаций была необходимость доказать пагубность распространения ислама среди казахского населения. В связи с этим критике подвергалась религиозная политика Российской империи рубежа XVIII–XIX вв., направленная на распространение ислама среди казахов-скотоводов административными методами. Авторы данных материалов подчеркивали необходимость скорейшего изъятия кочевников из сферы влияния мусульманских проповедников и организации православного миссионерства среди них.

Так, фактически в каждом «Отчете о деятельности» миссионеров Киргизской миссии Томской епархии за период с 1882 по 1895 гг. подчеркивалась мысль о том, что на данном этапе не произошло глубокой трансформации традиционного религиозного сознания казахов-кочевников под влиянием ислама. Для подтверждения этой мысли часто приводились этнографические описания языческих обрядов и культов жизненного и календарного циклов, особенно поминок и конно-спортивных скачек (байга) среди той части казахов, которая исповедовала ислам.

Миссионер Большенарымского стана Киргизской миссии Томской епархии Стефан Борисов в 1891 г. в своих «Записках» писал: «<...> киргизы очень скудны сведениями о магометанстве, а те сведения, которыми большинство из них владеет, – не более как круг обрядовых предписаний Корана. <...> Мусульманству преданы киргизы настолько, насколько может быть предан человек своей вере, а фанатизма в них вовсе нет. По свойствам характера киргизы фанатиками быть не могут и это – счастье наше! <...> нет в них характерной стойкости и решительности, которыми отличаются татары, турки и прочие фанатичные мусульмане. Впрочем, ислам способен пере-

² Подробнее см.: Лысенко Ю.А. Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул, 2010.

воспитать и киргизов, если только допустить его в степь во всей силе»³. В 1891 г. в «Томских епархиальных ведомостях» отмечалось, что «Киргизы пока еще мусульмане только по имени. Тем не менее мусульманский фанатизм, при посредстве среднеазиатских мусульманских выходцев, начинает поглощать и это племя. Деятели Киргизской миссии необходимо на первый раз <...> приостановить распространение этой заразы, что, однако, невозможно без внешнего содействия правительственной власти»⁴.

По мнению церковнослужителей, главной задачей государства, призванной оказать помощь Киргизским миссиям в борьбе с исламом, должно было стать формирование побудительных мотивов у язычников и мусульман для перехода в лоно православной церкви. Однако деятельность правительства в этом направлении миссионеры оценивали крайне отрицательно. Так, в Томских епархиальных ведомостях в 1886 г. указывалось, например, что принимать православие «не только не выгодно, но и весьма убыточно», поскольку до крещения язычник или мусульманин «свободно живет в своем кочевье, заботясь только об уплате трехрублевого ясака»⁵. Приняв православие, он вынужден платить «помимо ясака, 1) на исправление путей сообщения, 2) на найм толмача для чиновников, 3) на устройство мертвецкой избы, 4) не устраняется он от содержания приходского причта, церковных школ, 5) найм сторожей к своей приходской церкви». Поэтому священники настаивали на сохранении для новообращенных только тех налогов, которые они платили до принятия христианства⁶.

Особенностью публикаций на антиисламскую тематику в «Епархиальных ведомостях» Степного края в 1880–1890-е гг. XIX вв. было то, что многие из них представляли собой своего рода путевые заметки миссионеров, созданные в приключенческо-романтическом жанре. В них описывались разного рода труд-

ности, с которыми приходилось сталкиваться миссионерам во время поездок по казахской степи, их преодоление, встречи с местным населением и непереносимые трудности, которые ждали миссионеров в деле проповеди слова Божьего.

Чтобы придать большую эмоциональность и яркость описываемой поездки по степи, миссионеры довольно часто сопровождали свои рассказы красочным описанием природы, образа жизни и быта кочевников. Важной составляющей таких рассказов был неизменный сюжет о встрече в пути с казахом-кочевником и беседе с ним на религиозную тематику. Ее следствием всегда был один и тот же результат: православный миссионер доказывал казаху-мусульманину всю несостоятельность ислама как религии, что заставляло последнего задуматься и принять решение о переходе в христианство.

В начале XX в. в связи с активизацией и интеграцией казахов-мусульман в общероссийское мусульманское движение, особенно в период Первой русской революции 1905–1907 гг., значительно изменилось содержание, направленность исламской тематики на страницах «Епархиальных ведомостей» Степного края. Произошел и количественный рост числа публикаций на эту тему. Особенно часто ей посвящали свои страницы «Оренбургские епархиальные ведомости», что объяснялось, на наш взгляд, наличием в епархии и близостью к ней крупнейших исламских центров Российской империи – Оренбурга, Казани, Уфы, Самары.

Значительно трансформировалась содержательная часть таких публикаций. Они перестали создаваться в духе беллетристического жанра и стали представлять собой научно-аналитические статьи, в рамках которых затрагивался широкий спектр дискуссионных вопросов исламоведения. При этом для большинства авторов были характерны неточность и расплывчатость изложения, акцентирование на ассоциативной форме изложения, односторонняя подача содержательно-фактической и содержательно-концептуальной информации, ироничность отношения к тем или иным мусульманским феноменам, отрицательно-оценочные, порой уничижительные

³ Государственный архив Алтайского края (далее – ГА АК). Ф. 164. Оп.1. Д. 48. Л. 32 об.

⁴ Томские епархиальные ведомости. 1891. 1 мая. № 9. С. 20.

⁵ Там же. 1886. 15 мая. № 10. С. 9.

⁶ Там же. С. 10.

эпитеты. По сути, статьи на исламскую тематику были призваны оказывать глубокое воздействие на обыденное сознание и формировать у читательской аудитории отрицательные стереотипы восприятия российского ислама, активно-агрессивное отношение к нему.

Основной дискурс был связан с доказательством «ложности и пустоты религии Мухамедовой». В этих рамках рассматривалась история зарождения и развития ислама. При этом акцент делался на сопоставлении отдельных фактов, изложенных в Коране, и библейских сюжетов, на основании чего делался вывод о заимствовании многих библейских сюжетов в Коране и, соответственно, о превосходстве Библии и христианства над Кораном и исламом⁷.

Коран представлялся как «хаотическое смешение самых разнообразных постановлений, наставлений и изречений», внушающих «только ненависть и презрение ко всем народностям, не признающим Магомета посланником Божиим»⁸. Показательна в этой связи статья противомусульманского миссионера Оренбургской епархии К. Меркурьева «Коран – не божественное откровение»⁹, представляющая сравнительный анализ Библии и Корана. По мнению автора статьи, любое Божественное откровение должно обладать определенными признаками, к числу которых он относил: «1) истинность – отсутствие в нем лжи и обмана; 2) неизменность – отсутствие противоречий; 3) ясность и определенность – отсутствие сомнений и колебаний при изложении истины веры и деятельности; 4) высоту и спасительность – отсутствие мелочных правил и предписаний, нелепостей и несообразностей, противных истинному понятию о Боге, здравому смыслу и нравственному чувству человека»¹⁰.

Дальнейшие рассуждения Меркурьева были направлены на поиск всех четырех признаков, характеризующих Божественное писание, применительно к Корану. В ходе анализа Корану было отказано в истинности, на основании

того, что в нем «передаются события, неприимимые с событиями библейскими», приписаны «к лику пророков не только лица, о пророческом достоинстве которых нет свидетельств в Святом Писании [...] но даже и идолопоклонники [...] при этом не упоминается о самых главных из ветхозаветных пророков (Исаия, Иеремия, Иезекил и Даниил), об их учениях и пророчествах»¹¹.

Коран, по мнению К. Меркурьева, состоит из противоречий, «число которых простирается до 225». Кроме того, миссионер указывал на то, что «при изложении догматических и нравственных истин Коран допускает сомнение, нерешительность [...] Так, например, говоря о будущей жизни Мухаммед колеблется признать вечность и неизменяемость решений Судьбы относительно конечной участи праведников и грешников». По мнению миссионера, выражения «может быть, будете помилованы», «может быть, будете счастливы», «может быть, будете благочестивы» и т.д. не приемлемы для настоящего Божественного откровения.

И наконец, К. Меркурьев отмечал многочисленные сюжеты из личной жизни Мухаммеда, которые неуместны, по его мнению, в любом Божественном послании. В завершение автор пришел к выводу о том, что «Коран не удовлетворяет ни одному из указанных выше признаков божественного откровения: в нем, как мы видим, много неправды, противоречий, мелочных предписаний, нелепостей и несообразностей, – и потому он – не Божие слово, не Божественное откровение»¹².

Огромное внимание на страницах «Епархиальных ведомостей» Степного края уделялось личности самого основателя ислама – Мухаммеда. Он назывался не иначе как «лжепророком, до возмутительной нелепости изуродовавшем христианскую истину о воплощении Бога Слова». В одном из выпусков «Оренбургских епархиальных ведомостей» в 1913 г. о нем было написано следующее: «Магомет, пропитанный эгоизмом, привязанный всем существом, всеми мыслями к земному и чувственному, не мог оставить для своих последо-

⁷ Батунский М.А. Россия и ислам. Т. 2. М., 2003. С. 209.

⁸ Оренбургские епархиальные ведомости. 1913. 15 июня. № 12. С. 165.

⁹ Там же. 1 января. № 1. С. 6–11.

¹⁰ Там же. С. 6.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 11.

вателей ничего возвышенного, ничего основанного на законах нравственности. [...] Пылкий характер властолюбца и эгоиста Магомета до того разжег в нем жажду стать в мире известным, гремящим славой человеком, что он ради этого все свои тяжкие на пророческом пути проступки, необузданную волю страсти, не постеснялся наименовать законом с небес»¹³. Из этого делался вывод о тотальной пагубности ислама для самих мусульман и для казахов, попавших под его влияние.

Отдельным направлением «Епархиальных ведомостей» Степного края начала XX в. следует считать анализ религиозной политики Российской империи в отношении ислама. Последняя подвергалась резкой критике, представлялась авторам публикаций крайне либеральной, в некоторой степени попустительской, так как не противодействовала распространению ислама в степи, «крайне христианству враждебного Корана и прочих зловердных мусульманских книг».

Миссионеры Киргизских духовных миссий Оренбургской и Омской епархий, работающие среди казахов, постоянно подчеркивали, что исламизация не принесла ничего положительного казахам-кочевникам. Для этого они довольно часто приводили в ежегодных «Отчетах о деятельности» пространные беседы с пожилыми казахами, которые утверждали, что ислам способствовал падению нравов среди казахской молодежи, развивал такие пороки, как пьянство, разгул, неуважение к старшим и т.д. Миссионерами подчеркивалось, что татарские муллы, работающие в школах, не могут дать достойного образования казахской молодежи, поскольку ведут обучение на арабском языке, незнакомом казахам, а сам процесс обучения сводят к механическому заучиванию Корана¹⁴.

Подобные рассуждения служили основанием к развитию еще одного направления в публикациях об исламе на страницах «Епархиальных ведомостей» – о его застойности и не прогрессивности. Подчеркивалось, что «мусульманская наука» погрязла в схоластических тонкостях и ухищрениях и не только не

просвещает, но, напротив, помрачает духовные способности своих адептов. Вся исламская богословская литература на татарском языке, например, «убивает любознательность мухаммеданина, на все вопросы давая ответы по раз и навсегда выработанной формуле; извращает здравый вкус его, приучая услаждать себя самыми причудливыми вымыслами фантазии вместо действительных фактов исторической жизни; парализует всякое стремление его к развитию и прогрессу, внушая ему, что он может считать себя совершенным, если выполняет внешние предписания шарията»¹⁵.

Свидетельством кризиса ислама являлось, по мнению отдельных авторов «Епархиальных ведомостей», не только формирование реформаторского движения «новых методов» в исламе, пытавшихся реанимировать мусульманское образование, но появление различных сектантских движений в исламе, активно возникающих среди мусульман Российской империи в начале XX в. Об одной из таких сект было рассказано на страницах «Оренбургских епархиальных ведомостей». Она возникла среди молодых татарских мулл Тобольской губернии, считавших необходимым реформирование обрядовой стороны ислама. В частности, ими предлагалось заменить тридцатидневный пост Рамадан на девятидневный, отменить «нерациональный и противоестественный, не согласованный с чисто логическими законами природы» институт многоженства и покровительства ислама полигамии и т.д.¹⁶

В русле исламского дискурса на страницах «Епархиальных ведомостей» Степного края в начале XX в. появлялись отдельные публикации, авторы которых отказывали в прогрессивности не только исламу, но формирующимся национальным языкам народов, его исповедующих. Интересной в этой связи представляется публикация в нескольких номерах «Оренбургских епархиальных ведомостей» аналитической статьи, посвященной литературе, изданной на татарском языке за 1912 г. «Литературный татарский язык, отмечается в статье, – на котором написаны данные издания, –

¹³ Там же. № 12. 15 июня. С. 164–165.

¹⁴ ГА АК. Ф.164. Оп. 2. Д. 8. Л. 4–5 об.

¹⁵ Оренбургские епархиальные ведомости. 1913. № 4. 15 февраля. С. 60.

¹⁶ Там же. № 10. 15 мая. С. 117.

как по своему лексическому составу, так и по грамматическому строю является языком неустоявшимся. При том рабском преклонении к языкам арабским, турецким, персидским, какое наблюдается у татар-мухаммедан вообще, – употребление арабских, турецких и персидских слов и оборотов наравне и в ущерб татарским признается явлением вполне законным»¹⁷.

Очевидно, что конечной целью публикаций на исламскую тематику в «Епархиальных ведомостях» Степного края должно было стать формирование у читательской аудитории фобий в его отношении. Поэтому вполне логичным и закономерным можно считать появление на страницах изданий материалов по истории ислама, авторы которых акцентировали внимание на фанатизме мусульман, их «бесчеловечных войнах» и тотальной экспансии, «как в Африке и в Индии, Китае, так и в России».

Показательна в этой связи небольшая заметка, помещенная в «Омских епархиальных ведомостях» в 1913 г. миссионером И. Петровым, в которой автор подчеркивал, что «Нидля кого не тайна, что одно магометанство обладает свойством разжигать в своих последователях фанатизм и беспредельную слепую привязанность к себе. Каждый магометанин, в силу своего воспитания, старается во что бы то ни было обратить в свою веру гяуров, незнающих Магомета и Аллаха»¹⁸. В другом номере за этот же год И. Петров пересказывал слова пророка Мухаммеда: «О, верующие мусульмане, когда вы встретите неверных (немусульман), убивайте их везде, пока они не сделаются мусульманами, и Бог осыплет вас благодеяниями, вы будете счастливы. Убиваете же их не вы, а Бог [...] О, верующие! Не показывайте трусости, не призывайте неверных к миру и не избирайте друзьями жидов и христиан»¹⁹. Отдельные авторы убеждали читателей в том, что отечественных мусульман и в прошлом, и в настоящем отличали «фанатическая ненависть» ко всему русскому, которая проявлялась во многих исторических событиях – в Смутное время, во время восстаний

С. Разина и Е. Пугачева. Подчеркивалась мысль о лояльности российских мусульман к Оттоманской Порте и их благоговейности перед ней и делался вывод об опасности для православного государства, коим являлась Российская империя, ислама.

В целом можно отметить, что исламская тематика была наиболее популярной в «Оренбургских епархиальных ведомостях». В большинстве своем эти публикации носили антиисламский характер и призваны были сформировать общественное мнение, направленное на сокращение сферы влияния ислама в Российской империи. Антиисламская направленность «Оренбургских епархиальных ведомостей» объясняется, на наш взгляд, близостью епархии к Казани – идеологическому центру общероссийского мусульманского движения начала XX в. Отличала публикации на антиисламскую тематику в «Оренбургских епархиальных ведомостях» и более высокая степень аналитики и научный подход. Во многом это было связано с более высоким уровнем профессиональной подготовки священнослужителей Оренбургской епархии, многие из которых являлись выпускниками Казанской духовной академии. Как известно, студенты восточного отделения Академии слушали курс исламоведения, а по окончании представляли аналитический труд по одной из его проблем.

Совсем иначе складывалась ситуация в Омской епархии. На страницах «Епархиальных ведомостей», издававшихся ею, исламская тематика приняла более либеральную окраску. Анализ содержания изданий позволяет утверждать, что данная проблема лишь частично затрагивалась в виде публикаций «Отчетов о деятельности» различных антиисламских миссионерских структур, священников-миссионеров, возглавлявших станы Киргизской миссии Омской епархии. Причина видится в особенностях развития ислама в границах проживания казахов Омской епархии. Территориальная отдаленность от исламских поволжских центров, отсутствие регионального органа управления мусульманами края – Мусульманского духовного собрания, менее эффективная деятельность татарских мусульманских проповедников среди казахов, более

¹⁷ Там же. № 3. 1 февраля. С. 39.

¹⁸ Там же. № 11. 1 июня. С. 143.

¹⁹ Там же. № 12. 15 июня. С. 165.

синкретичные формы ислама у последних в виде сочетания ислама и языческих культов – все это, безусловно, снижало актуальность исламофобских настроений в регионе. Не менее важной причиной более либеральной оценки ислама и его потенциала на страницах «Омских епархиальных ведомостей» являлось, на наш взгляд, присутствие в регионе крупней-

ших центров старообрядчества и протестантизма. В связи с этим миссионерская деятельность Русской православной церкви здесь развивалась не столько среди казахского, сколько среди православного населения. В результате акценты в содержании «Омских епархиальных ведомостей» были смещены в сторону борьбы со старообрядчеством и сектантством.

Список литературы

1. Батунский М. А. Россия и ислам: в 3 томах. М.: Прогресс-Традиция, 2003. Т. 2. 600 с.
2. Лысенко Ю.А. Очерки истории Русской православной церкви в Казахстане (XVIII – начало XX в.). Барнаул, 2011. 155 с.
3. Лысенко Ю.А. Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2010. 195 с.

УДК 94(470)»1914/1918»:070(=512.1)

Котюкова Татьяна Викторовна,*кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия*

«ТУЗЕМНЫЕ ГАЗЕТЫ» ТУРКЕСТАНА КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В начале XX в. Османская империя успешно вела «идеологическую войну» с Российской империей. Объектом этой войны являлась лояльность российских мусульман. За спиной Османской империи отчетливо проступала тень Германии, выступавшей в качестве фабрики мысли (think tank). Одним из инструментов этого противостояния была частная пресса российских мусульман, которая зачастую публиковала материалы откровенно протурецкого и прогерманского характера. В свою очередь младотурки играли на национальных и религиозных чувствах туркестанских мусульман, применяя в широком объеме все виды «мягкой силы» – от религиозной агитации до прямой антирусской пропаганды. В этой ситуации государственные печатные издания России должны были помочь туркестанским мусульманам встроиться в общеимперское пространство в качестве лояльных граждан. Проигрывая в пропагандистской войне на азиатской периферии в мирное время, в годы Первой мировой войны Российская империя столкнулась с необходимостью формировать свой позитивный образ не только среди мусульманского населения Туркестана, но и сопредельных стран – Китая, Афганистана и Ирана, – рассчитывая на проявление если не симпатии, то хотя бы лояльного отношения. Насколько успешно была выполнена эта задача, рассматривается в настоящей статье на примере деятельности двух официальных российских газет на тюркских языках – «Туркестанской туземной газеты» и «Закаспийской туземной газеты».

Ключевые слова: Туркестан, периодическая печать, «Туркестанская туземная газета», «Закаспийская туземная газета», Закаспийская область, Семиреченская область, Персия, Афганистан, Китайский Туркестан.

Введение

Со второй половины XIX в. в имперской политике России стал доминировать принцип государственного единства, который являлся производным идеи национального государства. Это предполагало приобщение «иностранцев» к русской государственности и культуре, а в перспективе – их аккультурацию¹. В рамках этого дискурса государственная периодическая печать была призвана выступить важным звеном межкультурной коммуникации. В отношении мусульманского населения Туркестана эта миссия возлагалась, начиная с 1872 г., на «Туркестанскую туземную газету», а после начала Первой мировой войны – также

на «Закаспийскую туземную газету». Мусульмане Туркестана испытывали серьезный дефицит информации на родных языках и в доступной форме: о самой Российской империи, о других странах и культурах, о достижениях мировой науки и техники и т.д. Главной задачей так называемых «туземных газет» Туркестана было не только рассказать об ином, неведанном для мусульман мире русских и европейских ценностей, но и помочь туркестанским мусульманам начать постепенно встраиваться в общеимперское пространство, найти в нем свое место².

¹ Воробьева Е. И. Власть и мусульманское духовенство в Российской империи (вторая половина XIX — 1917 г.) // Исторический ежегодник. Омск, 1997. С. 40.

² Котюкова Т.В. «Другой» мир глазами «своих» на страницах «Туркестанской туземной газеты» // Восточный архив. 2014. № 2 (30). С. 25–30; Котюкова Т.В. Махмудходжа Бехбуди о Туркестанском представительстве в Государственной думе Российской империи (по материалам публикаций в «Туркестанской туземной газете») // Элек-

Государственной туземной печати приходилось действовать в условиях острой конкуренции. На волне революционных событий 1905–1907 гг. в Туркестане появилось порядка десятка частных периодических изданий, на страницах которых развернулась активная дискуссия о политических реформах в крае. Нередко эти издания печатали материалы антироссийского или откровенно протурецкого и прогерманского характера.

К началу Первой мировой войны Российская империя не смогла в достаточном объеме сформировать информационное пространство для мусульман Туркестана на родных языках, а крайне слабое распространение русского языка в среде коренного населения, сдерживало интерес к русскоязычным газетам и журналам, даже в городской среде.

В военных условиях Российская империя была вынуждена также приступить к решению еще одного комплекса задач – борьбе с вражеской пропагандой и налаживанию контрпропаганды, причем не только в самом Туркестане, но и за его пределами, где не последняя роль отводилась «Туркестанской туземной газете» и «Закаспийской туземной газете».

«Туземные газеты» как инструмент выстраивания межкультурных коммуникаций внутри Российской империи

Государственная пресса в мусульманских регионах России на национальных языках появилась в 1820-е гг. В 1828 г. в Тифлисе началось издание газеты «Тифлисские ведомости» на русском языке. В декабре 1831 г. барон Г.В. Розен предложил проект газеты на тюркском (азербайджанском) языке – «Татар эхбары» («Татарские ведомости»). Это были все те же «Тифлисские ведомости», только на языке

тюркского населения Закавказья. К этому времени к газете уже издавались приложения на грузинском и армянском языках. Первый номер «Татар эхбары» вышел в январе 1832 г.³ Изначально приложение «Татар эхбары» выпускалось на персидском языке, но оказалось невостребованным. Газету издавали один раз в неделю, стоимость годовой подписки была 8 руб. серебром. Ее читали не только в Закавказье, но и в Османской Империи и Иране. По правилам, изданный номер газеты, прежде чем оказаться у читателей, должен был лечь на стол цензоров в Петербурге. Технически выполнять это требование было не просто. Поэтому уже в начале 1833 г. издание газеты было прекращено⁴.

В 1841 г. администрация Кавказского наместничества стала выпускать новую газету – «Закавказский вестник». Первый номер газеты на азербайджанском языке вышел в 1845 г. под названием «Гафгазын бу тэрэфынын хэбэры» (в дословном переводе «Новости этой стороны Кавказа»). Она в основном печатала официальную информацию, царские указы, решения кадийских судов и т.д. Газета просуществовала четыре с половиной года и была закрыта властями⁵.

В 1888 г. в Омске стала издаваться на русском и казахском языках «Киргизская степная газета» («Дала уэлаятының газеті»), вначале как «Особое прибавление» к «Акмолинским областным ведомостям» (1888–1905), а затем к Семипалатинским (1894–1905) и Семиреченским (1894–1905) областным ведомостям. В официальной части газеты публиковались указы, постановления и другие официальные документы царской администрации и местных властей, касающиеся управления Степным краем. Газета уделяла внимание трудам русских ученых по истории, этнографии и культуре казахов. Печатались образцы казахского устного народного творчества и переводные произведения русских писателей. С газе-

тронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Выпуск 5 (103). URL: <https://history.jes.su/s207987840015903-2-1/>; Соегова А.М. Туркменские джандиды-прогрессисты: Мухаммедкули Атабаев и его статьи // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Выпуск 10 (120). URL: <https://history.jes.su/s207987840023541-4-1/>; Котюкова Т.В. «Туркестанская туземная газета» как инструмент для продвижения хлопковой политики Российской империи в Туркестане // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т. 15. Выпуск 3 (137). URL: <https://history.jes.su/s207987840031252-6-1/>; и др.

³ Ни один экземпляр газеты на азербайджанском не сохранился.

⁴ Ениколопов И. Первая тюркская газета на Кавказе // Культура и письменность Кавказа. Кн. 3. Баку, 1928. С. 139–146.

⁵ Vəliyev A. A. oğlu (Aşırılı). Azərbaycan mətbuatı tarixi. Bakı, 2009. S.4–6.

той сотрудничали казахские просветители – А. Кунанбаев, Ч. Валиханов, И. Алтынсарин⁶. Несмотря на небольшой тираж, газета распространялась почти по всей территории современного Казахстана.

В 1913 г. по инициативе генерал-губернатора Дагестанской области С.В. Вольского был организован выпуск газеты «Джаридат Дагистан». Газета издавалась в 1913–1918 гг. на арабском языке, поскольку русский язык был распространен еще мало, а коренных языков много. В этих условиях арабский выступал в качестве лингва франка. Предполагалось, что «Джаридат Дагистан» будет простой перепечаткой правительственного издания «Дагестанские областные ведомости». Первый год издание газеты финансировалось российским правительством, но поскольку газета оказалась убыточной, а целей, поставленных при ее создании, достичь не удалось, в конце января 1914 г. государственное финансирование газеты было прекращено. Далее газета издавалась на деньги местного мецената, ставшего редактором газеты. Она продолжила публикацию официальных распоряжений правительства, информации о текущих событиях, объявлений и т.д. «Джаридат Дагистан» также стала важной площадкой для дискуссии между джадидами и кадимистами Северного Кавказа⁷.

Необходимо отметить, что подобная практика, – издание газеты на языке коренного населения, – применялась далеко не во всех мусульманских регионах Российской империи. Так, мусульмане Волго-Уральского региона официальных изданий на родных языках не имели, хотя усилия по их созданию предпринимались. Одно из первых – издание газеты «Казанские известия» на старотатарском и русском языках. Последующие попытки по изданию таких газет, как «Бахрель-ахбар», «Йолдыз» и «Танг йолдызы» также не дали результатов⁸.

Необходимо отметить, что диапазон оценок исследователями функций «туземных газет» весьма широк: от проводников русификатор-

ской политики до инструмента по налаживанию межкультурных коммуникаций. И все же зарубежные исследователи чаще оценивают подобные официальные «туземные газеты» как инструменты русификаторской политики империи, иногда отмечая их «подготовительную роль» в создании национальной прессы на азербайджанском, казахском, узбекском и прочих языках⁹. Что касается «туземных газет» Туркестана, то вопрос впервые был синхронно освещен главным редактором «Туркестанской туземной газеты» Н.П. Остроумовым¹⁰. В советский период историография получила свое дальнейшее развитие¹¹. В настоящее время историю периодической печати Туркестана плодотворно исследует С.Б. Шадманова¹².

На наш взгляд, «туземные газеты» были в большей степени инструментами модернизации, адаптации и последующей интеграции мусульманских народов в общеимперский государственный проект, мостами выстраивания межкультурных коммуникаций, а также играли роль посредников между мусульманским населением и краевой администрацией, площадок для демонстрации лояльности местной элиты и трибун джадидизма.

«Туркестанская туземная газета» как официальный рупор русской краевой администрации

С 1872 г. в Туркестане стала издаваться первая официальная газета краевой администрации на тюркских языках «Туркестанская ту-

⁹ Расулов А., Исокбоев А., Насретдинова Д. Татары в Туркестане на изломе эпох. Начало XX века. Казань, 2021. С. 156.

¹⁰ Остроумов. Н.П. Туркестанская туземная газета // Сарты. Этнографические материалы. Ташкент, 1896. С. 156–172.

¹¹ Авшарова М.П. Русская периодическая печать в Туркестане (1870–1917 гг.). Библиографический указатель литературы. Ташкент, 1960; Ильясов А. «Закаспийская туземная газета», как источник изучения истории духовной культуры туркменского народа (1914–1917 гг.) // Известия АН Туркменской ССР. Серия общественных наук. 1964. № 4. С.3–9; Бабаханов М. Из истории периодической печати Туркестана. Душанбе, 1987; Сарыев Б. Первая туркменская газета // Агитатор Туркменистана. 1989. № 5. С. 25; и др.

¹² Шадманова С.Б. История Туркестана через призму периодической печати (1870–1917). Ташкент, 2023.

⁶ «Киргизская степная газета»: человек, общество, природа. 1888–1902 / Сост. У. Субханбердина. Алматы, 1994. С. 5–17.

⁷ Наврузов А.Р. «Джаридат Дагистан» – арабоязычная газета кавказских джадидов. Москва, 2012. С. 9–14.

⁸ Набир Давлет. Исмаил Гаспринский. Казань, 2015. С. 12.

земная газета». По-тюркски название звучало как «Туркистот вилоятининг газети» (т.е. Туркестанская областная газета). Издание просуществовало до февраля 1917 г.¹³

На начальном этапе «Туркестанская туземная газета» издавалась как приложение к «Туркестанским ведомостям» четыре раза в месяц: два раза на староузбекском и два раза на староказахском языках. С 30 января 1883 г. приложение стало самостоятельным еженедельным изданием. С 1906 г. газета выходила с периодичностью два раза в неделю. В период с 1885 по 1901 гг. «Туркестанская туземная газета» печаталась на двух языках – староузбекском и русском.

Задачей газеты являлось ознакомление должностных лиц Туркестанского края, а также представителей коренных национальностей с официальной российской хроникой, распоряжениями местной администрации, приговорами русской судебной власти, касающимися местного мусульманского населения, общими правительственными распоряжениями, распространявшимися на Туркестан. Кроме того, на страницах газеты можно было встретить информацию о праздниках, торжественных днях и памятных датах как общеимперского, так и местного значения; краткие рассказы о жизни русского императорского дома и иностранных правящих династий; сообщения об интересных событиях всемирной и российской истории и сводки текущих событий в России и зарубежом; полезные сведения из истории и географии края; местные известия, касавшиеся промышленности и сельского хозяйства, изменения базарных цен и т.п.

На начальном этапе, в 1872–1883 гг., главным редактором газеты был переводчик Канцелярии туркестанского генерал-губернатора Шохимордон Ибрагимов, несколько месяцев 1883 г. – переводчик Канцелярии туркестанского генерал-губернатора Мухаммадхасан Чанышев, с конца 1883 до февраля 1917 г. – ученый-ориенталист Николай Петрович Остроумов. Возможно, с августа по ноябрь в 1907 г. обязанности главного редактора газе-

ты исполнял Ибниамин-бек Худоярханов, сын последнего правителя Кокандского ханства¹⁴.

В качестве местных авторов с газетой сотрудничали туркестанские джадиды: Закирджан Фуркат, Исхакхан Ибрат, Махмудходжа Бехбуди, Мирмухсин Шермухамедов и другие. Наряду с уже известными местными литераторами-просветителями, газета публиковала стихи начинающих поэтов, рассказы и впечатления туркестанских купцов, совершавших деловые поездки в другие регионы империи¹⁵. К 1888 г. разовый тираж газеты вырос с 500 до 600 экземпляров. Газета имела своих читателей и за пределами Туркестана. Ее читали в Петербурге, Москве, Казани, Омске, Бахчисарае, а также в Кашгаре (Китайском Туркестане).

Однако, несмотря на все усилия администрации, большей популярностью у мусульманского населения края пользовалась газеты «Тарджиман» (Переводчик) Исмаила Гаспринского и ряд других частных общероссийских мусульманских изданий. Туркестанская администрация пыталась выяснить причины непопулярности официальной газеты. Остроумов особо отмечал, что «Туркестанская туземная газета» была первой газетой на местном языке, еще не привычной для населения¹⁶. Возможно, она также была перегружена официальной информацией. Вполне понятные сложности возникали при переводе должностей, чинов, званий, ряда политических терминов и понятий. Остроумову приходилось для решения этой задачи использовать арабские или персидские заимствования, затруднявшие восприятие текста тюркоязычными читателями¹⁷.

Накануне Первой мировой войны газета стала испытывала серьезные финансовые трудности и оказалась на грани закрытия.

¹⁴ НА РУз (далее – Национальный архив Республики Узбекистан). Ф. 1396. Оп. 1. Д. 23. Л. 77 об.

¹⁵ Остроумов. Н.П. Поездка в Россию самаркандского купца Мирзы-Бухарина Мирзы-Абдуллина // Сарты. Этнографические материалы. Ташкент, 1896. С. 192–205.

¹⁶ Шадманова С. Б. Архивные документы – важный источник изучения истории периодической печати Туркестана (по материалам Центрального государственного архива Республики Узбекистан) // Вестник архивиста. 2009. № 3. С. 257.

¹⁷ НА РТ (далее – Национальный архив Республики Татарстан) Ф. 968. Оп. 1. Д. 44. Л. 1–4 об.

¹³ Авшарова М.П. Русская периодическая печать в Туркестане (1870–1917). Библиографический указатель литературы. Ташкент, 1960. С. 64.

В 1913–1915 гг. об этом велась серьезная переписка между краевой администрацией и Военным министерством, которому в административном смысле подчинялся Туркестан. 16 апреля 1915 г. Туркестанский генерал-губернатор Ф.В. Мартсон в письме военному губернатору Сырдарьинской области А.С. Галкину писал, что лучшим проводником правительственных задач в среде коренного населения Туркестана является печатное слово. Частная мусульманская пресса, констатировал Мартсон, не только не отличалась «верностью взглядов» и «правильным пониманием вещей», но и зачастую была очень враждебно настроена по отношению к краевой администрации. К тому же эта пресса была в подавляющем большинстве татарского происхождения, «далеко отстоящая от местной жизни». Тем не менее, считал Мартсон, было настоятельно необходимо, чтобы коренное население знакомилось с деятельностью в крае русского правительства не только через частные газеты, но и через местный, пока единственный в крае печатный орган – «Туркестанскую туземную газету», поскольку только на нее власть могла опираться «при проведении в широкие слои мусульманского населения правильного отношения и понимания его [правительства – Т.К.] видов и целей»¹⁸.

Мартсон настаивал, чтобы газета, помимо обязательных подписчиков, распространялась среди грамотных мусульман, которые или вовсе не получали газет, или читали частные газеты на татарском языке. «К сказанному считаю нелишним добавить, – писал начальник края, – что “Туркестанская туземная газета”, кроме освещения событий текущей жизни в доступном для туземцев изложении, может принести подписчикам и реальную пользу своим бесплатным приложением земледельческой газеты “Дехкан” (Крестьянин – Т.К.), составляемой специалистами-агрономами, при заведывании изданием Туркестанского общества сельского хозяйства»¹⁹.

В ноябре 1915 г. наконец было принято решение об оказании финансовой помощи туземной газете. Военный министр А.А. Полива-

нов, ссылаясь на решения Военного Совета от 13 мая и 9 июля 1915 г., обратился 5 ноября 1915 г. в Государственную думу с ходатайством «Об отпуске временно, на два года, из средств Государственного казначейства в размере десяти тысяч рублей на содержание “Туркестанской туземной газеты”»²⁰. Суть ходатайства сводилась к следующему: газета являлась единственным официальным правительственным изданием в крае на местном языке. Сначала она обходилась государству по 3 руб. 80 коп. за экземпляр в год, с 1906 г., с увеличением объема самого издания – по 4 руб. 50 коп. Издавалась газета за счет средств типографии Канцелярии туркестанского генерал-губернатора. Ежегодно издание газеты обходилась типографии в среднем в 7.795 руб., при выходе два раза в неделю.

Эти расходы лишь частично покрывались подпиской. Несмотря на то что газета была правительственным органом, согласно ст. 23 Положения об управлении Туркестанским краем 1886 г. она не считалась изданием, обязательным к подписке для должностных лиц «туземной администрации». Поэтому с уменьшением числа платных подписчиков финансировать газету становилось все труднее и труднее²¹. С учетом того, что в период военного времени министерство планировало выпустить газету три раза в неделю, а по мнению Поливанова именно этого требовала политическая ситуация, расходы возрастали до 11.800 руб. Подписка могла покрыть в лучшем случае от 1500 до 1800 руб., требовалось срочно найти еще около 10 тыс. руб. Решить проблему, хотя бы на первое время, могло прямое государственное финансирование. Таким образом, Военное министерство просило Государственную Думу на два года санкционировать отпуск средств из государственной казны в размере 10 тыс. руб. в год на издание «Туркестанской туземной газеты»²².

В 1916 г. в целях укрепления патриотических настроений среди мусульман Туркестана, Государственная дума одобрила выплату ежегодной прямой субсидия в размере 10 тыс. руб.

¹⁸ НА РУз. Ф. И-462. Оп. 1. Д. 478. Л. 291–291 об.

¹⁹ Там же.

²⁰ РГВИА (далее – Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 400. Оп. 1. Д. 4297. Л. 20–21.

²¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4297. Л. 20.

²² Там же. Л. 21.

Со своей стороны, военное ведомство должно было обеспечить регулярный выход газеты 3–4 раза в неделю. С этого момента «Туркестанская туземная газета» рассылалась не только лицам туземной администрации, но и мударрисам мактабов и имамам мечетей²³.

Вплоть до конца 1914 г. «Туркестанская туземная газета» оставалась единственным официальным рупором русской краевой администрации в Туркестанском крае, пытавшимся сформировать у местного населения привлекательный образ Российской империи. Начиная с декабря 1914 г., стала издаваться еще одна «туземная газета», целевой аудиторией которой стали мусульмане не только Российской империи, но и сопредельных государств.

«Закаспийская туземная газета» как инструмент мягкой силы и контрпропаганды на персидском и афганском направлениях

1910 г. стал для Российской империи своеобразным рубежом, после которого власть стала очень серьезно относиться к «пробуждению» как зарубежного, так и собственного Востока. Мониторинг общественных настроений мусульман не только в пределах самой империи и протекторатов (Бухара и Хива), но и за ее границами (Иран, Афганистан и Китайский Туркестан) стал важнейшей политической задачей. Как известно, Иран, Афганистан и Китай сохранили нейтралитет в Первую мировую войну. Но практически на протяжении всего военного конфликта имела высокая вероятность выступления этих государств на стороне противников России.

Русские войска были введены в северные провинции Ирана еще в 1909 г., в связи с нестабильной политической обстановкой в стране, и к моменту начала Первой мировой войны находились на ее территории. Персидское государство было многонациональным. На севере страны, помимо самих персов, проживали племена курдов и туркмен-йомудов. Последние нередко имели двойное, а то и тройное подданство и регулярно совершали

сезонные перекочевки на территорию Закаспийской области Российской империи или в Хивинское ханство. Параллельно в северо-восточные провинции Ирана шел поток переселенцев из Центральной России и Русского Туркестана.

Накануне Первой мировой войны, согласно донесениям МВД, некоторые проживавшие в Закаспийской области персы вели антирусскую пропаганду среди туркмен²⁴. Однако туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов скептически относился к возможности совместных действий туркмен и персов в пределах русско-персидской границы²⁵, поскольку взаимоотношения между иранцами-шиитами и туркменами-суннитами имели давнюю историю взаимной неприязни и даже вражды.

Еще одним дестабилизирующим фактором в регионе с началом войны было большое количество военнопленных австро-венгерской и германской армий²⁶. Пользуясь слабостью охраны (в крае в это время практически не осталось регулярных войск) и близостью границы с Персией и Афганистаном, из лагерей, рабочих команд и госпиталей бежали сотни солдат и офицеров. Коренное население часто и охотно помогало беглецам. После удачного побега у бывшего пленного был выбор – или попробовать добраться на Родину, либо влиться в ряды офицеров и солдат государств Четверного союза и продолжить войну в качестве военных инструкторов или члена одного из многочисленных диверсионных отрядов, действовавших в приграничной полосе. Среди пленных на территории самого Туркестана турецкими эмиссарами велась постоянная пропаганда²⁷.

Инструментом контрпропаганды русской стороны была призвана выступить новая «туземная газета». В декабре 1914 г. Канцелярия начальника Закаспийской области в Асхабаде приступила к изданию два раза в неделю «Закаспийской туземной газеты», которая печаталась

²⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 5067. Л. 7.

²⁵ Там же. Л. 17 об.

²⁶ Котюкова Т.В. Туркестанский плен: немецкие и австро-венгерские военнопленные в русском Туркестане в годы Первой мировой войны // Россия и современный мир. 2017. № 3 (96). С. 47–64.

²⁷ НА РУз. Ф. И–461. Оп. 1. Д. 1818. Л. 125.

²³ Государственная Дума. Стенографический отчет. Созыв четвертый. Сессия IV. СПб., 1916. Т. 2. С. 1351.

талась на туркменском языке и фарси под названием «Рузнаме-и мавера-и Бахр-и Хазар» (Газета Закаспийской области). В докладной записке начальника Асхабадского уезда начальнику Закаспийской области Л.В. Лешу, в частности говорилось: «при современных событиях издание для туркмен газеты почитаю не только желательным, но и необходимым»²⁸.

Важную побудительную роль в принятии такого решения сыграло наличие Текинского полка: 29 июля 1914 г., на следующий день после начала Первой мировой войны, на базе дивизиона Туркменского конного полка (иррегулярной милиции) из туркмен-текинцев, в основном Мервского, Тедженского и Асхабадского уездов Закаспийской области, на добровольных началах начал формироваться Текинский полк. В годы войны полк отличился в сражениях на Юго-Западном фронте. О подвигах текинцев была призвана рассказывать новая «туземная газета». Кроме того, ее также предполагалось использовать в качестве «мягкой силы» для пропаганды среди мусульманского населения сопредельных стран.

Первый номер газеты вышел 14 декабря 1914 г. на туркменском языке. На страницах газеты печатались приказы и распоряжения начальника Закаспийской области, обзор мировых и местных событий, советы по вопросам сельского хозяйства и ирригации, коневодства, народного образования, стихи местных поэтов и др.²⁹ С газетой сотрудничали местные джаиды, прежде всего М. Атабаев. В своих статьях он анализировал проблемы, с которыми, на его взгляд, сталкивалось туркменское общество, и искал пути их преодоления³⁰. Газета приглашала грамотных туркмен к сотрудничеству и обещала денежное вознаграждение за интересные публикации³¹. Например, в девятом номере газеты от 3 февраля

1915 г. были опубликованы письмо туркмена из действующей армии, статья «О звуковом методе обучения туркменской грамоте», письмо туркмена-ишана о туркменских поэтах, статья туркмена-тедженца о войне с Турцией, а также персидский отдел (обзор событий, заметки)³².

Газета выходила в Асхабаде в 1914–1917 гг. под редакцией И.А. Беляева – тюрколога, инспектора народных училищ Закаспийской области, автора первого «Русско-туркменского словаря». Однако язык газеты, по оценке туркменских филологов, «был подан в тяжелой конструкции»³³. Годичная подписка на «Закаспийскую туземную газету» составляла 4 руб. Тираж был незначительным, но и он в основном отправлялся в приграничные районы с Персией и Афганистаном в целях формирования пророссийских настроений у населения этих нейтральных государств.

«Туркестанская туземная газета» как неиспользованный инструмент контрпропаганды на китайском направлении

Ситуация на российско-китайской границе также была беспокойной. Еще в 1909 г. в Стамбуле было основано «Научное Бухарское общество», которое являлось органом отдела народного просвещения младотюркского комитета «Единение и Прогресс». От имени этого общества турки в Бухаре и Кашгаре вербовали учеников для военных и других правительственных школ Османской империи. Например, в 1910 г., согласно донесениям Российского императорского посольства в Стамбуле, учеников насчитывалось до ста человек, «из коих половина бухарцы, а другая половина кашгарцы». Помимо общей программы, ученикам внушались «все ходячие идеи панисламизма и турецкого шовинизма»³⁴.

Активную антироссийскую агитацию среди киргизов, являвшихся китайскими подданными, вели члены секретного дунганского общества Гэ-Лао-Хуэ. Имелись сведения о поездке из Кашгара в Семиречье генерала Ма, бывшего начальника дунганских войск в Илийском крае, с целью возбуждения мятежа среди рус-

²⁸ Ильясов А. «Закаспийская туземная газета», как источник изучения истории духовной культуры туркменского народа (1914–1917 гг.) // Известия АН Туркменской ССР. Серия общественных наук. 1964. № 4. С. 3–9.

²⁹ Закаспийская туземная газета. 14 декабря 1914.

³⁰ Соегова А.М. Туркменские джаиды-прогрессисты: Мухаммедкули Атабаев и его статьи // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 10 (120). URL: <https://history.jes.su/s207987840023541-4-1/>

³¹ Сарыев Б. Первая туркменская газета // Агитатор Туркменистана. № 5. 1989. С. 25.

³² Закаспийская туземная газета. 3 февраля 1915.

³³ Сарыев Б. Указ. соч. С. 25.

³⁴ НА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1260. Л. 18.

ско-подданных дунган³⁵. В организации восстания в Семиречье в 1916 г. принимали участие известные в Китайском Туркестане участники Синьхайской революции, которые также состояли членами секретного общества Гэ-Лао-Хуэ. В 1915 г. трое его членов были командированы в Пишпек, Пржевальск и Верный для пропаганды идеи свержения монархического строя. Они занялись вербовкой в свои ряды дунган – русско- и китайско-подданных, а также киргизов. Только в Пржевальске им удалось образовать отряд в тысячу человек³⁶. Из дознания, проведенного начальником Верненского сыскного отделения в сентябре 1916 г., следует, что члены тайного общества Гэ-Лао-Хуэ вели пропаганду среди дунган, призывая к восстанию против русских властей³⁷.

За год до восстания 1916 г., военное министерство в лице Азиатской части Главного штаба и командования Туркестанского военного округа, приняло решение о распространении «Туркестанской туземной газеты» в приграничных регионах Китайского Туркестана (Кашгара) и Афганистана в целях демонстрации мусульманскому населению этих стран успехов Русской армии. 25 июля 1915 г. Четвертый Политический отдел (Дальневосточный) МИД России направил в Главный штаб письмо, в котором сообщалось, что российский консул в Кульдже поднял вопрос о желательности начать снабжать тюркское население Китайского Туркестана, находившееся в значительной степени под влиянием турецкой пропаганды, сведениями на тюркском языке о происходящих на фронтах событиях в виде периодического бюллетеня. Один из чиновников отдела, надворный советник М.Г. Бродянский, связался с военным губернатором Семиреченской области М.А. Фольбаумом, который в ответ сообщил, что печатание такого бюллетеня на тюркском языке потребует расхода около 100 руб. ежемесячно, этих средств в его распоряжении не имеется.

Императорская миссия в Пекине со своей стороны, разделяя озабоченность консула, просила МИД найти средства на издание бюллетеня с целью «воздействия на умы» коренного мусульманского населения Китайского Туркестана в противовес проникающей к ним турецкой пропаганде³⁸. Признавая «весьма желательным осведомление туземцев Китайского Туркестана о происходящих событиях», Четвертый Политический отдел МИД, в свою очередь, перекладывал бремя финансовой ответственности на Главный Штаб, и просил его постараться найти ежемесячно пресловутые 100 руб.

31 июля 1915 г. Азиатская часть Главного Штаба, в лице временно исполняющего дела начальника Азиатской Части генерала-майора А.А. Давлетшина подготовила ответ в Четвертый Политический отдел МИД следующего содержания: «Главный Штаб уведомляет, что он, вполне сочувствуя мысли надворного советника Бродянского, затрудняется однако изыскать необходимые средства на предполагаемое печатание в г. Верном бюллетеня о ходе военных действий. Со своей стороны Главный Штаб полагал бы, что намечаемая кульджинским консулом цель может быть достигнута распространением среди тюркского населения Китайского Туркестана “Туркестанской туземной газеты”, выходящей в Ташкенте на сартовском языке два раза в неделю. Высылка этой газеты могла бы быть организована по непосредственному сношению консула в Кульдже с Канцелярией туркестанского генерал-губернатора»³⁹.

МИД такая замена показалась неэквивалентной. Министерство продолжило бюрократическую переписку, не оставляя надежду принудить военных издавать специализированный бюллетень в Верном. Спустя практически год, 17 мая 1916 г., за несколько месяцев до начала восстания в Семиречье, в очередном письме в Азиатскую Часть Главного Штаба, дипломаты вновь напомнили о своем желании. М.Г. Бродянский также направил письмо Туркестанскому генерал-губернатору Ф.В. Мартсону, который в ответ также предло-

³⁵ АВПРИ (далее – Архив внешней политики Российской империи). Ф. 147. Оп. 486. Д. 247. Л. 188–189.

³⁶ Маджун Д.С. Роль иностранного фактора в трагических событиях 1916 г. // Вестник КРСУ. 2016. Т. 16, № 2. С. 199.

³⁷ Там же.

³⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4412. Л. 10–10 об.

³⁹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4412. Л. 11–11 об.

жил присылать в Кульджу «Туркестанскую туземную газету» по 50 экземпляров каждого номера.

В своем очередном письме в военное министерство Бродянский сообщал, что враждебная агитация в Семиречье усиливается. Кроме всего прочего, на настроении умов местных жителей, писал дипломат, сказывалась борьба политических партий в Пекине. Находящиеся в пределах Китайского Туркестана 30 инов (отрядов) дунганских (мусульманских) войск были готовы к мятежу, и, по мнению консула, легко могли поддаться уже не только турецкой, но и германской пропаганде. Поэтому МИД видел «возбуждение вопроса об издании в г. Верном бюллетеня для раздачи населению» крайне необходимым⁴⁰. Рассуждая о финансовой стороне издания бюллетеня, МИД считал расходы в 100 руб. «незначительными», а борьбу «с всюду проникающей германской агитацией» необходимой, и вновь просил Азиатскую Часть Главного Штаба «удовлетворить означенное ходатайство» кульджинского консула⁴¹. В свою очередь Азиатская Часть Главного Штаба попыталась переложить расходы по изданию пресловутого бюллетеня на администрацию Туркестана.

Примечательно, что в 1915 г., оценивая воинские качества и мобилизационный потенциал русско-подданных дунган и таранчей (уйгур), проживавших в приграничных районах с Китаем, в Военном министерстве (видимо для удобства) всех их окрестили «китайцами-мусульманами, бежавшими в Туркестан от гонений». Основным боевым качеством дунган и таранчей Военное министерство считало их «ненависть к китайцам», которую можно было недвусмысленно использовать в случае вооруженного конфликта с Китаем. Поэтому был сделан вывод: «теперь же распространить» на них воинскую повинность⁴². Однако в армию их так и не призвали, а уже через год дунгане и таранчи приняли самое активное участие в антироссийском восстании 1916 г., их лояльность к России оказалась мнимой.

17 мая 1916 г. к туркестанскому генерал-губернатору Ф.В. Мартсону обратился уже сам

начальник Главного Штаба, генерал от инфантерии Н.П. Михневич. Изложив предысторию вопроса, Михневич, констатировал, что контрпропагандой среди китайских мусульман никто не занимается, в то время как китайские мусульмане легко могут поддаться германской пропаганде⁴³. «Находя со своей стороны необходимым всемерно бороться с германской агитацией, я полагаю, – писал генерал Михневич, – что ходатайство консула в Кульдже подлежало бы удовлетворению, причем потребные на это средства, в размере 100 руб. в месяц могли бы, если последует на то согласие Вашего Высокопревосходительства, быть изысканы из имеющихся в вашем распоряжении средств»⁴⁴.

В итоге ни издание специального бюллетеня, ни отправка в Китайский Туркестан «Туркестанской туземной газеты» так и не были согласованы между двумя министерствами. С учетом того, что военное министерство смогло добиться от Государственной думы отдельного бюджетного субсидирования «Туркестанской туземной газеты», позиция министерства иностранных дел, которое отказывалось использовать потенциал газеты, выходящей уже на протяжении нескольких десятилетий и настаивало на «изыскании» дополнительных средств на издание некоего «бюллетеня», выглядит крайне спорной.

Заключение

В заключении следует отметить, что все «туземные газеты» в Российской империи имели унифицированное содержание, публикуя официальную информацию, новости, сведения по истории России и зарубежных стран, тексты местных просветителей и т.д. В результате по оценкам современников и даже самих редакторов, в них преобладал официоз, зачастую они были скучными. Публикации в «туземных газетах» были написаны в значительной степени «искусственным» языком, но все же вполне понятным читателю, поскольку главными редакторами газет являлись ученые-востоковеды. При этом «туземные газе-

⁴⁰ Там же. Л. 14–14 об.

⁴¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4412. Л. 14 об.

⁴² АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486. Д. 340. Л. 14.

⁴³ Там же. Л. 15.

⁴⁴ Там же. Л. 15 об.

ты» выступали важными дискуссионными площадками для местных социумов, что позволяло имперской власти если не руководить дискуссией, то хотя бы иметь о ней некоторое представление. Важнейшей особенностью «туземных газет» было их двух-, а иногда и трехязычие. В то же время всего две «туземные газеты», издававшиеся скромным тиражом, не могли решить проблемы «информа-

ционного голода» и преодоления национально-культурной замкнутости коренного мусульманского населения Туркестана, порой граничащей с автаркией. Этим стратегическим просчетом России воспользовалась Османская империя, которая говорила с туркестанцами, кашгарцами и другими мусульманами на одном языке, используя понятные религиозно-философские символы и идеи.

Литература

1. Авшарова М.П. Русская периодическая печать в Туркестане (1870–1917 гг.). Библиографический указатель литературы. Ташкент: Государственное издательство УзССР. 1960. 198 с.
2. Бабаханов М. Из истории периодической печати Туркестана. Душанбе, 1987. 180 с.
3. Воробьева Е. И. Власть и мусульманское духовенство в Российской империи (вторая половина XIX – 1917 г.) // Исторический ежегодник. Омск, 1997. С. 40–55.
4. Ениколопов И. Первая тюркская газета на Кавказе // Культура и письменность Кавказа. Кн. 3. Баку, 1928. С. 139–146.
5. Ильясов А. «Закаспийская туземная газета», как источник изучения истории духовной культуры туркменского народа (1914–1917 гг.) // Известия АН Туркменской ССР. Серия общественных наук. 1964. № 4. С. 3–9.
6. «Киргизская степная газета»: человек, общество, природа. 1888–1902 / Сост. У. Субханбердина. Алматы: Гылым, 1994. 816 с.
7. Котюкова Т.В. «Другой» мир глазами «своих» на страницах «Туркестанской туземной газеты» // Восточный архив. 2014. № 2 (30). С. 25–30.
8. Котюкова Т.В. Туркестанский плен: немецкие и австро-венгерские военнопленные в русском Туркестане в годы Первой мировой войны // Россия и современный мир. 2017. №3 (96). С. 47–64.
9. Котюкова Т.В. Махмудходжа Бехбуди о Туркестанском представительстве в Государственной думе Российской империи (по материалам публикаций в «Туркестанской туземной газете») // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Выпуск 5 (103). URL: <https://history.jes.su/s207987840015903-2-1/>.
10. Котюкова Т.В. «Туркестанская туземная газета» как инструмент для продвижения хлопковой политики Российской империи в Туркестане // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т. 15. Выпуск 3 (137). URL: <https://history.jes.su/s207987840031252-6-1/>.
11. Маджун Д.С. Роль иностранного фактора в трагических событиях 1916 г. // Вестник КРСУ. 2016. Том 16. № 2. С. 197–200.
12. Наврузов А.Р. «Джаридат Дагистан» – арабоязычная газета кавказских джадидов. Москва: Марджани, 2012. 240 с.
13. Надир Д. Исмаил Гаспринский. Казань: Татарское книжное издательство, 2015. 62 с.
14. Остроумов. Н.П. Туркестанская туземная газета // Сарты. Этнографические материалы. Ташкент: Типолиграфия торг. дома "Ф. и Г. бр. Каменские", 1896. С. 156–172.
15. Остроумов. Н.П. Поездка в Россию самаркандского купца Мирзы-Бухарина Мирзы-Абдуллина // Сарты. Этнографические материалы. Ташкент: Типолиграфия торг. дома "Ф. и Г. бр. Каменские", 1896. С. 192–205.
16. Расулов А., Исокбоев А., Насретдинова Д. Татары в Туркестане на изломе эпох. Начало XX века. Казань: ИЯЛИ, 2021. 256 с.
17. Сарыев Б. Первая туркменская газета // Агитатор Туркменистана. № 5. 1989. С. 25 – 30.
18. Соегова А.М. Туркменские джадиды-прогрессисты: Мухаммедкули Атабаев и его статьи // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Выпуск 10 (120). URL: <https://history.jes.su/s207987840023541-4-1/>.
19. Шадманова С.Б. История Туркестана через призму периодической печати (1870–1917). Ташкент, 2023. 300 с.
20. Шадманова С. Б. Архивные документы – важный источник изучения истории периодической печати Туркестана (по материалам Центрального государственного архива Республики Узбекистан) // Вестник архивиста. 2009. № 3. С. 251–258.
21. Vəliyev A. A. oğlu (Aşırılı). Azərbaycan mətbuatı tarixi. Bakı: Elm və Təhsil, 2009. 296 s.

Муминов Искандар Талибович,

руководитель проекта ННО «Международный общественный Фонд имени Шарафа Рашидова»;
независимый соискатель, Национальный центр археологии при Академии наук Узбекистана,
Ташкент

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ШАРАФА РАШИДОВА (1955–1983): ПОДХОДЫ И ДИСКУРСЫ ИСТОРИОГРАФИИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ.

Аннотация. В публикации предпринимается анализ научной литературы, касающейся дипломатической деятельности Шарафа Рашидова в период с 1955 по 1983 годы. Выбор периода обусловлен началом и завершением визитов Шарафа Рашидова в зарубежные страны. Историкографический обзор позволил выделить несколько устойчивых исследовательских дискурсов, в рамках которых осмысливается международная активность Рашидова: «советские мусульмане в контексте “новой восточной политики”», «культурная, экономическая и научная дипломатия как мягкая сила», «внутренняя или внешняя дипломатия», «рациональная дипломатия». Данный набор дискурсов отражает стремление исследователей интерпретировать дипломатическую деятельность Рашидова с применением разных подходов – от институционального до культурно-цивилизационного. Актуальность обращения к историографическому анализу дипломатической деятельности Шарафа Рашидова обусловлена также необходимостью выявления степени изученности темы, реконструкции основных этапов её научного освоения, определения перспективных направлений для дальнейших исследований. Настоящая публикация направлена на систематизацию и критическую оценку историографического корпуса, посвященного феномену дипломатии Ш.Р. Рашидова.

Ключевые слова: Шараф Рашидов, дипломатия, зарубежные визиты, историография, дискурсы, советские мусульмане, «новая восточная политика», «мягкая сила».

Введение

Дипломатическая деятельность Шарафа Рашидовича Рашидова (1917-1983), видного советского государственного и политического деятеля, вот уже на протяжении более 50 лет является предметом исследований. Первые упоминания о международной деятельности Рашидова стали появляться в научной и публицистической литературе с начала 1970-х годов, что было связано с усилением роли союзных республик в реализации внешней политики СССР. С этого времени и до настоящего момента постепенно складывается историографическая традиция, отражающая эволюцию восприятия и оценки его международной активности.

В формировании историографии вопроса приняли участие как советские, так и современные узбекские, российские и зарубежные исследователи, что свидетельствует о сохра-

няющемся интересе к данной проблематике и необходимости ее дальнейшего комплексного изучения и систематизации. За более чем пятьдесят лет в историографии темы прослеживаются различные подходы: от идеологически ангажированных текстов до современных исследований, основанных на критическом анализе источников и расширенной базе документальных материалов.

Существующие публикации, как правило, рассматривают отдельные аспекты международной активности Рашидова, не затрагивая в полной мере ее содержание, контекст и влияние на формирование образа Узбекской ССР и СССР в целом в мировой политике. Настоящее исследование имеет своей задачей, выявить и проанализировать основные историографические подходы к изучению дипломатической деятельности Рашидова. Здесь решаются две задачи: историографическая – через система-

тизацию и критическую оценку научной литературы, и, частично, конкретно-историческая – как результат реконструкции ключевых интерпретационных моделей, сложившихся вокруг фигуры Рашидова в контексте внешнеполитических процессов второй половины XX века.

Рабочая гипотеза гласит: в советский период акценты в историографии делались преимущественно на идеологически обусловленных аспектах внешнеполитических миссий Рашидова, в то время как в постсоветской и зарубежной историографии наблюдается расширение исследовательского поля, включая тематику исламского фактора, инструментов «мягкой силы» и регионального лидерства. В то же время остаются малоизученными такие важные вопросы, как дипломатические контакты Рашидова с европейскими лидерами, а также его взаимодействие с международными организациями. Кроме того, ощущается дефицит научных работ, в которых бы критически характеризовался корпус документов, отражающих внешнеполитическую деятельность Рашидова.

Историография проблемы

Проведенный анализ литературы позволил выделить следующие проблемные блоки, в которых в разной степени получила освещение дипломатия Рашидова: «советские мусульмане в контексте “новой восточной политики”», «культурная, экономическая и научная дипломатия как мягкая сила», «внутренняя или внешняя дипломатия», «рациональная дипломатия».

Советские мусульмане в контексте «новой восточной политики»

Впервые о Шарафе Рашидове на дипломатическом поприще упомянул Гар Ле Компте в своей диссертационной работе под названием «Советские мусульмане и Афро-азиатский мир», защищенной в 1971 году¹. Он детально

проанализировал визиты Рашидова в мусульманские страны Азии, Африки, его деятельность по продвижению «Организации солидарности народов Азии и Африки» (ОСНАА), бытование темы ислама в советском Узбекистане, а также народной дипломатии, которую практиковал Рашидов в своих поездках в Пакистан, Мали, Гану. После этого исследователи сравнительно редко обращались к изучению дипломатической деятельности Рашидова. Новая волна интереса к вопросу в 2000-е годы стала следствием роста общего интереса к истории позднего Советского Союза, стремления понять причины успеха и неудачи «советского проекта».

Адиб Халид в своей публикации «Быть мусульманином в советской Средней Азии, или Альтернативная история мусульманской современности», вышедшей в свет в 2007 году, пришел к выводу, что дипломатическая деятельность Ш. Рашидова способствовала укреплению позиций Советского Союза в странах глобального Юга². Исследователь подчеркнул значимость роли Рашидова в становлении Узбекистана как стратегического партнера в советской внешней политике эпохи Холодной войны. Дипломатию Рашидова автор анализирует в широком контексте истории ислама в советском Узбекистане.

В последние годы также выходили статьи о специфике внешней политики СССР и, в частности, о привлечении этнических советских мусульман для реализации новой внешнеполитической концепции в рамках так называемой «новой восточной политики» советской дипломатии, которая велась в период «оттепели» в конце 1950-х – начале 1960-х гг. Одной из таких работ является статья Маши Кирасировой, вышедшая в 2011 году³. Автор анализирует данную политику как отражение представлений советской руководящей элиты о том, что «советский Восток» и «зарубежный Вос-

Studies. 1971 / The American University Washington, D.C.

² Khalid A. Being Muslim in Soviet Central Asia, or an Alternative History of Muslim Modernity // Journal of the Canadian Historical Association / Revue de la Société historique du Canada. Vol. 18. № 2. 2007. P. 123-143.

³ Кирасирова М. «Сыновья мусульман в Москве»: советские среднеазиатские посредники для зарубежного Востока, 1955–1962 // Ab Imperio. 2011. № 4. С. 106–132. <https://doi.org/10.1353/imp.2011.0003>.

¹ Le Compte G. Soviet muslims and the afro-asian world. Submitted to the Faculty of the School of International Service of The American University in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy in Area

ток» имеют общую или родственные культуры (национальную литературу, историю, традиции), что предполагало инструментализацию советского ислама, его влияния на глобальный Юг. В итоге автор приходит к выводу, что манипулирование подобными представлениями об «исламе» и «Востоке» позволяло лидерам советских мусульманских республик влиять как на внешнюю, так и внутреннюю политику Советского Союза.

«Мягкая сила»: культурная, экономическая и научная дипломатия

Еще одна зарубежная публикация, в названии которой упоминалось имя Шарафа Рашидова, вышла в 1986 г. под авторством Грегори Глиссона⁴. Эта статья содержит первые упоминания о визитах Рашидова в Восточную Европу. Г. Глиссон исследовал дипломатические и политические стратегии Рашидова и пришел к выводу, что опыт ведения Рашидовым дипломатических переговоров актуален и в современности. В целом исследователь подчеркнул важность личностных, культурных, научных и исторических факторов в формировании глобальной внешней и внутренней политики.

А.М. Калиновский в своей публикации 2013 г. исследовал процесс деколонизации и модернизации в Центральной Азии, в том числе роль Шарафа Рашидова в этом процессе. Калиновский характеризует Рашидова как умелого стратега, который использовал культуру и искусство, науку и образование, а также национальные традиции советского Узбекистана как действенный канал для налаживания тесных политических, экономических и дипломатических связей со странами глобального Юга, чтобы сдерживать проникновение стран глобального Севера в Центральную Азию. Калиновский расценивает роль Рашидова здесь как ключевую, поскольку тот выступал посредником между ЦК КПСС и глобальным Югом⁵.

В 2020 г. вышла в свет публикация Риккардо Марио Куччиоллы, который провел детальный анализ дипломатической активности Шарафа Рашидова на мировой арене. Куччиолла подчеркнул, что Рашидов был заметным игроком на арене мировой дипломатии периода Холодной войны, поскольку представлял интересы не только Центра, но и советского Узбекистана. На основе анализа дипломатических стратегий Рашидова автор делает вывод, что в своих дипломатических миссиях для решения поставленных задач советский политик практиковал экономическую и культурную дипломатию. Куччиолла отмечает, что Рашидов успешно лавировал между Центром и интересами Узбекистана и укреплял международное сотрудничество в Центральной Азии⁶.

Также в 2020 г. вышла статья узбекского автора Э.З. Нуриддинова, посвященная роли Узбекистана как «витрины советского Востока» в вопросах внешней политики и международных отношений. Нуриддинов проанализировал роль Узбекской ССР во внешней политике СССР и пришел к выводу, что Узбекистан хоть и был «витриной успешности советского Востока», но находился под жестким контролем Центра. Тем не менее, Узбекистан смог выстроить свои экономические, культурные и духовные связи со странами глобального Юга, в чем автор видит заслугу Рашидова как ключевой фигуры. Именно Рашидов продвигал идеи солидарности и дружбы между Узбекистаном и странами Азии и Африки, одновременно укрепляя позиции Узбекистана внутри СССР⁷. В 2023 г. Э.З. Нуриддинов совместно с И.Э. Косимхужаевым опубликовали очередную статью, посвященную феномену Шарафа Рашидова и месту Узбекистана в дипломатии Советского Союза. Подчеркивается, что Рашидов использовал преимущественно культурные и исторические связи Узбекистана с дру-

1955–1964 // Ab Imperio. № 2013. № 2. P. 1–31.

⁶ Cucciolla R.M. Sharaf Rashidov and the international dimensions of Soviet Uzbekistan // Central Asian Survey. 2020. Vol. 39. Issue 2. P. 185–201. DOI: 10.1080/02634937.2019.1708269.

⁷ Nuriddinov E. Uzbekistan As A “Showcase Of The Soviet East” // Issues Of Foreign Policy And International Relations European Journal of Molecular & Clinical Medicine. 2020. Vol. 07. Issue 07. P. 1011–1023.

⁴ Gleason G. Sharaf Rashidov and the dilemmas of national leadership // Central Asian Survey, 1986. Vol. 5. Issue 3–4. P. 133–160. DOI: 10.1080/02634938608400560

⁵ Kalinovskiy A. Not Some British Colony in Africa: The Politics of Decolonization and Modernization in Soviet Central Asia,

гими странами, чтобы укрепить международные отношения⁸.

Шахло Курбанова в 2021 г. провела анализ использования Рашидовым практик народной дипломатии, которая осуществлялась благодаря культурным медиаторам. Именно культурная дипломатия, полагает автор, привела к дальнейшему развитию и наращиванию внешнеэкономических связей Узбекистана в советский период со странами глобального Юга⁹. В 2023 г. вышла статья Альбины Муратбековой, в которой автор проанализировала центральноазиатскую научную дипломатию советского периода и показала, как известные советские лидеры продвигали в странах глобального Юга идеи солидарности, используя предоставившиеся возможности для развития центральноазиатских республик в научном и культурном плане. Благодаря их деятельности, советскую Центральную Азию стали узнавать и признавать в странах глобального Юга и Севера. Центральноазиатская дипломатия в целом разделена на исторические периоды, «привязанные» к лидерам Советского Союза. В статье также присутствует анализ дипломатической деятельности Рашидова. Автор отмечает, что Рашидов сумел стать главным актором советской политики в отношении стран глобального Юга и Востока. Муратбекова при этом также ссылается на ведущих западных авторов, которые изучали тему советской дипломатии в странах глобального Юга и Востока¹⁰.

Санжарбек А. Нумонзода (Chonnam National University) в 2023 г. провел анализ дипломатических контактов Шарафа Рашидова со странами глобального Юга в эпоху Холодной войны. Автор подтверждает уже устоявшуюся в историографии точку зрения, согласно которой Рашидов был стратегом, который опирал-

ся на культурную и народную дипломатию в продвижении интересов внешней политики Советского Союза в странах Южной Азии и Северной Африки, выступая посредником между глобальным Востоком и глобальным Югом. Также автор публикации отмечает, что Шараф Рашидов обладал способностью налаживать личные отношения с лидерами стран и движений¹¹.

Внутренняя дипломатия versus внешняя дипломатия

В 1994 г. в монографии Ричарда Неда Лебова и Дженис Гросс Стайн одной из тем стала дипломатическая деятельность Шарафа Рашидова. Авторы оценивают Рашидова как регионального дипломата, являвшегося посредником между Центром, Центральноазиатскими странами и странами глобального Юга, который умело адаптировался к требованиям Центра, находил общий язык с национальными элитами Центральной Азии для поддержания стабильности в регионе. Авторы считают, что залогом успехов Рашидова на внешнеполитической арене стали его усилия, направленные на уменьшение конфронтации между различными элитарными группами внутри Узбекистана. Таким образом, Рашидов способствовал поддержанию стабильности регионов и соблюдению интересов Советского Союза как в Центральной Азии, так и в ряде стран глобального Юга. В целом авторы делают вывод о том, что влияние Ш. Рашидова на внешнюю политику СССР было скорее косвенным, в большей степени он был «внутренним дипломатом»¹². Встречная точка зрения высказана в 2021 г. в публикации Шохжахона Рашидова, посвященной роли Рашидова во внешней политике СССР в 1950-е годы. Автор пришел к выводу, что именно Рашидов сыграл важную роль в реализации внешнеполитических задач СССР в условиях холодной войны, его вклад выхо-

⁸ Nuriddinov E., Kosimkhuzhaev I. Uzbekistan in the historical retrospective of international relations within the framework of the Union State // Journal of Advanced Zoology. 2023. Vol. 44. Special Issue 2. P. 2978–3000.

⁹ Курбанова Ш.Д. Роль Шарафа Рашидова в развитии международных культурных связей Узбекистана // Бюллетень науки и практики. 2021. Т. 7, № 5. С. 556–559. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/66/61>.

¹⁰ Muratbekova A. Soviet Science Diplomacy: How Central Asia was Instrumentalised in Soviet Foreign Policy of Eurasian Studies. 2023. Vol. 14 (1). P. 30–42. <https://doi.org/10.1177/18793665231159684>.

¹¹ Numonzoda S. Sharof Rashidov's Role in Cold War Diplomacy: A Soviet Uzbekistan Perspective // Formosa Journal of Multidisciplinary Research (FJMR). 2023. Vol. 2, № 10. P. 1673–1682.

¹² Lebow R., Stein J. We All Lost the Cold War. Series: Princeton Studies in International History and Politics. Princeton University Press, 1994.

дит за рамки региональной политики, охватывая международные процессы контактов Советского Союза со странами глобального Юга и глобального Востока¹³.

Рациональная дипломатия

В 2022 г. в статье У.А. Хасанова сформулирован концепт рациональности дипломатии Шарафа Рашидова. Автор исследовал методологию дипломатии Рашидова как дипломатии рационального актора, которая характеризуется максимизацией интересов стран Центральной Азии с минимизацией рисков. Хасанов рассматривает Рашидова как стратега в управлении внешней политикой, где тот учитывал интересы как Советского Союза в целом, так и Узбекистана – в частности с учетом мировых политических трендов. Подход Шарафа Рашидова заключался в том, чтобы используя национальные традиции, Узбекистана, их гибкость и быструю адаптацию к изменяющимся условиям политической среды, влиять на глобальный Юг. Этот подход как раз и характеризуется автором как рациональный выбор в дипломатии¹⁴.

Таким образом, можно сделать предварительный вывод о том, что из представленных тем, касающихся дипломатической активности Шарафа Рашидова, темы «рациональная дипломатия», «внутренняя дипломатия или внешняя дипломатия» являются новыми для историографии вопроса, зато темы, посвященные фактору советских мусульман в реализации «новой восточной политики», а также культурной и экономической дипломатии Рашидова как «мягкой силы», активно разрабатываются в историографии. Серьезной лакуной в историографии является дипломатия Рашидова в странах Запада. Об этом свидетельствует путаница даже в датировке визи-

тов. Так, в публикации Куччиоллы приводятся противоречивые даты визитов Рашидова в Финляндию, Югославию, Италию, Чехословакию. На баннере в Монументальном музее Рашидова в Джизаке указано, что узбекский лидер посетил Австрию (1969), Болгарию (1975), Чехословакию (1976), Финляндию (1954), Францию (1959, 1967), Ирландию (1962), Италию (1964), Югославию (1963)¹⁵. На самом деле Шараф Рашидов был в Финляндии в 1955 г., в Югославии в 1965 г., в Италии в 1970 г., а в Чехословакии – в 1980 г.¹⁶.

Заключение

Проведенный анализ литературы позволил вычленировать несколько исследовательских дискурсов в рамках изучения дипломатии Шарафа Рашидова. Дискурс «советские мусульмане в контексте “новой восточной политики”» показывает, что Шараф Рашидов был привлечен советским руководством в целях демонстрации гармоничных взаимоотношений между традиционным азиатским, мусульманским миром и социалистическим. В свою очередь это способствовало успешному продвижению советской идеологии в странах, исповедующих ислам в Азии и Африке. Дискурс «культурная, экономическая и научная дипломатия» показывает, как Шараф Рашидов использовал «мягкую силу» для продвижения советской внешней политики, что в свою очередь приводило к расширению геоэкономических и геостратегических связей Узбекской ССР. Дискурс «внутренней дипломатии» представляет Шарафа Рашидова как умелого медиатора не только между союзным Центром и среднеазиатскими советскими республиками, но и внутри Узбекистана, что способствовало модернизации республики в экономическом, культурном, научном и социальном аспекте. В роли «внешнего» дипломата Рашидов, с одной стороны, играл роль официального представителя Советского Союза, с другой облегчал странам

¹³ Rashidov Sh. The role of Sharof Rashidov in the foreign policy of the USSR (50 years of the XX century) // American Journal of social and humanitarian research. 2021. Vol. 2, № 5. P. 112–115.

¹⁴ Khasanov U. Sharaf Rashidov in rational choice diplomacy // Xalqaro munosabatlar. Fanlararo ilmiy-nazariy jurnal. Международные отношения. Междисциплинарный научно-теоретический журнал. International Affairs Interdisciplinary Scientific and Theoretic Journal. 2022. № 5-6. P. 69–74.

¹⁵ Cucciolla R.M. Sharaf Rashidov and the international dimensions of Soviet Uzbekistan...

¹⁶ Муминов И.Т. Зарубежные визиты Шарафа Рашидова 1955-1983 годы. Сборник материалов. Ташкент: Niso nashriyot va matbaa uyi, 2025.

Глобального Юга взаимодействие с СССР. Свободное, доброжелательное общение Шарафа Рашидова с народами, близкими по традициям и культуре, недавно освободившимися от колониализма, укрепляло связи между СССР и ними, создавало позитивный образ советского государства. Кроме того, Рашидов показан как рассудительный политик и дипломат, который реалистично подходил к изменени-

ям, происходившим в мире, умело к ним адаптировался. Таким образом, формирующаяся историография дипломатической миссии Шарафа Рашидова демонстрирует переход от фрагментарного освещения темы к более целостному и многоплановому осмыслению специфики дипломатии Шарафа Рашидова в контексте новых трактовок советской дипломатии в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кирасирова М. «Сыновья мусульман в Москве»: советские среднеазиатские посредники для зарубежного Востока, 1955-1962 // *Ab Imperio*, 2011. № 4. С. 106-132.
2. Курбанова Ш.Д. Роль Шарафа Рашидова в развитии международных культурных связей Узбекистана // *Бюллетень науки и практики*. 2021. Т. 7. № 5. С. 556-559.
3. Муминов И.Т. Зарубежные визиты Шарафа Рашидова 1955-1983 годы. Сборник материалов. Ташкент: Niso nashriyot va matbaa uyi, 2025.
4. Cucciolla R. M. Sharaf Rashidov and the international dimensions of Soviet Uzbekistan // *Central Asian Survey*. 2020. Vol. 39. Issue 2. P. 185-201.
5. Gleason G. Sharaf Rashidov and the dilemmas of national leadership // *Central Asian Survey*, 1986. Vol. 5. Issue 3-4. P. 133-160.
6. Kalinovsky A. Not Some British Colony in Africa: The Politics of Decolonization and Modernization in Soviet Central Asia, 1955-1964 // *Ab Imperio*. 2013. № 2. P. 1-31.
7. Khalid A. Being Muslim in Soviet Central Asia, or an Alternative History of Muslim Modernity // *Journal of the Canadian Historical Association / Revue de la Société historique du Canada*. 2007. Vol. 18. № 2. P. 123-143.
8. Khasanov U. Sharaf Rashidov in rational choice diplomacy // *Xalqaro munosabatlar. Fanlararo ilmiy-nazariy jurnal. Международные отношения. Междисциплинарный научно-теоретический журнал. International Affairs Interdisciplinary Scientific and Theoretic Journal*. 2022. № 5-6. С. 69-74.
9. Le Compte G. Soviet muslims and the afro-asian world. Submitted to the Faculty of the School of International Service of The American University in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy in Area Studies. 1971 / The American University Washington, D.C.
10. Lebow R.N., Stein, J.G. *We All Lost the Cold War*. Series: Princeton Studies in International History and Politics. Princeton University Press, 1994.
11. Muratbekova, A. Soviet Science Diplomacy: How Central Asia was Instrumentalised in Soviet Foreign Policy // *Journal of Eurasian Studies*. 2023. Vol. 14 (1). P. 30-42.
12. Numonzoda S. Sharof Rashidov's Role in Cold War Diplomacy: A Soviet Uzbekistan Perspective // *Formosa Journal of Multidisciplinary Research (FJMR)* 2023. Vol. 2. № 10. P. 1673-1682.
13. Nuriddinov E. Uzbekistan As A "Showcase Of The Soviet East" // *Issues Of Foreign Policy And International Relations European Journal of Molecular & Clinical Medicine*. 2020. Vol. 07. Issue 07. P. 1011-1023.
14. Nuriddinov E., Kosimkhuzhaev I. Uzbekistan in the historical retrospective of international relations within the framework of the Union State // *Journal of Advanced Zoology*. 2023. Vol. 44. Special Issue 2. P. 2978-3000.
15. Rashidov Sh. The role of Sharof Rashidov in the foreign policy of the USSR (50 years of the XX century) // *American Journal of social and humanitarian research*. 2021. Vol. 2. № 5. P. 112-115.

УДК 94(574)“1920/1991”:930.2 (049.32)

Исаев Виктор Иванович

ведущий научный сотрудник Института истории СО РАН, доктор исторических наук, профессор

**ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ СОВЕТСКОГО КАЗАХСТАНА:
РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ М.М. КОЗЫБАЕВОЙ
«ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА В 20-30-Х ГГ. XX ВЕКА»,
АЛМАТЫ: ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И ЭТНОЛОГИИ ИМЕНИ
Ч.Ч. ВАЛИХАНОВА, 2023. 232 С.; И НА КОЛЛЕКТИВНУЮ
МОНОГРАФИЮ «ИСТОРИЯ ГОРОДСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА В 1946–1991 ГОДЫ
(С СЮЖЕТАМИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ
И СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ)» КАРАГАНДА, 2024. 456 С.,
ПОД РЕДАКЦИЕЙ З.Г. САКТАГАНОВОЙ**

Аннотация. Статья представляет собой анализ двух современных казахстанских монографий, посвященных истории повседневности городского населения Казахстана в советский период. Отмечается, что развитие данного направления является для казахстанской исторической науки относительно новым, но уже сформировавшимся трендом, соответствующим общемировым тенденциям. Рассматриваются работы М.М. Козыбаевой, которая охватывает период 1920-х – 1930-х гг., а также и коллективный труд под руководством З.Г. Сактагановой, посвященный послевоенному периоду вплоть до 1990-х гг. Обе книги оцениваются как значимый вклад в изучение социальной истории Казахстана, основанный на обширной источниковой базе, включая архивные документы и материалы устной истории. Вместе с тем, автор рецензии указывает на общую проблему, характерную для многих постсоветских исследований: декларируя изучение «повседневности», историки часто подменяют анализ конкретных стратегий и практик людей количественным описанием условий их жизни. Это приводит к тому, что человек как исторический актор исчезает со страниц работ. В рецензируемых монографиях эта проблема смягчается, но не преодолевается полностью, несмотря на привлечение воспоминаний. Автор отмечает разницу между такой трактовкой повседневности и западной традицией истории повседневности, тесно связанной с микроисторией и качественным анализом. В заключение подчеркивается важность научного диалога между историками России и Казахстана для выработки более совершенной методологии изучения общего советского прошлого.

Ключевые слова: история повседневности, социальная история, советский период, Казахстан, городское население, стратегии и практики, историография, историческая память.

Историческая наука в Республике Казахстан в условиях суверенитета казахского государства переживает период обновления теоретической и методологической основы, в последние десятилетия историками активно разрабатываются актуальные направления и новые подходы. В современной исторической науке все большее внимание уделяется исследованию повседневной истории и образу жизни обычных людей на фоне больших исторических событий. При этом «повседневность»

трактруется историками крайне широко: от истории быта и нравов до истории поведенческих стратегий и практик разных групп населения в условиях политических, социально-экономических и культурных вызовов. В этом контексте подготовка казахстанскими историками работ по истории повседневности находится в русле ведущих тенденций мировой науки. Поэтому стоит охарактеризовать, какие подходы и результаты на этом направлении уже достигнуты казахстанскими коллега-

ми; проявились ли какие-либо особенности в изучении повседневности историками Казахстана по сравнению с российской и мировой историографией.

По оценке одного из ведущих исследователей истории повседневности Казахстана Зауреш Сактагановой, данное направление для казахстанской исторической науки стало относительно новым явлением, которое активно разрабатываться лишь в последнее десятилетие. За это время сложились исследовательские коллективы, накоплен солидный объем публикаций. Далеко не случайно почти одновременно увидели свет две книги, в которых история повседневности городского населения Казахстана подробно рассмотрена на протяжении почти всего двадцатого века. Повседневная жизнь горожан Северного Казахстана в первые десятилетия советской власти стала предметом исследования известного казахстанского историка Махбат Козыбаевой. Проблемы истории повседневности городского населения Казахстана также разрабатывает коллектив ученых Центра этнокультурных и историко-антропологических исследований Карагандинского университета под руководством д.и.н., профессора З.Г. Сактагановой. Исследователи ставят перед собой задачу реконструировать повседневную жизнь городского населения Центрального Казахстана в послевоенный период и в последующие годы вплоть до начала 1990-х гг.

Даже с учетом того, что перед нами представляет повседневность горожан в разных регионах Казахстана, вместе эти книги создают общую картину, репрезентативную в целом для всего городского населения республики. Определенной лакуной является отсутствие обобщающего исследования повседневности Казахстана в годы Великой Отечественной войны. Но и по этой теме уже ведутся исследования повседневности, результаты которых представлены в том числе в публикациях З.Г. Сактагановой и ее коллег, посвященных жизни женщин в годы войны. В целом можно говорить о возникновении интересного научного направления и даже научной школы по истории повседневности в казахстанской исторической науке.

Рецензируемые монографии посвящены общей теме, имеют похожую структуру, поэтому представляется логичным рассмотреть их в одной рецензии. В то же время они существенно различаются по охвату вопросов и углу зрения изучения повседневной жизни горожан в исследуемый ими период. Монография М.М. Козыбаевой помимо введения, заключения и четырех глав содержит приложения, глоссарий, список сокращенных слов. Структура монографии выстраивается М.М. Козыбаевой, исходя из авторского понимания теоретической и предметной области истории повседневности. В первых двух параграфах первой главы определены отправные точки исследования: вслед за методологией подробно показано возникновение и развитие истории повседневности как относительно нового направления исторической науки, рассмотрены основные этапы и наиболее важные вехи развития историографии темы. М.М. Козыбаева демонстрирует в этой главе эрудицию и знание как зарубежной, в том числе и российской литературы, так и собственно казахской историографии.

Однако в анализе литературы прослеживается явная диспропорция, которая вызывает вопросы. Если из зарубежных и российских публикаций адресно названы именно те, которые в наибольшей степени помогают раскрытию избранной темы, то при рассмотрении казахской историографии совершенно избыточно рассматриваются или перечисляются также работы археологов и историков, посвященные древности, средневековью и дореволюционному периоду. При этом Козыбаева предпринимает на высоком уровне анализ собственно казахской историографии, которая непосредственно относится к предмету исследования.

Источниковая база исследования М.М. Козыбаевой обширна и представлена в книге вполне квалифицированно. В качестве положительного момента отметим, что наряду с привычными для историков материалами архивов, автор широко привлекает периодическую печать и источники личного происхождения, без обращения к которым нельзя всеерьезно рассчитывать на адекватное освещение истории повседневности.

В основной части своего исследования М.М. Козыбаева постаралась охватить те проблемы и вопросы, которые определяют существование людей в условиях городской повседневности в контексте характеристики процесса урбанизации в Казахстане и формирования социально-демографической структуры городского населения. Во второй главе автор не только показывает тесную связь этих процессов с переломными событиями в истории СССР, но и прослеживает специфику, определяемую казахскими условиями. В этот период для основной части казахского населения был свойствен кочевой или сельский образ жизни, поэтому только небольшая часть казахов переселилась в города, составляя в них примерно одну шестую часть всего населения. Спецификой демографической структуры изучаемых городов также стала значительная доля спецпереселенцев (5,5%) в составе населения (с. 61–62). Более существенно, чем в других регионах СССР, на развитие городов Северного Казахстана повлиял голод в начале и конце 1920-х, а затем в начале 1930-х годов, когда часть голодавших пыталась найти спасение в бегстве в города.

Стоит сказать, что сложность и противоречивость исследуемого в книге периода заключается в одновременности процессов модернизации (развитие индустрии, подъем культуры) и сопутствующих им негативных явлений (голод, жилищная нужда, репрессии). Характеристика сталинского режима как тоталитарного, данная в книге М.М. Козыбаевой, воспроизводит устаревшие представления о природе советской власти, которые интенсивно пересматриваются в мировой науке в течение последних десятилетий. Сегодня в историографии сложился консенсус, согласно которому сталинская власть нигде и никогда не имела такого тотального контроля над обществом, о котором говорили теоретики тоталитаризма. «Тоталитарный» подход с его дуализмом представлений о всесильном режиме и покорном ему населению не только искажает историческую картину, но и освобождает от необходимости искать другие причины негативных явлений, такие, например, как изначально низкий уровень жизни и культуры большинства населе-

ния не только в Казахстане, но и в других республиках СССР.

Историография все больше отказывается от взгляда на Советский Союз как на исключительно уникальный «неправильный» эксперимент, теперь «советский проект» предстает вариацией общемирового развития, «альтернативной модерностью». В свою очередь историки в бывших советских республиках, в том числе казахстанские исследователи социальной истории, по-прежнему широко используют теорию тоталитаризма, видимо потому, что она позволяет в рамках «черно-белых» конструкций показать так называемое «угнетение» национальных окраин СССР.

Сталинский период советской истории действительно трудно обозначить какой-либо всеохватывающей формулой. Наверное, это и вызвало такую ошибку как появление в книге М.М. Козыбаевой разных вариантов названия второго параграфа второй главы. В тексте он назван «Динамика социально-демографической структуры городского населения региона в период советской силовой модернизации», а в оглавлении книги мы видим более нейтральный вариант: «...в период советских социальных экспериментов». Думается, что вместо «силовой» было бы более адекватно говорить о форсированной модернизации, а вариант оглавления вообще мало что дает для понимания характера изучаемого периода.

В третьем параграфе второй главы подробно показаны развитие инфраструктуры городов, жилищные условия и задачи благоустройства. Этот период для всех городов СССР связан с постоянной нехваткой жилья, но, как нам представляется, по сравнению, например, с Сибирью жилищный кризис в городах Северного Казахстана выражен был все же не столь остро. Тем не менее, рост городского населения, как и в целом по Советскому Союзу, здесь также опережал ввод жилой площади в эксплуатацию. Заметим, что в этом параграфе, в отличие от двух предыдущих, где преобладают статистические данные, в большей степени показаны конкретные проблемы повседневной жизни.

В третьей и четвертой главах книги М.М. Козыбаева попыталась более пристально посмотреть на то, чем же были заняты горожане на

работе и дома. В третьей главе социальные группы выделены по характеру их занятости, показаны их особенности, в частности, интересна характеристика положения в Казахстане такой особой группы как «лишенцы».

Несколько удивляет и разочаровывает скудная характеристика уровня жизни городского населения. Короткая характеристика номинальной заработной платы (см. с. 91–92) и такое же лапидарное и невнятное описание семейных бюджетов жителей Петропавловска в 1931 г. (с. 98–99) вряд ли могут дать полное представление о том, как выживали люди в тогдашних трудных условиях. При этом в других главах книги приведено немало сведений, которые все же дают представление о довольно бедственном материальном положении городского населения Северного Казахстана. Например, об этом свидетельствуют материалы второго параграфа третьей главы о развитии торговли и общественного питания в период, который автором не совсем корректно, на наш взгляд, назван периодом голода. Неясно, относится такое название ко всему изучаемому в книге времени или только к его отдельным отрезкам.

В третьем параграфе третьей главы М.М. Козыбаева показывает обеспеченность населения медицинскими услугами, здесь же дается короткая характеристика физкультурного движения и массового спорта, которую, как нам кажется, более логично было бы отнести к занятиям горожан в свободное время.

Четвертая глава начинается с параграфа о трансформации типа городской семьи от традиционной к партнерской и нуклеарной семье. Вряд ли можно согласиться с заключительным выводом в параграфе о том, что под воздействием политических репрессий у городского населения были утрачены семейные ценности. Случаи отказа от родителей или супругов были все же не столь массовым явлением. Напротив, для подавляющего большинства населения, в том числе Казахстана, семейные ценности только увеличили свое значение в экстремальных условиях внешних вызовов. В целом глава посвящена городской культурной среде, поэтому этот параграф, на наш взгляд, был бы более уместен в главе о демографии.

Слабо, по нашему мнению, дополняет картину повседневной жизни горожан параграф об образовании (с. 146–158). Скорее автор описывает ситуацию в системе просвещения и образования, развитие школы и других образовательных учреждений, а также борьбу за вытеснение религиозного обучения. При этом в монографии, к сожалению, почти отсутствует характеристика религиозности населения и места религии в повседневной жизни, что является одним из существенных недостатков исследования. О борьбе коммунистической партии и государства с религией и о политике гонений в отношении религиозных организаций речь идет в следующем параграфе, но напрямую этот текст не относится к характеристике конкретных форм повседневной жизнедеятельности.

Завершает основную часть книги параграф, посвященный проведению досуга горожанами и посещению учреждений культуры. Однако здесь автор, как и во многих предыдущих случаях, подменяет характеристику повседневной жизни горожан количественным анализом этой сферы. В первую очередь хотелось бы увидеть здесь данные о распределении свободного времени горожан в целом, в этом случае неизбежно были бы затронуты не только культурные, но и негативные формы его проведения, которые вообще не получили отражения в монографии.

Заключение книги оставляет противоречивое впечатление, что связано с несколько сбивчивым и непоследовательным изложением. В результате возникает ощущение недостаточности широкого обобщения материала, собранного и изложенного автором. М.М. Козыбаева вновь и вновь пишет о том, что уже было сказано в основном тексте и в заключениях к параграфам. При этом постоянно встречаются почти дословные повторы из заключений к параграфам и главам, присутствует нарушение логики и последовательности изложения. Между тем, имеется вполне достаточно серьезных выводов и широких обобщений, которые можно было бы компактно вычленивать из слишком обширного текста. Дополняют картину повседневной жизни городского населения Северного Казахстана в довоенный период статистические таблицы, фотографии

и отрывки из воспоминаний жителей, собранные в 28 приложениях.

Заканчивая обзор монографии М.М. Козыбаевой, следует констатировать, что, недостатки, отмеченные в рецензии, в целом не влияют на положительную оценку. Безусловно, можно сказать, что в историографии сталинского периода истории казахского народа появилась интересная работа, открывающая для читателя различные стороны истории повседневности. Книга хорошо написана также в литературном плане: она логично выстроена, легко читается, оформление ее тоже оставляет хорошее впечатление. Можно поздравить автора с выходом его труда на большую сцену исторической науки: книга опубликована тиражом в 1000 экземпляров, что в настоящее время не под силу многим академическим учреждениям.

Вторая рецензируемая книга написана коллективом карагандинских ученых под руководством профессора З.Г. Сактагановой. Исследования истории повседневности весьма успешно осуществляются этим коллективом на протяжении последнего десятилетия. Обобщающий труд, вышедший в 2024 г., в котором повседневная жизнь городского населения Центрального Казахстана рассмотрена от послевоенного периода до последних лет советского государства, можно расценивать как определенный итог в истории вопроса.

Книга построена примерно так же, как и монография М.М. Козыбаевой. Исходя из поставленной задачи, предполагается вначале рассмотреть условия существования жителей городов, а затем перейти к описанию их повседневной жизни. Книга разбита на три части – демография, материальное положение, культурная сфера – в которых отдельным проблемам посвящены специальные главы, разбитые на параграфы. В каждом из параграфов в свою очередь рассматривается определенный временной отрезок. Изложение материала почти во всех главах, за исключением двух последних глав, логично разбито на три этапа: послевоенный или сталинский, условно хрущевский период, который включает также вторую половину 1960-х гг., и, наконец, последние два десятилетия существования советского государства. Авторский коллектив

предпринял большую работу по сбору фактического материала, который, несомненно, является хорошей опорой для изучения самых разных проблем истории Казахстана. В качестве серьезного недостатка следует указать, что во введении не представлены методология и источниковая база исследования, выводы о полноте которых читатель должен делать самостоятельно.

В первой части книги дается характеристика демографического развития населения городов Центрального Казахстана, его жилищных условий и медицинского обслуживания, рассматривается развитие городской инфраструктуры и решение задач благоустройства городской среды. Авторами собран и обобщен огромный материал из различных источников, но, прежде всего, это архивные материалы, впервые вводимые в научный оборот. В целом картина социального развития городов Центрального Казахстана нарисована довольно подробно, но возникает ощущение, что слишком мало говорится о самих людях: как они жили, каковы были их мысли и чувства, какие они вырабатывали стратегии и практики повседневного существования. Для освещения таких вопросов нужны особые источники, прежде всего, личного происхождения. Авторы в определенной степени выходят из этого затруднительного положения за счет собранных ими воспоминаний городских жителей. Однако эти устные свидетельства освещают далеко не все аспекты, к тому же необходимо критически относиться к устной истории, которая зачастую подвержена искажениям под давлением современной идеологической и политической ситуации.

В большей степени тематика повседневности находит свое отображение во второй части книги, в которой на основе данных о семейных бюджетах рассмотрено материальное положение городского населения, а также состояние общественного питания и торговли в городах. Эта часть не совсем удачно, на наш взгляд, названа «Качество жизни городского населения», ведь состояние медицины или культурной сферы, которые анализируются в предыдущей и последующей частях, в такой же степени влияет на качество жизни. Неудачным представляется также название третьего

параграфа пятой главы «Потребительские характеристики населения...», уместнее было бы говорить о характеристиках потребления. Обширные данные статистики здесь также дополняются материалами воспоминаний, что в целом позволяет адекватно охарактеризовать ситуацию.

Третья часть книги объединяет главы, посвященные культурной среде городов, поведению и традициям жителей в области восприятия и потребления культуры. К числу положительных моментов стоит отнести наличие главы, посвященной положению религиозных учреждений и отношению жителей к религии. Также важную роль играет глава о девиантных формах поведения и преступности, которая завершает эту часть. Здесь в большей степени, чем в других главах, уделяется внимание характеристикам самой жизнедеятельности городских жителей, хотя и не удалось избежать характерного для всех частей книги чрезмерного переключения внимания на деятельность государства и его институтов.

В целом квалификация авторского коллектива, огромные массивы собранных данных, накопленный ранее опыт исследований этой темы позволил карагандинским ученым создать масштабное полотно, ярко и всесторонне показывающее повседневную жизнь городского населения Центрального Казахстана от окончания Великой Отечественной войны вплоть до последних лет существования советского государства.

Следует особо отметить, что собранные авторским коллективом обширные материалы книги освещают не только вопросы истории повседневности жителей городов Центрального Казахстана, но и более широком плане охватывают проблематику социально-экономической и отчасти политической истории Казахской ССР и СССР в целом. Во введении к книге З.Г. Сактаганова поясняет, что выход содержания книги за рамки предмета исследования объясняется слабой разработкой целого ряда проблем в казахстанской историографии и стремлением в какой-то степени закрыть эти лакуны (с. 13). В этом отношении авторы проделали большую и плодотворную работу, которая найдет благодарный отклик как у ученых коллег, так и у всех, кто интересу-

ется советской историей. В целом книга производит хорошее впечатление своей фундаментальностью, многогранностью и внушительным объемом и, безусловно, является важным вкладом в историографию казахского и других народов республики Казахстан.

В заключение хотелось бы поделиться важным наблюдением. Для рецензируемых монографий, как и для многих работ, выходящих и в России, и в Казахстане под лозунгом исследований истории повседневности, свойствен общий существенный недостаток. Большинство авторов, декларируя в качестве цели рассмотрение повседневной жизни, что предполагает, прежде всего, анализ форм жизнедеятельности и, в конечном счете, характеристику образа жизни, в дальнейшем изложении смещают фокус на описание условий, в которых эта деятельность осуществлялась. В результате мы получаем традиционные количественные характеристики тех сфер, в которых протекает повседневная жизнь: прежде всего, быта и коммунальной инфраструктуры, а также экономики и политики, образования и культуры, иногда – производственной сферы. При этом авторы как правило дополняют свое изложение примерами, взятыми из воспоминаний, реже из других источников личного происхождения. По большому счету, такое изложение редко добавляет что-то существенное к уже проделанным исследованиям по развитию, например, жилищного строительства, системы здравоохранения и сети медицинских учреждений, или школьного и вузовского образования в каком-либо регионе. Ясно, что без достаточно подробных представлений об окружающей человека среде невозможно понять его образ жизни, представить и описать формы жизнедеятельности. Но, как нам кажется, это лишь предварительный этап изучения повседневной жизни, за которым должно последовать комплексное детальное рассмотрение именно самих форм жизнедеятельности конкретных людей как представителей разных социальных групп. До этого этапа значительное число историков просто не доходит, считая, что, описав количественные характеристики условий жизни, они тем самым охарактеризовали саму повседневную жизнь людей, в результате со страниц исследований исчезает человек как исторический актор.

Авторы рецензируемых книг, как и многие другие историки, пытаются устранить этот недостаток с помощью материалов воспоминаний, но это не решает проблему: помимо очевидной субъективности, воспоминания, как правило, узки и отрывочны, не дают полного представления о всех аспектах повседневности. Если ставится задача изучения именно истории повседневности, то необходим целенаправленный и систематизированный анализ всей совокупности форм жизнедеятельности человека.

О том, что эта проблема является актуальной, свидетельствует также значительная разница между содержанием работ зарубежных ученых – основателей и первопроходцев научного направления изучения истории повседневности, и содержанием большинства работ российских и казахстанских историков. У первых вы не найдете, как правило, количественных характеристик окружающей человека среды, в большей степени это качественный анализ, довольно часто – на конкретном примере жизнедеятельности отдельного человека и / или социальной группы. Не случайно история повседневности так тесно связана на Западе с микроисторией, ментальной и локальной историей, а в более широком плане с социологией и социальной философией. Эта разница объясняется, по нашему мнению, общей для историков России и Казахстана советской историографической традицией, в которой превалировала ориентация прежде всего на количественный анализ.

Совсем не просто сместить угол зрения с описания условий жизнедеятельности на из-

учение собственно повседневности. Для этого часто недостаточно источников, в то время как имеющиеся архивные данные наполнены в значительной степени именно количественными данными. В результате освещение темы, заявленной как история повседневности, невольно сводится к привычному для историков подсчету количества школ, театров и магазинов в определенном регионе, а также к анализу усилий государства по их увеличению.

И все же уже сама ориентация историков на изучение повседневности благотворно влияет на дальнейшее развитие исторической науки на постсоветском пространстве. Важно, что в поле внимания исследователей оказываются те сферы и проблемы, которые в позитивистской исторической науке либо мало, либо совсем не исследовались. Содержание исторических работ стало более многоплановым, их стало интереснее читать не только ученым, но и широкой публике.

В этом плане рецензируемые книги казахстанских историков являются хорошим примером постепенного преодоления обозначенной проблемы. Хочется надеяться, что именно научные контакты между историками России и Казахстана, проведение дискуссий на страницах журналов, во время различных форумов и конференций, а также взаимное рецензирование наиболее интересных публикаций помогут постепенно выработать историческому сообществу обеих стран оптимальную методологию исследований общего советского прошлого, в том числе – истории повседневности.

УДК 94(575.2)“1941/1945”:94(47+57)“1941/1945”:623 (049.32)

Романов Роман Евгеньевич,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории

Сибирского отделения Российской академии наук, Россия

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9527-8037>

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГИ: КЫРГЫЗСТАН – ВЕХИ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: ГОДЫ, ОПАЛЕННЫЕ ВОЙНОЙ
(ПОСВЯЩАЕТСЯ 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО
НАРОДА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ). БИШКЕК:
МАХPRINT, 2025. 624 С.; ОБОРОННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ
КЫРГЫЗСТАНА. 1941–1945 ГГ. СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ.
БИШКЕК: «ДЭМИ», 2025. 180 С.***

Аннотация. Представлена рецензия на научно-популярное издание «Кыргызстан – вехи государственности: годы, опаленные войной (посвящается 80-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне)» и сборник документов «Оборонная промышленность Кыргызстана. 1941–1945 гг.». В коллективной монографии отражена история комплексного развития Киргизской ССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. В основных разделах книги показана картина воинских, идейно-политических, хозяйственных и трудовых мобилизаций, боевых подвигов воинов-кыргызстанцев. В документальном сборнике опубликованы 94 документа, извлеченных из восьми фондов Центрального государственного архива Кыргызской республики, Центрального государственного архива политической документации Кыргызской республики, Центрального государственного архива кинофотодокументов Кыргызской республики, Иссык-Кульского областного архива. Архивные материалы представлены партийно-государственными директивами и делопроизводственными материалами, позволяющими реконструировать в первом приближении историю создания и деятельности оборонных предприятий Киргизской ССР в 1941–1945 гг.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, СССР, тыл, Кыргызстан, оборонная промышленность, мобилизации.

80-я годовщина Победы стала ключевой вехой в сохранении памяти о Великой Отечественной войне на постсоветском пространстве в конце первой четверти XXI в. Одним из инструментов конструирования исторической памяти является подготовка и публикация научно-популярных изданий, приуроченных к очередному юбилею Победы. Эта традиция зародилась еще в позднем СССР, ее развитие продолжилось в тех странах СНГ, где ежегодно отмечается День Победы. К таким странам относятся государства Центральной Азии, включая Кыргызстан. В 2025 г. в Бишкеке вышла в свет книга «Кыргызстан – вехи государственности:

годы, опаленные войной (посвящается 80-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне)». Юбилейная отсылка в названии книги говорит о том, что в республике целенаправленно осуществляются коммеморативные практики, направленные на сохранение культурной преемственности в сфере советского прошлого. Упомянутая ситуация объективно сближает позиции государственных элит Российской Федерации и Кыргызстана в ситуации внешних идеологических вызовов. Взаимное признание того факта, что в национальных историях обоих государств есть общий знаменатель, служит одним из инструмен-

* Статья выполнена по теме госзадания «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).

тов укрепления добрососедских отношений. На уровне массового сознания он блокирует соблазны этнического национализма, препятствует механизмам ментального разделения и столкновения народов, объединенных общей исторической судьбой.

В данном контексте концепция Кыргызстана как неотъемлемой части СССР в период Великой Отечественной войны является отражением методологического подхода авторского коллектива к изучению советского периода истории республики в целом, согласно которому советская кыргызская государственность сыграла важную позитивную роль в судьбе кыргызского народа. Как ключевые моменты концептуальной позиции авторов книги также можно охарактеризовать стремление к выстраиванию исторической преемственности между Кыргызской ССР и постсоветским Кыргызстаном, включение памяти о военном прошлом в национальную идентичность кыргызстанцев.

Рецензируемое издание состоит из семи разделов, имеющих логичную проблемно-хронологическую последовательность. Первый раздел посвящен начальному этапу существования Кыргызской ССР накануне Великой Отечественной войны. В нем представлены аспекты административно-политического устройства, масштабной социально-экономической и культурной трансформации союзной республики. Охарактеризованы процессы интенсивной индустриализации и модернизации, способствовавшие техническому прогрессу в области промышленности и сельского хозяйства. Рассмотрены значительные успехи в ликвидации неграмотности, развитии образования, науки и культуры, повышении благосостояния и формировании новой – советской – идентичности кыргызского народа.

В следующих пяти разделах (II–VI) содержится обширный фактический и статистический материал, повествующий о Кыргызской ССР в период Великой Отечественной войны. В них последовательно раскрываются вызовы первых дней военного времени, роль Кыргызстана как надежного тыла, трудности и достижения экономической трансформации республики, изменения в ее социокультурной жизни, а также человеческое измерение Победы. Вызовы первых дней войны показаны через

призму развертывания воинской мобилизации, добровольческого движения, подготовки резервов для действующей армии, мобилизации материальных ресурсов на нужды фронта, идеологической и информационно-пропагандистской работы. Тыловое значение Кыргызской ССР охарактеризовано в контексте эвакуации предприятий и населения, в том числе детей без родителей, детских домов, научных и образовательных учреждений, перемещения и размещения депортированных народов.

Экономическая трансформация Кыргызстана представлена в зеркале процессов, связанных с запуском перебазированных заводов, налаживанием выпуска продукции для фронта, добычей ценного сырья для оборонной промышленности, функционированием железных дорог, энергетической инфраструктуры, сельского хозяйства, подсобных хозяйств, системы налогообложения.

Анализ специфики практик трудовых мобилизаций населения, использования труда подростков, пенсионеров, женщин, нормированного снабжения, социальной поддержки уязвимых категорий граждан, военного всеобуча, развития сферы здравоохранения, физкультуры и спорта, школьного и вузовского образования, культуры и искусства (от литературы до кинематографа) позволило авторам реконструировать трансформации социокультурной жизни жителей Кыргызской ССР в годы войны. Человеческое измерение Победы также продемонстрировано через динамику численности и естественного движения населения, уровень потерь кыргызстанцев на фронтах Великой Отечественной войны, миграций, осуществлявшихся по чрезвычайным причинам (эвакуации, реэвакуации, депортации). В целом в основных разделах книги отражена картина комплексного развития Кыргызской ССР на фоне совокупности крупномасштабных воинских, трудовых, хозяйственных и идейно-политических мобилизаций.

Последний раздел посвящен памяти героев Кыргызстана в Великой Отечественной войне. Он включает 75 биографических справок о воинах-кыргызстанцах. Каждая справка содержит информацию об их жизненном и боевом пути, героическом подвиге, воинских должностях и званиях, наградах, гибели на фронте или после-

военной судьбе, мемориальных символах, охраняющих память о герое. Данная часть книги позволяет персонифицировать фронтовой вклад киргизского народа в Победу. Наиболее увлекательные и интересные сюжеты связаны с личными историями известных киргизстанцев – Зууракана Кайназаровой – дважды Героя Социалистического Труда, Рафы Айдарбековой – первой женщины-медика Кыргызстана, Токтогон Алтыбасаровой – председателем сельсовета, взявшей под опеку 150 детей и др. Эти биографии выступают свидетельством гражданского патриотического служения как большой советской, так и малой киргизской родине.

В то же время стоит обратить внимание на тот факт, что тема повседневной жизни населения Киргизской ССР в условиях военного времени отражена в рецензируемом издании фрагментарно. При отсутствии в нем отдельного раздела о материально-бытовом положении и культурном досуге киргизстанцев в тылу человеческое измерение Победы, реконструированное в книге, остается недостаточно полным.

Сохранению исторической памяти о роли, которую Советская Киргизия сыграла в годы Великой Отечественной войны, способствует также публикация архивных документов, отражающих процесс организации и функционирования республиканской «оборонки» в первой половине 1940-х гг. Одним из важных событий в современной республиканской историографии стал выход в свет документального сборника «Оборонная промышленность Кыргызстана. 1941–1945 гг.» (Бишкек, 2025), подготовленного сотрудниками Центрального государственного архива Кыргызской республики. В целом в этом издании опубликованы 94 документа, извлеченные из восьми фондов Центрального государственного архива Кыргызской республики, Центрального государственного архива политической документации Кыргызской республики, Центрального государственного архива кинофотодокументов Кыргызской республики, Иссык-Кульского областного архива. Они представлены партийно-государственными директивами и делопроизводственными материалами, позволяющими в первом приближении реконструировать историю становления и деятельности оборонных предприятий Кыргызстана.

Структура сборника является традиционной для документальных изданий. Публикация документов предваряется введением, отражающим характерную для историографии Кыргызстана концепцию, согласно которой Советский Союз являлся «нашей бывшей большой Родиной», а республика – его неотъемлемой частью. Вклад Киргизской ССР в Победу в Великой Отечественной войне раскрыт на основе документально подтвержденных фактов и цифр о мобилизации киргизстанцев на фронт, формировании национальных воинских соединений, сборе теплых вещей для бойцов Красной армии, денежных средств на строительство боевой техники, подготовке рабочих кадров в системе гострудрезервов, приеме и обустройстве эвакуированных, строительстве новых предприятий. В целом во вводной части издания представлена комплексная картина мобилизационного развития Киргизии в военное время.

Основную часть сборника составляет коллекция рассекреченных документов из архивных фондов ЦК КП Киргизии, СНК СССР и Киргизской ССР, Президиума Верховного Совета республики, а также оборонных предприятий. В массиве опубликованных документальных источников можно выделить два качественно разных блока. Первый блок содержит директивы государственных и партийных органов, осуществлявших административно-политическое и хозяйственное руководство на республиканском уровне. В них зафиксированы мобилизационные решения об организации выпуска инструментов, оружия и боеприпасов, о переброске эвакуированных заводов и выделении площадей для их размещения, налаживании электроснабжения, монтаже оборудования на производственных объектах, строительстве заводских корпусов, работе оборонных предприятий, ремонте автомобилей для Красной армии, подготовке трудовых резервов для промышленности, мобилизации неработающего трудоспособного населения, учету и распределению рабочей силы, организации социалистического соревнования. В целом директивные документы позволяют читателю сборника увидеть круг вопросов, входивших в компетенцию союзных и республиканских властей относительно организации и развития военной экономики в Киргизской ССР.

Второй блок включает в себя делопроизводственную документацию руководящих инстанций различного уровня – от высших государственных и партийных органов до директоров заводов. Речь идет о докладных, объяснительных и пояснительных записках, письмах, сообщениях, ходатайствах, справках, рапортах, сведениях, списках и планах. В этот же блок входит переписка различных должностных лиц по вопросам эвакуации, строительства, производства, материально-технического снабжения, формирования и подготовки кадров, бытового обслуживания, соцсоревнования и награждения работников.

Ведомственное и заводское делопроизводство дает конкретное представление об условиях размещения, строительства и ввода в строй эвакуопредприятий в кыргызстанском тылу, создании энергетической базы и снабжения электроэнергией военных заводов, выполнении планов и заказов выпуска оборонной продукции для армии и военно-морского флота, развитии промышленности Киргизской ССР за 1941–1945 гг. в целом. Значительно меньше в опубликованных документах содержится информации о мобилизации служащих на производство, потребностях в рабочей силе на строительномонтажных работах, открытии школ фабрично-заводского обучения, жилищных условиях заводских рабочих, оказании помощи в благоустройстве быта, порядке отоваривания продуктовых карточек, итогах социалистического соревнования, награждении передовиков производства. В целом в обнародованном документальном массиве закономерно преобладает производственная тематика.

С точки зрения понимания внутренней ситуации на военных заводах Киргизии наибольший интерес представляет служебная переписка их руководителей с отраслевыми наркоматами о проблемах налаживания и наращивания выпуска оборонной продукции. Она позволяет понять, какие трудности возникали в процессе создания и развития предприятий «оборонки» в республике в первой половине 1940-х гг. Так, в период организации производства вооружения и боеприпасов в конце 1941 – начале 1942 г. возникла межведомственная путаница в директивном планировании количества и номенклатуры выпускаемых изделий для фронта.

Например, производственная программа механического завода им. Фрунзе на 1942 г. была спущена в семи вариантах, сформулированных Главсельмашем, Наркоматом минометного вооружения СССР и Совнаркомом Киргизской ССР. Этот казус, отраженный в материалах сборника, наглядно свидетельствует о том, как планомерная слаженность советской военной экономики на бумаге в действительности превращалась в анархию несогласованных командных директив, ставивших в тупик руководство предприятий на местах. Источники такого рода создают документальную основу для подтверждения макротеоретических представлений современных экономистов о глубоко противоречивом характере социалистической плановой системы.

В конечном итоге отмеченный выше момент является принципиальным в плане объективности осмысления советского этапа развития кыргызстанского государства и общества, представленных в рецензируемом научно-популярном издании, характерной чертой которого является ярко выраженный пиетет в отношении целей и практик строительства социализма в СССР и Киргизии. Это в свою очередь приближает язык современного национального историописания к позднесоветскому историческому нарративу. Суть этого приближения заключается в исключительно положительной характеристике феномена социалистической модернизации Кыргызстана, отличавшейся якобы лишь блестящими успехами и достижениями. Вне всякого сомнения, государственное, хозяйственное и социально-культурное строительство в республике накануне и в годы Великой Отечественной войны принесло населению республики немало позитивных результатов. Однако не стоит забывать и о хорошо известных сегодня на постсоветском пространстве травмах общего исторического прошлого, о которых в частности повествуют материалы данного документального сборника. Рецензируемые книги демонстрируют тонкую грань между глубоко эмоциональной памятью о многонациональной советской Родине, с одной стороны, и научно-рациональным пониманием общественной системы «реального социализма», обладавшей в Центральной Азии макрорегиональной спецификой – с другой.

Правила оформления статей

Правила разработаны с учетом *параллельной публикации* в «ИНЦА» статей на русском и английском языках. Окончательные правила будут опубликованы на сайте журнала.

На русском языке:

К публикации принимаются статьи объемом не более 1 авт. листа (40 тыс. знаков, включая пробелы). В качестве исключения допускаются к публикации историографические обзоры объемом не более 1,5 авт. листа (40 тыс. знаков, включая пробелы). Кроме того, журнал принимает сообщения о научных конференциях, симпозиумах, школах, персонах, а также рецензии на публикации (до 20 тыс. знаков).

При подаче статьи должны быть указаны: индекс УДК; название статьи, данные об авторе: Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, должность, место работы (в соответствии с уставом учреждения), номер открытого идентификатора исследователя ORCID, адрес электронной почты (все полностью, без сокращений); аннотация (объемом от 1,0 тыс. до 1,5 тыс. знаков) и ключевые слова (не более 10).

Шрифт – Times New Roman.

Кегль текста – 12, постраничных ссылок – 10.

Межстрочный интервал – 1,5.

Поля: сверху и снизу – 2 см, слева – 3, справа – 1,5 см.

Отступ – 1,5 см.

Нумерация страниц сплошная, с 1-ой страницы, внизу справа.

Переносы автоматические.

Сноски и примечания – автоматические, постраничные. Оформление должно соответствовать библиографическому стандарту (в сносках не указывать редакторов, составителей, издательства, число страниц).

При наличии рисунков и таблиц дать на них ссылки в тексте:

Текст... (рис. 1). Текст... (табл. 1).

При ссылке на единственный рисунок или таблицу ссылаться так:

Текст... (см. рисунок). Текст... (см. таблицу).

К рисункам предоставляются подрисуночные подписи (приводятся после Списка литературы).

Над таблицами помещаются заголовки.

В список литературы статьи, поданной в журнал на РУССКОМ ЯЗЫКЕ, включаются все издания, которые должны быть учтены для подсчёта количества цитирований у авторов научных работ. Архивные источники и газетные статьи в список литературы не включаются. В список включаются только те публикации, на которые есть ссылки в тексте. При наличии указывается DOI. Названия статей, монографий, сборников статей и сборников документов НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ, включенных в список, НЕ ТРАНСЛЕТИРИРУЮТСЯ И НЕ ПЕРЕВОДЯТСЯ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК. При этом подлежат переводу на РУССКИЙ ЯЗЫК в квадратных скобках названия статей, монографий, сборников статей и сборников документов, опубликованных на ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКАХ. ФАМИЛИИ АВТОРОВ данных публикаций и названия журналов ТРАНСЛЕТИРИРУЮТСЯ.

Оформление раздела References производится редакционной коллегией журнала «ИНЦА» в качестве составной части перевода статьи, поданной на русском языке, на английский язык.